

№4 (36) 2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ**

Входит в Перечень ВАК
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Журнал открытого доступа
Плата за публикацию с авторов не взимается

5.4 Социология

5.4.4 Социальная структура,
социальные институты и процессы
5.4.7 Социология управления

5.3 Психология

5.3.3 Психология труда, инженерная
психология, когнитивная эргономика

5.8 Педагогика

5.8.7 Методология и технология
профессионального образования

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.А. ЛЕОНОВА

Свидетельство о регистрации Эл №ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

ISSN (On-line): 2500-4204

www.sgtjournal.ru

Научный журнал «СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

№ 4 (36), 2025

ISSN (Online) 2500-4202

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.

Учредитель: «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии», г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д.42) / 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афонин И.Д., кандидат педагогических наук, доцент
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
Гайдабрус Н.В., кандидат философских наук, доцент
Гусева И.И., доктор философских наук, профессор
Долгорукова И.В., доктор социологических наук, профессор
Захарова Н.Л., доктор психологических наук, профессор
Капранова М.В., кандидат психологических наук, доцент
Когтева Е.В., кандидат социологических наук, доцент
Костыря С.С., кандидат психологических наук, доцент
Красикова Т.И., кандидат филологических наук, профессор
Кюрегян М.П., кандидат социологических наук
Лапшинова К.В., кандидат социологических наук, доцент
Ларионов А.Э., кандидат исторических наук, доцент
Магомедов К.О., доктор социологических наук, профессор
Морозюк С.Н., доктор психологических наук, профессор
Морозюк Ю.В., доктор психологических наук, профессор
Романов П.С., доктор педагогических наук, доцент
Старцева Т.Е., доктор педагогических наук, профессор
Тавокин Е.П., доктор социологических наук, профессор
Ткалич М.А., кандидат социологических наук

EDITOR-IN-CHIEF:

Kirilina T.Yu., Doctor of Sociology, Professor

EDITORIAL BOARD:

Afonin I.D., PhD {Pedagogy}, Associate professor
Barkov A.S., Doctor of Sociology, Professor
Gaydabrus N.V., PhD, Associate professor
Guseva I.I., Doctor of Philosophy, Professor
Dolgorukova I.V., Doctor of Sociology, Professor
Zakharova N.L., Doctor of Psychology, Professor
Kapranova M.V., PhD {Psychology}, Associate professor
Kogteva E.V., PhD {Sociology}, Associate Professor
Kostyrya S.S., PhD {Psychology}, Associate professor
Krasikova T.I., PhD {Philology}, Professor
Kyuregyan M.P., PhD {Sociology}
Lapshinova K.V., PhD {Sociology}, Associate professor
Larionov A.E., PhD {History}, Associate professor
Magomedov K.O., Doctor of Sociology, Professor
Morozuk S.N., Doctor of Psychology, Professor
Morozuk Yu.V., Doctor of Psychology, Professor
Romanov P.S., Doctor of Pedagogy, Associate professor
Startseva T.E., Doctor of Pedagogy, Professor
Tavokin E.P., Doctor of Sociology, Professor
Tklich M.A., PhD {Sociology}

Над выпуском работали:

Паршина Ю.С.

Когтева У.А.

22.12.2025 г.

Адрес редакции:

141070, Королев, Ул. Октябрьская, 10а

Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgt@ut-mo.ru

www.sgtjournal.ru

© Технологический университет

СОДЕРЖАНИЕ

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ.3

Волохова А.А., Абрамова А.О., Лимонова М.А. Профилактика наркозависимости среди подростков3

Ипатов Л.П., Самаров Е.К., Ионченкова Я.Ю. Построение системы распознавания по данным социологического анкетирования.....20

Курышова Л.Н., Мотыкин В.Н. Восприятие проблемы наркомании населением и наркопотребителями в регионе32

Овчинников Д.А. Исследование проблем безопасности учащихся в социальной среде школы42

Чанкова Е.В. Коммуникативная компетентность личности во взаимодействии с искусственным интеллектом как форма культурного капитала53

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ.....62

Асташев Р.В., Швандерова А.Р. Управленческая деятельность в контексте социальной архитектуры.....62

Ракович Е.В. Концептуальная модель проведения социальной экспертизы управленческих решений в области человеческих ресурсов современного вуза73

Чанкова Е.В. Управленческий потенциал компетентности личности в коммуникации в современном коммуникативной пространстве82

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА92

Жарких Н.Г., Костыря С.С. Сравнительный анализ структуры профессиональной идентичности в разных профессиональных группах92

Капранова М.В. Психологические аспекты карьерного развития в современных условиях трансформации занятости117

Чижова Д.Д. Предикторы профессиональной успешности инспектора по делам несовершеннолетних: ключевые качества, определяющие результативность.....125

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....134

Гончарова В.В., Кондина А.С., Маслова Е.Г., Минасян Е.Т. Использование методического потенциала современных медиатекстов в иноязычной подготовке организационных психологов134

Квач И.В. Формирование инженерного стиля мышления в процессе изучения начертательной геометрии153

Квач С.С. Дисциплина «Правоведение» в системе подготовки инженеров оборонно-промышленного комплекса: содержательный и методический аспекты162

Пронина И.В. Модель формирования новой исследовательской культуры студентов172

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ОБ АВТОРАХ:

Волохова Александра Александровна, заместитель руководителя социально-правовой комиссии Профсоюза студентов Пироговского Университета, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский университет), Москва, Россия

Абрамова Анжелика Олеговна, тьютор Пироговского Университета, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский университет), Москва, Россия

Лимонова Мария Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры теоретической и специальной социологии имени М.А.Будановой, ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Volokhova Alexandra A., Deputy Head of the Social and Legal Commission of the Pirogov University Student Union, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov University), Moscow, Russia

Abramova Anzhelika O., Tutor at Pirogov University, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov University), Moscow, Russia

Limonova Maria A., Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

УДК 316

Волохова А.А., Абрамова А.О., Лимонова М.А. Профилактика наркозависимости среди подростков

В статье исследуется проблема подростковой наркомании, анализируются ключевые факторы риска (социальные, психологические, биологические) и роль специалистов по социальной работе в профилактике и реабилитации. На основе интервью с сотрудниками центра «Возрождение» выявлены эффективные методы работы с подростками, а также трудности реабилитационного процесса, включая проблемы мотивации. Авторы подчеркивают необходимость усиления межведомственного взаимодействия и комплексного подхода, сочетающего профессиональные методики с индивидуальной работой. Также в качестве рекомендаций авторы выделяют авторскую программу работы по профилактике употребления психоактивных веществ у несовершеннолетних. Программа направлена на профилактическую и коррекционно-развивающую работу с несовершеннолетними асоциального поведения. На первый план выносятся проблема сохранения физического, психического и духовного здоровья подростка как фундаментальной основы для полноценного и гармоничного развития личности; защиты прав и интересов ребёнка из неблагополучной семьи, оказания комплексной помощи.

Ключевые слова: девиантное поведение, социальная профилактика, подростковая наркомания, социальная работа, специалист по социальной работе.

Для цитирования: Волохова А.А., Абрамова А.О., Лимонова М.А. Профилактика наркозависимости среди подростков // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 3-19.

PREVENTION OF DRUG ADDICTION AMONG TEENAGERS

Volokhova A.A., Abramova A.O., Limonova M.A.

The article explores the problem of adolescent drug addiction, analyzing the key risk factors (social, psychological, and biological) and the role of social workers in prevention and rehabilitation. Based on interviews with employees of the Vozrozhdenie Center, effective methods of working with adolescents are identified, as well as the difficulties of the rehabilitation process, including motivation issues. The authors emphasize the need for increased interagency cooperation and a comprehensive approach that combines professional techniques with individualized work. The authors also recommend an author's program for preventing the use of psychoactive substances by minors. The program focuses on preventive and corrective-developmental work with minors exhibiting antisocial behavior. The

program emphasizes the importance of preserving the physical, mental, and spiritual health of adolescents as a fundamental basis for their full and harmonious development, as well as protecting the rights and interests of children from disadvantaged families and providing comprehensive assistance.

Keywords: social prevention, adolescent drug addiction, social work, social work specialist.

For citation: Volokhova A.A., Abramova A.O., Limonova M.A. Prevention of drug addiction among teenagers. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 3-19. (In Russ.)

Девиантное (отклоняющееся) поведение — это действия, поступки или установки, выходящие за рамки общепринятых социальных норм, принятых в данном обществе или социальной группе. Оно может носить как негативный, так и позитивный характер в зависимости от контекста и восприятия со стороны общества.

Основой социологических теорий девиантного поведения стала теория аномии, разработанная Эмилем Дюркгеймом. Аномия представляет собой состояние общества, при котором наблюдается распад системы ценностей и норм. Это связано с общим кризисом социальных институтов и противоречием между провозглашаемыми целями и реальными возможностями их достижения для большинства членов общества. В условиях аномии нормы теряют свою значимость — они становятся расплывчатыми, слабыми или даже взаимоисключающими. Это вызывает трудности в координации индивидуального поведения, что, в свою очередь, способствует формированию отклоняющегося поведения.

Одной из причин роста девиантного поведения является трансформация ценностей в различных слоях общества, вызванная социально-экономическими изменениями. Так, если ранее в российском обществе в приоритете находились такие ценности, как труд на благо общества, взаимопомощь, семья, патриотизм и дружба, то в современных реалиях на смену им пришли эгоцентризм, культ материального успеха, гедонизм и стяжательство.

В результате формируется разрыв между провозглашёнными ценностями и реальной практикой их осуществления, а также между социально одобряемыми целями и доступностью легальных способов их достижения. Это противоречие способствует росту девиаций.

Американский социолог Роберт Мертон в 1938 году дополнил теорию аномии Дюркгейма, сосредоточив внимание на несоответствии между культурными целями общества и доступными средствами их достижения. По мнению Мертона, девиация возникает тогда, когда индивиды принимают общественно значимые цели, но лишены легитимных способов их реализации.

Например, в обществе существует потребность в квалифицированных специалистах с высшим образованием. Однако из-за социально-экономических барьеров не все граждане имеют возможность получить необходимое образование или престижную работу. В результате часть людей может искать альтернативные, в том числе криминальные, пути удовлетворения своих потребностей, что и является проявлением девиантного поведения.

Актуальность проблемы подростковой наркомании обусловлена ростом числа несовершеннолетних, вовлекаемых в употребление психоактивных веществ (ПАВ). По данным ВОЗ [1], раннее приобщение к наркотикам увеличивает риск формирования стойкой зависимости и девиантного поведения. В связи с этим особую значимость приобретает профилактическая работа, направленная на предупреждение наркопотребления среди подростков.

Подростковый возраст (12–16 лет) характеризуется повышенной уязвимостью к внешним влияниям, что делает эту группу особенно восприимчивой к наркотизации. Основными факторами риска являются социальные - т.е. неблагополучие семьи, влияние девиантных групп, а также доступность ПАВ; к наиболее распространенным психологическим факторам относят неустойчивую самооценку, склонность к рискованному поведению; биологические подразумевают собой генетическую предрасположенность к зависимостям.

Специалисты по социальной работе занимают центральное место в системе профилактики подростковой наркомании, их деятельность носит комплексный и междисциплинарный характер. В отличие от узкопрофильных специалистов (наркологов, психологов), специалисты по социальной работе действуют на стыке индивидуальной помощи, семейного консультирования, образовательной и общественной работы, что позволяет охватить все ключевые сферы влияния на подростка.

Правильно организованная работа специалистов не только помогает предотвратить наркозависимость среди подростков, но и способствует формированию здорового общества в целом. Чем раньше и грамотнее будут внедрены профилактические меры, тем устойчивее окажется результат.

Данная статья основана на результатах исследования. Было проведено экспертное интервью специалистов по социальной работе социально-реабилитационного центра “Возрождение”, на протяжении многих лет осуществляющих комплексную поддержку подростков, страдающих наркозависимостью.

Работа с подростками, употребляющих ПАВ, требует не только профессиональных навыков в области социальной работы, но и глубоких психологических знаний. Наличие квалификации «специалист по социальной работе» позволяет эффективно решать вопросы социальной адаптации, взаимодействия с семьей и окружением, а также оказывать помощь в трудоустройстве и образовании. Однако, для полноценной реабилитационной работы этого недостаточно, поскольку наркозависимость тесно связана с комплексом психологических проблем – от личностных кризисов и эмоциональной неустойчивости до глубоких поведенческих и когнитивных искажений.

Именно поэтому в работе с такой уязвимой группой, как подростки, принципиально важно наличие дополнительной квалификации в области психологии или тесное взаимодействие с профессиональными психологами. Психологическая подготовка позволяет специалисту не только выявлять глубинные причины зависимости, но и применять доказанные методы коррекции, такие как когнитивно-поведенческая терапия, мотивационное интервьюирование или арт-терапия. Без этих инструментов социальная работа рискует остаться поверхностной, сосредоточенной лишь на внешних проявлениях проблемы, а не на ее психологических истоках.

В рамках экспертного интервью ставилась задача проанализировать как сильные стороны применяемых методик, так и существующие ограничения, препятствующие достижению максимальной эффективности реабилитационного процесса. На вопрос “Какие виды терапии Вы применяете в работе с подростками?” в качестве основных видов выделены: когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), семейная терапия и групповая терапия.

Практика работы с подростками неизбежно сопряжена с рядом сложностей, среди которых специалисты наиболее часто выделяют низкую мотивацию самих подростков, их семей, а также ограниченный когнитивный уровень подопечных. Мотивационные трудности подростков обусловлены особенностями возрастного развития и спецификой зависимости. В отличие от взрослых, подростки редко осознают тяжесть своего состояния, а болезненная привязанность к психоактивным веществам часто формируется на фоне отрицания проблемы. Многие из них попадают в реабилитационные программы не по собственному желанию, а под давлением родителей, школы или правоохранительных органов, что изначально снижает вовлеченность в реабилитационный процесс.

Специалисты по социальной работе используют различные профилактические программы. На вопрос “Какие профилактические программы Вы используете?” эксперты отметили проведение информационно-просветительских программ. Специалисты организуют лекции, семинары и тематические мероприятия, где подросткам доступно рассказывают о вреде наркотиков и последствиях их употребления. Такие программы помогают повысить уровень осведомленности молодежи и сформировать у них устойчивое негативное отношение к наркотикам. Ещё одной важной программой специалисты выделили формирование жизненных навыков. Существуют тренинги и занятия, направленные на развитие у подростков навыков общения, умения справляться со стрессом, принимать взвешенные решения и сопротивляться негативному влиянию сверстников. Особое внимание уделяется работе с родителями. Вовлечение семьи в профилактический процесс помогает создать поддерживающую среду для подростка. Специалисты по социальной работе проводят родительские собрания, консультируют по вопросам воспитания и взаимодействия с подростками, а также организуют совместные мероприятия, способствующие укреплению семейных отношений. Также широко используется методика работы с реер-группами, когда подростки сами становятся активными участниками профилактических программ. Кроме того, специалисты применяют и другие нестандартные подходы. Например, вовлекают подростков в посещение мест культуры, участие в волонтерских проектах, таких как помощь в хосписах.

Одним из важнейших условий успешной профилактики является слаженное взаимодействие между разными учреждениями: социальной службой, медицинскими организациями, правоохранительными органами, образовательными учреждениями, НКО и другими участниками. Не менее значимым является грамотное определение состояния человека. Наркозависимость часто сопровождается сопутствующими психическими расстройствами, травмами, сложным социальным фоном. Ошибочный или поверхностный диагноз может привести к неэффективной помощи, ухудшению состояния и потере доверия со стороны клиента. Только при участии профессионалов — психологов, психиатров, социальных работников — возможно сформировать полную картину и выбрать правильную стратегию сопровождения. Социальная работа с наркозависимыми требует четкой структуры и прозрачности в действиях. Это касается как профессионалов, так и самих клиентов. Согласованные шаги, установленные правила и регулярная обратная связь помогают формировать ответственное поведение у клиента, возвращать ему чувство контроля над своей жизнью. Пожалуй, одно из самых ценных качеств специалиста — способность к эмпатии. Люди, страдающие от зависимости, часто сталкиваются с осуждением, стигматизацией, социальной изоляцией. Эмпатичный подход, основанный на уважении, принятии и понимании, позволяет наладить доверительный контакт, без

которого невозможно построить долгосрочные и эффективные отношения. Работа будет успешной только в случае, если заинтересованность присутствует как у специалиста, так и у клиента. Задача социального работника — не только предоставить услуги, но и мотивировать человека к изменениям, пробудить внутренние ресурсы. Успешная профилактика наркозависимости невозможна без командного подхода, профессионализма, межведомственного взаимодействия и искреннего человеческого участия.

Качественный показатель реабилитационной работы зависит не только от самого реабилитационного центра, но и других структур, причастных к своевременному выявлению, диагностике и дальнейшей профилактике с наркозависимым и его семьей. На вопрос “Как вы оцениваете уровень взаимодействия с другими организациями, участвующими в профилактике наркозависимости?”, эксперты отметили средний уровень. Отсутствие четко налаженных межведомственных связей, недостаточная координация действий между учреждениями здравоохранения, социальной защиты, правоохранительными органами и общественными организациями приводят к тому, что помощь оказывается фрагментарно. В результате этого, часть пациентов и их близких не получают своевременной поддержки, что негативно сказывается на процессе реабилитации и повышает риск рецидивов.

В качестве рекомендаций эксперты подчеркивают необходимость усиления междисциплинарного взаимодействия, разработки единых алгоритмов работы и повышения заинтересованности всех причастных структур в совместной деятельности.

Также в качестве рекомендаций авторы выделяют авторскую программу работы по профилактике употребления спиртных напитков и активных веществ у несовершеннолетних. Программа направлена на профилактическую и коррекционно-развивающую работу с несовершеннолетними асоциального поведения, отвлечение от негативного влияния улицы, приобщение через отработанные педагогические технологии к здоровому образу жизни, оздоровлению и облагораживанию круга общения, создание условий для физического, психического и социального благополучия. На первый план выносится проблема сохранения физического, психического и духовного здоровья подростка как фундаментальной основы для полноценного и гармоничного развития личности; защиты прав и интересов ребёнка из неблагополучной семьи, оказания комплексной помощи.

Программа по профилактике асоциальных явлений предполагает целый комплекс социально-профилактических мер, которые направлены на оздоровление условий семейного воспитания, так и на индивидуальную психолого-педагогическую коррекцию личности подростка, также мер по восстановлению его социального статуса в коллективе сверстников.

Целью программы является профилактика девиантного поведения, недопущение повторного совершения правонарушения, связанного с употреблением алкоголя и ПАВ, коррекция личностного развития несовершеннолетнего, помощь в решении проблем, возникающих в ходе повседневной жизни.

Задачи, реализуемые в программе:

1. Оценка жизненной ситуации подростков с девиантным поведением, определение основных причин приводящих к употреблению ПАВ;
2. Формирование реальной жизненной перспективы на основе продолжения образования, профориентации, развития трудовых навыков;

3. Информирование о последствиях употребления СН и ПАВ;
4. Формирование когнитивных схем, позволяющих отказаться от употребления СН и ПАВ;
5. Формирование навыков отказа от предложений СН и ПАВ со стороны окружающих;
6. Формирование негативного отношения к УСН и УПАВ;
7. Развитие навыков коммуникации и общения;
8. Развитие навыков планирования;
9. Повышение уровня компетентности родителей в вопросах взаимодействия с детьми.

Программа имеет фиксированные сроки согласно индивидуальной программе предоставления социальных услуг, утвержденной районными отделами социальной защиты г. Москвы и рассчитана на 1 год.

Продление программы на более длительный срок возможно в индивидуальных случаях при согласовании специалистов профилактической группы.

Программа разделена на этапы, соответствующие определенным задачам профилактики: время прохождения каждого этапа зависит от особенностей личности несовершеннолетнего и степени его изначальной социальной дезадаптации.

Первый этап - организационный (выявление подростков, употребляющих ПАВ; определение соответствия возможностей отделения социальной профилактики жизненной ситуации подростка (социальная диагностика); вовлечение подростка в программу профилактики (формирование мотивации на участие в программе профилактики).

Второй этап - диагностический (изучение особенностей и потребностей подростков: сбор информации о жизненной ситуации подростков с аддиктивным поведением (беседы, наблюдение) с целью сбора информации для определения основных причин приводящих к употреблению ПАВ).

Третий этап - деятельностный (координация действий, осуществление запланированных мероприятий, разработка системы контроля за их реализацией).

Четвертый этап - Оценка эффективности проведенной работы по изменению социальных показателей (улучшение внутрисемейных отношений, появление содержательных увлечений, включение в работу/учебу, отказ от употребления ПАВ), анализ и подведение итогов, дальнейшее планирование с учетом выработанных рекомендаций.

Работа осуществляется после составления индивидуально-профилактического плана в отношении несовершеннолетнего, которая включает в себя: участие в социокультурных мероприятиях, благотворительности, выездных мероприятиях, индивидуальная воспитательная и психологическая работа, различные форматы группового взаимодействия, семейная работа, профориентация и трудотерапия, организация конструктивного досуга, определения хобби, помощь в формировании нового позитивного окружения, помощь в преодолении проблем, возникших на фоне разового и эпизодического употребления ПАВ, и т.д.

Реализация программы осуществляется с использованием как индивидуальных, так и групповых методов работы.

Методы и приемы работы: мотивационное консультирование, беседа, наблюдение, психодиагностическое исследование, групповые занятия с элементами тренинга, групповые занятия с элементами арт-терапии, познавательные игры, семинары, объяснение, демонстрация, сюжетно-ролевые игры, трудотерапия, помощь

в преодолении ТЖС, профориентация, мероприятия по ресоциализации, правопросвещение, мониторинг семейной ситуации и др.

Приложение 1. Примерный вариант групповых психокоррекционных занятий, используемых в программе работы по профилактике употребления психоактивных веществ у несовершеннолетних

Занятие 1. Вступительное занятие

Цель: выработка групповых норм, включение детей в работу, знакомство и определение дальнейших направлений движения.

Задачи:

- информировать участников группы о содержании работы, задачах, групповых нормах;
- обозначить продолжительность занятий;
- установить принципы работы в группе;
- сформировать спокойную, доброжелательную обстановку;
- формировать у членов группы установку на взаимопонимание;
- формировать первые впечатления друг о друге.

Время: до 90 минут.

Место занятия: тренинговый класс, открытая площадка.

Процедура проведения.

Принципы работы в группе. По каждому из принципов подростки выражают свое мнение и выносят решение - принять его или отвергнуть.

1. Искренность в общении. В группе не стоит лицемерить и лгать. Группа — это место, где можно рассказать о том, что действительно волнует, обсуждать такие проблемы, которые до момента участия в группе по каким-либо причинам не обсуждались. Если вы не готовы быть искренними в обсуждении какого-то вопроса, лучше промолчать.

2. Обязательное участие в работе группы в течение всего времени. Этот принцип вводится в связи с тем, что ваше мнение очень значимо для других членов группы. Ваше отсутствие может привести к нарушению внутригрупповых отношений, к тому, что у других не будет возможности услышать вашу точку зрения по обсуждаемому вопросу.

3. Право каждого члена группы сказать «стоп». Можно прекратить обсуждение, если понимаете, что упражнение может затронуть болезненные темы, которые повлекут за собой тяжелые переживания. Участник имеет право не принимать участия в обсуждении.

4. Каждый участник говорит за себя, от своего имени и не говорит за другого.

5. Не критиковать и признавать право каждого на высказывание своего мнения, уважать мнение другого. Нас достаточно критикуют и оценивают в жизни. Давайте в группе учиться понимать другого, чувствовать, что человек хотел сказать, какой смысл вложил в высказывание.

6. Высказываться деликатно, аккуратно.

7. Не выносить за пределы группы все то, что происходит на занятиях.

8. Внимательно выслушивать мнения других, не перебивать.

9. Ввести знак-регулятор, например поднятая рука, при котором все внимание обращается на ведущего.

10. Ввести лимит времени, который будет ограничивать и задавать рамки каждого занятия.

11. Попросить детей предложить дополнительные принципы, если они сочтут это необходимым.

Представление. Предложить каждому члену группы представиться. Представление ведется по кругу. Участники имеют право задавать любые вопросы.

Взаимное интервью. Участники разбиваются на пары и в течение 10–15 минут проводят взаимное интервью. По окончании каждый представляет своего интервьюируемого. В этой процедуре более высок обучающий эффект, так как есть хорошая возможность анализировать, на что обратил внимание интервьюер, удалось ли ему достоверно представить психологический портрет своего партнера, какие вопросы задавали друг другу пары. Участники также задают любые вопросы.

Выводы. Это занятие способствует формированию первых впечатлений друг о друге. Устанавливается взаимопонимание и общий настрой на дальнейшее сотрудничество.

Занятие 2. Употребление психоактивных веществ: мифы и реальность

Занятие можно проводить в трех вариантах на темы: курение; алкоголь; наркотики.

Цель: предоставить подросткам необходимую информацию для преодоления общепринятых мифов и неправильного понимания значения психоактивных веществ (алкоголя, табака, марихуаны).

Задачи:

1. обсуждение причин употребления психоактивных веществ;
2. обсуждение мифов и реальности воздействия психоактивных веществ на организм;
3. установить долговременный и кратковременный эффект влияния психоактивных веществ на организм;
4. описать процесс превращения человека в зависимого от алкоголя, табака, марихуаны.

Время: до 90 минут.

Материалы: большой лист бумаги.

Задание: попросить детей принести рекламу алкоголя и сигарет, вырезанную из журналов и газет.

Занятие 3. Я и моё тело

Цель: расширение опыта взаимодействия с телесным образом «Я».

Задачи:

1. Описать варианты изменения телесного облика;
2. Моделирование ситуации изменения образа тела;
3. Актуализация выбора индивидуального решения.

Время: до 90 минут.

Материалы: краски, кисточки, большой лист бумаги, фломастеры.

Процедура проведения: Мозговой штурм. Подросткам предлагается ответить на вопросы: что мы делаем со своим телом? Для чего?

Лист бумаги делится на две части, куда вписываются предложенные варианты и мнения детей, а также их положительные и отрицательные стороны. Добавить к причинам те, которые подростки не указали.

Отрицательные стороны: вредно для здоровья; невозможность впоследствии полностью избавиться; «забивает» индивидуальность, становишься рабом отдельного

круга людей, моды, рекламы; может не понравиться другу/подруге и послужить причиной конфликта; навязывание стереотипа поведения, иногда губительного для личности.

Положительные стороны: подчеркивает индивидуальность; появляется чувство гордости за то, что ты не такой, как все; меняется настроение и поведение в целом, на пример был замкнутым, «забитым», стал крутым и сильным; красота и привлечение внимания.

Что мы делаем со своим телом	Для чего
Макияж	- кому-нибудь понравиться - приятно выглядеть - для себя и окружающих - повысить уверенность в себе - по привычке - скрыть недостатки - подчеркнуть индивидуальность
Татуировка	- красиво и модно - в подражание другим - стереотипы - чтобы выразить внутренний мир - показать индивидуальность — это «круто», показать свою силу, авторитет (у зеков), - необычность, стиль - чтобы шокировать окружающих - вызывает чувство гордости
Пирсинг	- принадлежность к какому-нибудь клану, вере - стильность - сексуальность - имидж - чтобы не быть как все - модно

Обсуждение. Обсудить, зачем человек прибегает к таким способам изменения своей внешности. Разобрать культурные и исторические аспекты нанесения татуировок, макияжа, прокалывания различных частей тела, например: ритуал, средство привлечения внимания, коммуникации, статусные отношения.

Занятие 4. Принятие решений

Цель: исследовать процесс принятия решения группой.

Задачи:

1. Обучить эффективному поведению в процессе поиска согласия в группах;
2. Получить информацию о коммуникативных процессах в группе и о существующих в ней отношениях доминирования и руководства;
3. Способствовать сплочению участников группы.

Время: до 90 минут.

Материалы: копии инструкции, листы бумаги, карандаши.

Процедура проведения

Ведущий: «Сегодня мы на примере игры узнаем, как и почему люди принимают решения. Чем старше вы становитесь, тем более сложные решения вам придется принимать. Наша игра даст вам возможность поучиться принимать решения.»

Инструкция. Каждый участник получает указание за 15 минут выполнить задание по инструкции.

Ведущий: «Вы дрейфуете на яхте в южной части Тихого океана. В результате пожара большая часть яхты и находящегося на ней груза уничтожены. Теперь яхта медленно тонет. Ваше местонахождение неизвестно, потому что навигационные приборы испорчены. По самым благоприятным оценкам, вы находитесь примерно в тысяче миль к юго-западу от ближайшего берега. Ниже приведен список из 15 предметов, которые не пострадали от пожара. Кроме того, у вас осталась резиновая спасательная шлюпка с веслами, достаточно большая, чтобы вместить вас, остальной экипаж и все перечисленные ниже предметы. Плюс к тому в карманах у всех вас в сумме набирается пачка сигарет, несколько коробков спичек и пять долларовых банкнот. Ваша задача - расставить все предметы из списка по их важности для выживания. Самый важный предмет получает номер 1, следующий - номер 2 и так далее до номера 15, который наименее важен.

- Секстант
- Зеркальце для бритья
- Пятигаллоновый бочонок воды
- Противомоскитная сетка
- Одна коробка с армейским рационом питания
- Карты Тихого океана
- Подушка для сиденья (одобрено как плавсредство службой спасения на водах)
- Двухгаллоновый баллон дизельного топлива
- Транзисторный приемник
- Репеллент для отпугивания акул
- Двадцать квадратных футов светонепроницаемого пластика
- Одна кварта пуэрториканского рома
- Пятнадцать футов нейлоновой веревки
- Две коробки шоколада
- Набор рыболовных принадлежностей
- Выработка решения.

После того как каждый закончил работу над своим списком, группа получает 45 минут для выполнения следующей задачи.

Надо выработать общее для всей группы решение, руководствуясь специальным методом достижения консенсуса. Он предусматривает достижение согласия всех членов группы относительно позиции каждого предмета в списке.»

После того как группа завершит свою работу над списком, посмотрите в дополнении к занятию, каким должен быть правильный порядок. Можно сравнить результаты работы каждого участника с результатом, который был получен группой в целом.

Обсуждение процесса принятия решения. Проводится в форме групповой дискуссии.

1. Какие стили поведения способствовали или препятствовали достижению согласия?

2. Какие отношения лидерства и подчинения выявились в процессе принятия общего решения?
3. Кто участвовал в выработке консенсуса, а кто нет?
4. Какой была атмосфера в группе во время обсуждения?
5. Удалось ли использовать возможности группы оптимальным образом?
6. Как можно улучшить процесс принятия общего решения?

Дополнение к приложению. Пять этапов принятия решений:

- 1) Проясни для себя, какое решение необходимо принять.
- 2) Продумай все возможные альтернативы (что ты можешь сделать в этой ситуации).
- 3) Собери информацию, необходимую для принятия решений.
- 4) Продумай последствия каждой альтернативы (подумай, что произойдет при принятии каждого возможного решения).
- 5) Выбери наилучшую альтернативу и осуществи необходимые действия. Будь уверен, что доведешь решение до конца.

Ответы и их обоснование. Эксперты считают, что главным для потерпевших крушение посреди океана является то, что может привлечь к ним внимание, и то, что может поддержать их существование, пока не появится помощь. Навигационные приборы и спасательные шлюпки особого значения не имеют. Даже если небольшой спасательный плот и может доплыть до ближайшего берега сам по себе, необходимые запасы продовольствия на нем не уместятся. Поэтому первостепенную важность приобретают зеркальце для бритвы и канистра с горючей смесью. И то и другое можно использовать для сигнализации. Менее важны запасы воды и пищи, например ящик с армейским рационом питания. Ниже ранжирование оставшихся на яхте предметов приводится вместе с его обоснованием. Краткие пояснения, разумеется, не исчерпывают всех способов применения каждого предмета, а отмечают только самые главные из них.

- Зеркальце для бритвы. Чрезвычайно важное средство привлечения внимания воздушной службы спасения.
- Двухгаллоновый баллон дизельного топлива. Важное средство сигнализации: пятно горючей смеси будет держаться на поверхности воды, где его можно поджечь с помощью спичек и долларовых банкнот.
- Пятигаллоновый бочонок воды. Необходим для восполнения потери жидкости в организме.
- Одна коробка с армейским рационом питания. Основной запас питания.
- Двадцать квадратных футов светонепроницаемого пластика. Можно использовать для сбора дождевой воды и для защиты от непогоды.
- Две коробки шоколада. Резервный запас питания.
- Набор рыболовных принадлежностей. Поставлен ниже шоколада, потому что «синица в руках лучше журавля в небе». Рыбу еще поймать надо.
- Пятнадцать футов нейлоновой веревки. Веревкой можно привязать нужные вещи, чтобы они не свалились за борт.
- Подушка для сиденья (одобрена как плавсредство службой спасения на водах). Если кто-то окажется за бортом, ее можно использовать как спасательное средство.

- Репеллент для отпугивания акул.

Занятие 5. Я и мои социальные роли

Цель: показать спектр ролей личности; дифференцировать свое «Я» и роли, роли и маски.

Задачи:

1. предоставить детям возможность попытаться изменить свое поведение;
2. предоставить детям возможность применить новые формы поведения в ситуациях, приближенным к реальным;
3. смоделировать более успешные формы поведения, разыграть их в безопасной обстановке;
4. дать детям возможность испытать незнакомые чувства, воспринять новые мысли и идеи;
5. дать обратную связь.

Время: до 90 минут.

Материалы: не требуются.

Процедура проведения

Ведущий: Есть мнение, что человек представляет собой набор ролей. В каждый момент мы не только можем считать себя сложной совокупностью ролей, но с течением времени роли, которые нам приходится играть, расширяются, углубляются или временно отходят на второй план, а то и постепенно исчезают из репертуара. Одни из них постоянно общаются между собой, другие ведут уединенный образ жизни.

Момент несовпадения роли и внутреннего «Я» позволяет говорить о масках. Эти маски могут принимать множество различных форм. Например, каждый из вас, сидя за партой, надевает маску хорошего ученика. Выйдя из школы, в кругу друзей, вы меняете маску. Дома она приобретает новый облик.

Маски создаются для того, чтобы помочь людям справляться с жизнью, и поэтому их можно считать «масками приспособления». Каждая из них имеет свою природу. Они создаются для определенной цели. Всем им есть что о себе сказать, и любая история будет связана с чувствами, которые оказываются слишком сильными, чтобы их сдерживать. Поэтому человеку требуется маска, чтобы их скрыть, сковать и отделить от себя.

Таким образом, с одной стороны, маска предохраняет человека, с другой - является окном в его сложный внутренний мир.

I. Групповая дискуссия.

Обсудить спектр ролей, присущих человеку, в частности подростку. Мнения детей выписываются на большой лист бумаги. Например, подросток может иметь следующие роли: ученик, сын, брат, покупатель, друг и др.

Выяснить - когда, зачем и в каких ситуациях человек надевает маски. Не имея возможности выразить свои истинные чувства, мы скрываемся за масками, например, «пофигиста», «хорошей девочки», «тусовщика», «крутого парня», «нытика и зануды» и др.

II. Игра «Маски, которые мы надеваем»

Разбить детей на пары. У каждой пары должно быть два стула. Предложить разыграть небольшую сценку из жизни, например: покупатель - продавец, ученик - учитель, родитель - ребенок и т.д., где один участник «надевает» маску. Затем дети меняются местами, и второй участник становится маской первого, то есть происходит

вынесение вовне (называние) маски. Далее партнеры разворачивают диалог между маской и «Я». После этого проигрывается маска второго подростка.

Если в начале игры детям сложно справиться с заданием, ведущий должен на примере одной из пар разыграть упражнение.

III. Обсуждение.

Попросите детей поделиться своими впечатлениями о том, как развивался диалог и как они чувствовали себя в этой ситуации.

IV. Выводы.

В процессе ролевой игры ситуация обретает конкретные черты и становится более понятной детям. Они учатся дифференцировать «Я» и свои роли, роли и маски, называть их (выносить вовне), тем самым позволяя контролировать их и изменять свое поведение в зависимости от ситуации.

Занятие 6. Конфликт

Цель: развитие навыков общения в конфликтных интимно-личностных ситуациях.

Задачи:

- Обсуждение реакций, возникающих в конфликтных интимно-личностных отношениях;
- Моделирование и выработка навыка приемлемого ответа в конфликтных ситуациях.

Время: 90 минут.

Материалы: большой лист бумаги, карандаши, фломастеры.

Мозговой штурм. Мозговой штурм проблемы интимно-личностных конфликтов. «Когда тебе предлагают, например, интимные отношения, как ты реагируешь?» Записать мнения подростков на листе бумаги. Обсудить, почему эти темы могут вызвать затруднения. Мнения подростков: возникает реакция отказа; посылаешь на фиг; хочется быстрее поменять тему или вообще уйти; иногда полезно посмеяться; испытываешь страх; испытываешь чувство стыда; разочаровываешься в человеке. Причины затруднения: об этом не принято открыто говорить; просто не нравится; страшно; боишься оттолкнуть любимого человека.

Разыгрывание сценки. Участники разыграли сцену признания в любви. Молодой человек давно хочет признаться своей подруге в любви. И вот наконец он решился...

- Ты знаешь, я хочу тебе что-то сказать...

- Ну? «Было бы интересно», — говорит кокетливо. Далее следует молчание.

- Чего же ты молчишь? Давай говори!

- Если бы это было так легко, то... Она его перебивает, раздраженно:

- Слушай, ты меня уже достал! Или ты говоришь, или я пошла! - демонстративно встает.

- Да нет, ничего... в следующий раз. Безразлично:

- Ну как хочешь! Отворачивается.

После этого предложить подросткам высказать свои соображения по поводу разыгрываемой ситуации.

Мнения детей: нельзя агрессивно выражать свои чувства, особенно если человек тебе дорог; надо всегда выслушать до конца, а если человек не может сказать, то помочь ему; дать понять, что для тебя это важно; никогда не сдаваться и доводить все до конца;

если твой друг или подруга так реагируют, то, может быть, стоит пересмотреть отношения.

Ведущий: «На примере разыгранной ситуации мы видим, что страх, возникающий, когда тебе предлагают интимные отношения, может «маскироваться». В данном случае он проявился через агрессивное поведение девушки. Мы должны использовать другие, позитивные модели поведения. Выражение страха или агрессия являются неэффективными и во многом могут спровоцировать или усилить ситуацию конфликта.»

Моделирование приемлемых ответов. Смоделировать и проиграть варианты приемлемых ответов, которые не обижают партнера и не вызовут у него состояния дискомфорта. В процессе занятия разыгрывается несколько сцен с различными сюжетами.

Выводы. В межличностном общении могут возникнуть ситуации, в которых человек, особенно молодой, испытывает затруднения в обращении к партнеру или не знает, что и как ответить, чтобы не создать конфликта. Приемлемым считается ответ, который демонстрирует, прежде всего, уважение к партнеру, честность, прямоту, тактичность, откровенность.

Занятие 7. Самооценка

Цель: поддержание позитивной самооценки.

Задачи:

1. обсудить способы поддержания позитивной самооценки;
2. дать подростку возможность полностью осознать свои силы;
3. дать возможность каждому члену группы узнать, как его воспринимают другие участники;
4. предоставить участникам возможность соотнести самооценку и оценку членами группы;
5. формирование умения слушать и давать обратную связь.

Время: 90 минут.

Материалы: два стула.

Процедура проведения

Ведущий. Самооценка отражает степень развития у человека чувства самоуважения, ощущения собственной ценности и позитивного отношения ко всему тому, что входит в сферу его интересов. На самооценку влияют несколько факторов. Во-первых, представления о том, каков человек на самом деле и каким он хотел бы быть; во-вторых, человек склонен оценивать себя так, как, по его мнению, его оценивают другие; в-третьих, человек испытывает удовлетворение не оттого, что он просто делает что-то хорошо, а оттого, что он избрал определенное дело и именно его делает хорошо.

1. Групповая дискуссия. Тема дискуссии: «Как мы поддерживаем и улучшаем свою самооценку». Мнения выписываются на отдельный лист бумаги и дополняются ведущим. Например: улучшаем внешность (прическа, макияж, следим за фигурой); занимаемся самообразованием, развитием своих талантов, способностей; достигаем успеха в каком-то деле; обесцениваем других людей; выигрываем конкурсы, соревнования; помогаем другим людям, тем самым повышая свою самооценку; украшаем свой уголок плакатами с надписями: «Ты - лучший!» и т.д.; «нарываемся» на комплимент; иногда рисуемся (делаем то, что не свойственно, но это выглядит

«круто», ярко); не ставим глобальных целей; имеем хобби как способ выделиться из толпы; усилием воли стараемся себя перебороть, сделать что-то на грани возможного.

2. Говорим друг другу комплименты, отдельно - так, чтобы всем хорошо было видно, поставить два стула друг напротив друга. Предложить одному из участников занять один из стульев, все остальные члены группы по очереди садятся на свободный стул и называют ему только его положительные качества. Слушатель может попросить уточнить то или иное высказывание, задать дополнительные вопросы, но не имеет права на отрицание или оправдание. Каждый член группы, по возможности, должен занять место слушателя.

3. Обсуждение. Обсудить, что каждый из участников чувствовал и думал в процессе выполнения задания.

4. Выводы. Чтобы поддержать позитивную самооценку, мы прибегаем к разным стратегиям. Например, подчеркиваем свой позитивный опыт, избегаем постановки глобальных целей, обесцениваем других и др. Таким образом человек формирует несколько образов «Я», строит гибкую и устойчивую самооценку, выстраивая иерархию образов «Я».

Занятие 8. Проблема полоролевой идентичности

Цель: обсуждение структуры полоролевой идентификации.

Задачи:

- рассмотрение психологического и культурального аспекта проблемы унисекса;

- обсуждение интрапсихических механизмов самоидентичности;
- обсуждение проблемы «унисекса» в контексте межличностных механизмов;
- формирование субъективных критериев гармонии самоидентичности.

Время: до 90 минут

Место проведения: открытая площадка, пляж.

Материалы: большой лист бумаги, фломастеры, журналы.

Процедура проведения. Ведущий: «В средствах массовой информации, шоу-бизнесе, рекламе образ современного человека во многом связывается с универсальными моделями поведения, не дифференцированными на мужские и женские. Порой мы внимательно всматриваемся в рекламу на обложках модных журналов, стараясь понять: кто же изображен - мужчина или женщина. Современная парфюмерная промышленность постепенно отходит от классических ароматов, предпочитая «совершенные, универсальные». Проблема унисекса выступает сегодня как культурный феномен, претендуя на роль ведущей, особенно в молодежной среде.»

Мозговой штурм. Мозговой штурм проблемы унисекса в культурном аспекте. Привести примеры, где в повседневной жизни мы сталкиваемся с проявлениями унисекса (реклама, шоу-бизнес, мода и т.д.). В качестве одного из источников предлагается использовать модные журналы. На парфюмерных изделиях иногда пишут unі; универсальная одежда, например облегающие кожаные брюки, широкие джинсы; короткие у женщин и длинные у мужчин волосы; в некоторых телепрограммах ведущие играют роли противоположного пола, встречается это и на эстраде; на фотографиях в модных журналах изображены «не поймешь кто - девушка или парень»; изменение телесного облика: татуировки, макияж, пирсинг).

Обсуждение. Обсудить влияние социума на трансформацию половых ролей мужчины и женщины, размывание границ самоидентичности (как крайняя форма -

переделывание пола, т. е. транссексуализм). Рассмотреть негативные последствия искаженной самоидентичности в межличностных отношениях (крайняя форма - гомосексуальные отношения). Обозначить проблему индивидуального отношения к моде унисекса (следовать или не следовать ей; чего хочет, чего избегает и что реально получает от нее подросток); субъективные критерии «золотой середины».

Выводы. Проблема унисекса может рассматриваться с точки зрения психологического и культурного аспектов. В настоящее время общесоциальные тенденции таковы, что происходит трансформация ролей мужчины и женщины, размывание границ самоидентичности, вплоть до крайних форм (переделывание пола, гомосексуальные отношения, сексуальные девиации). Один из главных источников, который насаждает культуру унисекса и создает определенные ценности, особенно в подростковом периоде, — это средства массовой информации (реклама, кинофильмы, телепередачи), шоу-бизнес, а также веяния моды (стиль одежды, прически, пирсинг, татуаж). Прагматические ценности информационного и шоу-бизнеса прямо или косвенно, целенаправленно или спонтанно влияют на устойчивость и индивидуальные особенности самоидентичности. Отсюда с неизбежностью вытекает потребность в осознании негативных воздействий подобных тенденций и выработке собственных стратегий приспособления к негативным обстоятельствам.

Занятие 9. Заключительное

Цель: подведение итогов групповой работы.

Задачи:

- Получить обратную связь от участников группы;
- Создать позитивную атмосферу прощания.

Место проведения: открытая площадка.

Время: до 90 минут

Материалы: плотный лист цветной бумаги, карандаши, ручки, фломастеры.

Процедура проведения: вариант 1. Каждый ребенок складывает лист бумаги пополам, как поздравительную открытку, кладет на внешнюю сторону открытки свою ладонь, обводит ее карандашом и пишет внутри «руки» свое имя. (Рука является личным символом открытости для других.) Затем подросток передает свою открытку соседу слева, который должен написать что-нибудь внутри. Карточки передаются до тех пор, пока каждый не напишет по предложению остальным. Вариант 2. Раздать подросткам по листу бумаги и фломастеру. Попросить их написать свои инициалы в правом верхнем углу. Ведущий также подписывает свой листок. Каждый ребенок пишет короткую строчку, с которой будет начинаться поэма. Далее участник передает свой листок соседу слева, и тот дописывает свою строчку, продолжающую поэму. После того как каждый напишет по одной строчке на всех листках, законченная поэма возвращается автору первой строки.

Выводы. Проведенное исследование позволяет констатировать, что профилактика наркозависимости среди подростков представляет собой сложную, многогранную задачу, успешность которой напрямую зависит от комплексного и междисциплинарного подхода. Анализ проблемы через призму социологических теорий, в частности концепции аномии Э. Дюркгейма и теории напряжения Р. Мертон, демонстрирует, что корни девиантного поведения, включая наркопотребление, часто кроются в глубинных социальных противоречиях. Разрыв

между провозглашаемыми в обществе целями успеха и ограниченностью легальных средств их достижения для отдельных групп создает питательную среду для отклонений.

Практический опыт специалистов по социальной работе реабилитационного центра «Возрождение» подтверждает, что эффективное противодействие подростковой наркомании не может ограничиваться узкопрофильными мерами. Ключевая роль в этой системе отводится специалисту, который действует на стыке индивидуальной помощи, семейного консультирования и взаимодействия с окружением подростка. Однако, для воздействия на глубинные психологические причины зависимости, такие как личностные кризисы, эмоциональная неустойчивость и когнитивные искажения, профессиональных компетенций в области социальной работы недостаточно. Необходима либо дополнительная психологическая квалификация самих специалистов, либо их тесное сотрудничество с психологами для применения доказанных методов коррекции, таких как когнитивно-поведенческая терапия и мотивационное интервьюирование.

Значительным барьером на пути реабилитации является низкая внутренняя мотивация подростков, многие из которых вовлекаются в программы под внешним давлением, а не по осознанному выбору. Это требует от специалистов развитых навыков вовлечения и построения доверительных отношений. Представленная в статье авторская программа профилактики предлагает структурированный поэтапный подход, сочетающий диагностику, коррекцию и ресоциализацию. Её ценность заключается в акценте на формировании здорового образа жизни, развитии жизненных навыков и создании поддерживающей социальной среды, что отвлекает подростков от влияния асоциальных групп.

Важнейшим условием достижения устойчивого результата является усиление межведомственного взаимодействия. Как показывают данные интервью, текущий уровень координации между социальными службами, медицинскими, образовательными и правоохранительными учреждениями оценивается как средний, а помощь зачастую оказывается фрагментарно. Преодоление этой разобщенности через выработку единых алгоритмов работы и повышение заинтересованности всех структур видится перспективным направлением для совершенствования системы профилактики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вилкова А.В. Концепции девиации [Электронный ресурс] – 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-deviatsii>
2. Горбатенко Л.С. Родителям и педагогам: все о наркомании. – (перераб.) Ростов-на-Дону, «Феникс», 2010
3. Елесина И.Г. Предупреждение и профилактика наркомании [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-i-profilaktika-narkomanii/viewer>
4. Ковалева Ю.В. Роль специалиста по социальной работе в системе оказания помощи зависимым клиентам [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-spetsialista-po-sotsialnoy-rabote-v-sisteme-okazaniya-pomoschi-zavisimym-klientam/viewer>
5. Скибицкая В.И., Костенко Г.А. Профилактика наркомании в молодежной среде [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-narkomanii-v-molodezhnoy-srede-1/viewer>

ОБ АВТОРАХ:**Ипатова Лариса Петровна,**

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры математики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, СПбГМТУ, Санкт-Петербург, Россия

Самаров Евгений Кимович,

доктор технических наук, декан факультета естественных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, СПбГМТУ, Санкт-Петербург, Россия

Ионченкова Яна Юрьевна,

старший преподаватель кафедры математики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, СПбГМТУ, Санкт-Петербург, Россия

ABOUT THE AUTHORS:**Ipatova Larisa P.,**

PhD of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Mathematics Department, Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russia

Samarov Eugene K.,

Doctor of Engineering Sciences, Dean of the Faculty of Natural Sciences, Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russia

Ionchenkova Iana Iu.,

Senior Lecturer of the Mathematics Department, Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russia

УДК 316

Ипатова Л.П., Самаров Е.К., Ионченкова Я.Ю. **Построение системы распознавания по данным социологического анкетирования**

Изучение многомерных данных и построение систем распознавания является важнейшей задачей в современной социологии. В работе излагается схема построения решающих функций на основе байесовского классификатора. Построение системы распознавания осуществлялось на основе данных социологического опроса студентов СПбГМТУ. При изучении особенностей различных социальных групп использовались алгоритмы кластерного анализа.

Ключевые слова: система распознавания образов, кластерный анализ, социологический опрос.

Для цитирования: Ипатова Л.П., Самаров Е.К., Ионченкова Я.Ю. Построение системы распознавания по данным социологического анкетирования // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 20-31.

CONSTRUCTING A RECOGNITION SYSTEM BASED ON SOCIOLOGICAL SURVEY DATA

Ipatova L.P., Samarov E.K., Ionchenkova Ia.Iu.

The study of multidimensional data and the construction of recognition systems is the most important task in modern sociology. The paper outlines a scheme for constructing decision functions based on a Bayesian classifier. The construction of the recognition system was carried out on the basis of data from a sociological survey of St. Petersburg State Medical University students. When studying the characteristics of various social groups, cluster analysis algorithms were used.

Keywords: pattern recognition system, cluster analyses, sociological survey.

For citation: Ipatova L.P., Samarov E.K., Ionchenkova Ia.Iu. Constructing a recognition system based on sociological survey data. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 20-31. (In Russ.)

Введение

Социология является той областью науки, в которой изучение и анализ многомерных данных является первоочередной задачей. В современной обработке

многомерных данных в различных областях исследования важнейшим является построение автоматизированных систем распознавания образов.

В основе обработки многомерных данных лежит предположение, что изучаемый объект можно описать совокупностью измеряемых характеристик, которые могут быть оцифрованы и записаны в виде n -мерного вектора. Такой вектор называется *образом в n -мерном пространстве*. Матрица наблюдения – это матрица, в которой количество столбцов равно числу рассматриваемых векторов, а число строк равно размерности этих векторов.

Данные социологического анкетирования представляют собой матрицу, число столбцов которой равно объему выборочной совокупности векторов образов или числу респондентов, участвующих в опросе. Каждый столбец – это n -мерный вектор пространства образов, координатами такого вектора являются оцифрованные ответы одного респондента. Количество строк равно числу вопросов исследуемой анкеты. Полученные кластеры включают в себя совокупность образов, которые соответствуют определенным группам респондентов. Каждый кластер характеризуется центральным вектором, координатами которого являются среднестатистические ответы респондентов этого кластера.

Первым этапом построения системы распознавания является кластеризация изучаемой выборочной совокупности векторов образов. Основными характеристиками кластеров являются: матрица распределения векторов по кластерам, количество векторов в каждом кластере, координаты центров кластеров [1].

На втором этапе на основе результатов кластеризации находятся *решающие функции* для каждого кластера. Нахождение *решающих функций* является основной задачей при построении системы распознавания.

Алгоритмом распознавания в данной работе является байесовский классификатор.

1. Построение системы распознавания с помощью байесовского классификатора

Кластеризация образов лежит в основе построения предлагаемой в данной работе системы распознавания. Кластеризация данных и выделение эталонных образов кластеров напрямую связана с построением *решающих функций*.

Одним из важнейших понятий кластерного анализа является *функция расстояния*. Использование функции расстояния предполагает, что пространство образов является евклидовым. В этом пространстве именно расстояние между образами является главным признаком близости образов между собой [1-6]. Функция расстояния позволяет оценить: близость образов в кластере, среднестатистический разброс образов в кластерах, удаленность кластеров друг от друга в n -мерном пространстве.

Результаты кластеризации позволили определить основные характеристики выделенных кластеров, на основе которых осуществлялось построение *решающих функций*, соответствующих каждому полученному кластеру [6].

Свойства эталонных образов кластеров определяют основные черты *решающих функций этих кластеров*. Основным критерием выбора эталонных образов кластера для построения решающих функций является близость этих образов к центру кластера.

Для кластеризации данных в данной работе был выбран *алгоритм k -групповых средних*, в основе которого лежит понятие функции расстояния. Создание кластеров с помощью этого алгоритма предполагает минимизацию среднеквадратичного

отклонения от среднего вектора кластера по всем координатам. Это позволяет сделать предположение о нормальном распределении образов внутри кластеров [5].

Задание числа кластеров является необходимым условием при использовании алгоритма *к-групповых средних*. В свою очередь выбор определенного числа позволяет сделать выборочную совокупность образов *в кластерах статистически значимыми*. Число кластеров в *алгоритме к-групповых средних* было выбрано равным 5.

Указанные особенности выбранного алгоритма (предположение о нормальном распределении образов в кластерах и репрезентативность выборочной совокупности образов в кластерах) являются необходимыми условиями для использования в системе распознавания байесовского классификатора.

Система распознавания решает задачу определения принадлежности образа к тому или иному кластеру образов в рассматриваемом векторном пространстве. Создание системы распознавания непосредственно связано с нахождением *решающих функций* [3,6].

Любая система распознавания *включает в себя* совокупность *решающих функций*, которые дают возможность отнести исследуемый образ к одному из найденных кластеров.

Решающие функции, построенные с использованием байесовского классификатора, включают в себя матрицы ковариации кластеров. Элементами матрицы ковариации являются парные ковариации между эталонными векторами кластера [1].

Основным условием для нахождения *решающей функции* с использованием байесовского кластера является *невыврожденность* матрицы ковариации эталонных образов кластера. Причиной вырожденности матрицы ковариации может быть корреляция между координатами векторов образов исследуемой выборочной совокупности, что определяется существованием связи между ответами респондентов на разные вопросы анкеты.

Вырожденность матрицы ковариации можно избежать удалением из рассмотрения вопросов анкеты, ответы на которые указывают на их коррелированность. Понижение размерности пространства образов можно осуществить исключением из матрицы наблюдений координаты образов, которые в наименьшей степени влияют на процесс кластеризации.

2. Решающие функции байесовского классификатора

Важнейшим алгоритмом в теории распознавания является байесовский классификатор. В алгоритме байесовского классификатора используется статистический подход в задаче распознавания образов. Это означает, что при построении этого классификатора учитываются статистические свойства кластеров образов. Это позволяет построить алгоритм классификации образов, который характеризуется наименьшей вероятностью совершения ошибки классификатором.

Выборочная совокупность эталонных образов каждого кластера должна быть статистически значимой. Важнейшим условием использования байесовского классификатора является предположение о нормальном распределении эталонных образов в кластере. Для использования такого предположения необходимо, чтобы выборка эталонных образов была репрезентативной.

В байесовском классификаторе в качестве *решающих функций* используют выражение вида [3,6]:

$$d_i(\vec{x}) = p(\vec{x} | \omega_i) p(\omega_i), \quad i = 1, 2, \dots, M,$$

где $p(\vec{x} | \omega_i)$ – вероятность появления образа $\vec{x}$ при условии, что выбран ω_i кластер; $p(\omega_i)$ – априорная вероятность i -го кластера; M – число решающих функций. Таким образом, при нахождении решающей функции предполагается, что появление образа $\vec{x}$ в ω_i кластере носит случайный характер, а возникновение самого ω_i кластера также определяется некоторой вероятностью.

Согласно определению решающей функции, образ зачисляется в i -й кластер, если для него выполняется условие

$$d_i > d_j \text{ при всех } i \neq j.$$

Вероятность того, что образ $\vec{x}$ принадлежит ω_i (вероятность появления ω_i при появлении $\vec{x}$) обозначается как $p(\omega_i | \vec{x})$.

Применяя формулу Байеса, решающую функцию можно представить в следующем виде:

$$d_i(\vec{x}) = p(\omega_i | \vec{x}) = \frac{p(\vec{x} | \omega_i) p(\omega_i)}{p(\vec{x})}$$

Учитывая, что величина $p(\vec{x})$ не зависит от i , ее можно опустить в выражении для решающей функции. Это приводит к следующему упрощенному виду:

$$d_i(\vec{x}) = p(\vec{x} | \omega_i) p(\omega_i), \quad i = 1, 2, \dots, M.$$

Если допустить, что распределение образов внутри кластеров подчиняется многомерному нормальному закону, то алгоритм построения байесовского классификатора можно описать следующим образом.

Пусть плотность распределения вероятности для i -го кластера (вероятность появления исследуемого образа в i -м кластере) задается нормальным законом распределения

$$p(\vec{x} | \omega_i) = \frac{1}{(2\pi)^{n/2} |C_i|^{1/2}} \exp\left(-\frac{1}{2}(\vec{x} - \vec{m}_i)' C_i^{-1} (\vec{x} - \vec{m}_i)\right), \quad i = 1, 2, \dots, M.$$

Здесь $\vec{m}_i = M_i[\vec{x}]$ – вектор средних значений (центроид кластера); $C_i = M_i\left[(\vec{x} - \vec{m}_i)(\vec{x} - \vec{m}_i)'\right]$ – ковариационная матрица кластера; n – размерность пространства образов; $|C_i|$ – определитель ковариационной матрицы.

Ковариационная матрица является симметричной, ее диагональные элементы c_{kk} представляют собой дисперсии k -й компоненты векторов i -го кластера. Недиагональные элементы c_{jk} , являются парными ковариациями между выборочными совокупностями координат образов X_j и X_k , $j, k = 1, 2, \dots, n$, в i -м кластере.

В случае статической независимости этих переменных $c_{jk} = 0$, и многомерная плотность нормального распределения преобразуется в произведение одномерных плотностей нормальных распределений.

Таким образом, в байесовском классификаторе предполагается, что образы, выбранные из совокупности с нормальным распределением, группируются в кластеры, центр которых задается вектором средних значений, а форма – ковариационной матрицей. Это означает, что геометрическим местом точек с постоянной плотностью распределения являются гиперэллипсоиды, ориентация главных осей которых определяется собственными векторами ковариационной матрицы, а их длина – соответствующими собственными значениями.

Если решающая функция может быть представлена в виде

$$d_i(\vec{x}) = p(\omega_i | \vec{x}) = p(\vec{x} | \omega_i) p(\omega_i),$$

то для упрощения вычислений целесообразно использовать логарифмическую форму решающей функции:

$$d_i(\vec{x}) = \ln p(\vec{x} | \omega_i) + \ln p(\omega_i) = \ln p(\omega_i) - \frac{n}{2} \ln 2\pi - \frac{1}{2} \ln |C_i| - \frac{1}{2} (\vec{x} - \vec{m}_i)' C_i^{-1} (\vec{x} - \vec{m}_i),$$

$$i = 1, 2, \dots, M.$$

Поскольку константы не определяют принадлежность к кластеру, вид решающей функции можно еще упростить:

$$d_i(\vec{x}) = \ln p(\omega_i) - \frac{1}{2} \ln |C_i| - \frac{1}{2} (\vec{x} - \vec{m}_i)' C_i^{-1} (\vec{x} - \vec{m}_i), \quad i = 1, 2, \dots, M.$$

Полученное выражение представляет вид решающих функций для нормально распределенных векторов образов.

Ковариационная матрица имеет фундаментальное значение при реализации байесовского классификатора. Для возможности вычисления обратной матрицы требуется, чтобы ковариационная матрица была невырожденной, то есть ее определитель должен быть отличен от нуля. Снижение размерности решаемой задачи за счет уменьшения размерности ковариационной матрицы является одним из способов достижения этого условия. Таким образом, при обнаружении вырожденности ковариационной матрицы, следует рассмотреть возможность перехода к пространству образов меньшей размерности.

В формуле для решающей функции первое слагаемое отражает априорную вероятность i -го кластера. В настоящей работе будем предполагать равновероятное появление рассматриваемых кластеров.

Методика построения решающих функций и выбора признаков на основе минимизации энтропии исходит из того, что существуют кластеры, описываемые выборочными совокупностями эталонных образов этих кластеров. Следовательно, первоначальным этапом решения данной задачи является проведение кластеризации исходных данных с последующим выделением из сформированных кластеров статистически значимых совокупностей эталонных образов для каждого исследуемого кластера.

3. Построение системы распознавания образов по результатам социологического анкетирования

Построение системы распознавания и создание классификатора в социологических исследованиях может быть осуществлено на основе построения решающих функций, которые соответствуют каждой статистически значимой социальной группе, образующей кластер. Решающие функции являются инструментом, которые позволяют исследовать принадлежность конкретного респондента к той или иной социальной группе.

В качестве исходных данных в работе использовались результаты анкетирования студентов СПбГМУ, проведенного кафедрой философии и социологии по теме «Трудовая занятость студентов в процессе обучения».

Анализ результатов анкетирования был разделен на две части. Первая часть включала в себя исследование ответов на вопросы, которые предполагали выбор только одного варианта ответа, тогда как вторая часть была посвящена анализу вопросов с возможностью выбора нескольких вариантов ответа.

3.1. Нахождение решающих функций по результатам обработки ответов на вопросы, допускающие выбор одного варианта ответа

Разработка системы распознавания первоначально проводилась на основе выборки ответов респондентов на вопросы анкеты, ограниченные выбором одного варианта ответа. Общее число таких вопросов составило 34, что определило размерность пространства образов, в котором были представлены ответы 260 участников опроса. Исходная матрица данных состояла из 260 строк и 34 столбцов. Программная реализация процедуры кластеризации методом *k*-групповых средних была выполнена с использованием пакета *scilab*.

Результаты кластеризации иллюстрирует рисунок 1. По оси абсцисс отложены порядковые номера обрабатываемых ответов. По оси ординат отложены координаты центров 5 полученных кластеров. В таблице 1 порядковые номера ответов представлены в первом столбце. Номера отобранных вопросов анкеты размещены во втором столбце. Следующие 5 столбцов таблицы включают в себя информацию о характеристиках 5 полученных кластеров. В первой строке указаны номера кластеров, во второй - количество образов в кластерах. Последующие строки содержат координаты центральных векторов, которыми являются среднестатистические ответы респондентов каждого кластера. Маркером выделены ответы на вопросы, которые стали основными разделительными признаками в процессе кластеризации.

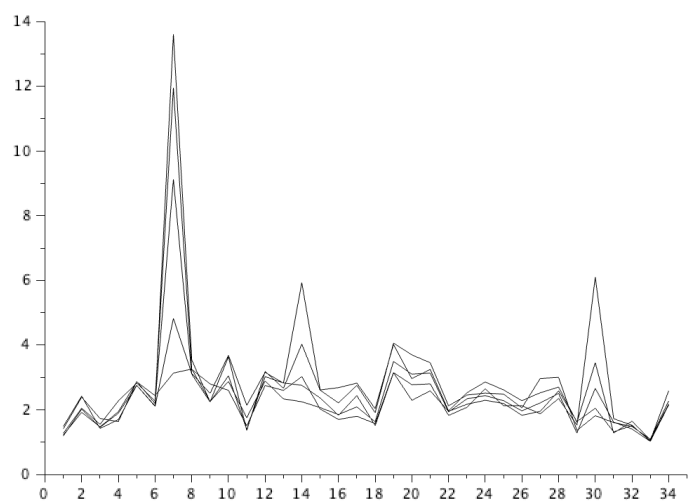

Рисунок 1. Координаты центров пяти кластеров, полученных в результате кластеризации ответов респондентов на вопросы, предполагающие один вариант ответа, с использованием алгоритма к-групповых средних

Таблица 1. Результаты кластеризации ответов респондентов на вопросы, предполагающие выбор одного варианта ответа

Порядковые номера ответов	Обрабатываемые номера вопросов	Номера кластеров				
		1	2	3	4	5
		Количество образов в кластерах				
		33	57	40	41	89
		Координаты центров кластеров				
1	5	1.5	1.2	1.3	1.4	1.2
2	6	2.4	2.0	2.1	2.4	1.9
3	7	1.4	1.5	1.6	1.7	1.5
4	8	1.7	1.9	2.3	1.6	1.9
5	9	2.8	2.8	2.8	2.9	2.9
6	13	2.1	2.1	2.3	2.2	2.4
7	14	13.6	4.8	12.0	9.1	3.1
8	16	3.5	3.1	3.3	3.1	3.3
9	20	2.2	2.5	2.8	2.2	2.3
10	22	3.6	3.7	2.6	3.0	2.9
11	23	1.4	2.1	1.5	1.4	1.8
12	24	3.2	3.2	2.8	3.0	2.9
13	26	2.7	2.8	2.6	2.8	2.3
14	27	4.0	5.9	3.0	2.8	2.2
15	28	2.6	2.6	2.0	2.4	2.1
16	29	2.2	2.7	1.7	1.8	1.9
17	30	2.8	2.8	1.8	2.4	2.1
18	32	1.9	2.0	1.6	1.5	1.6
19	35	4.1	4.0	3.2	3.1	3.5
20	36	3.7	3.0	2.8	2.3	3.1
21	37	3.5	3.2	2.8	2.6	3.1
22	38	2.1	2.0	1.8	1.9	1.9

23	39	2.5	2.5	2.1	2.2	2.3
24	40	2.5	2.9	2.7	2.3	2.4
25	41	2.5	2.6	2.1	2.2	2.3
26	42	2.1	2.3	2.1	1.8	2.0
27	44	3.0	2.5	1.9	2.0	2.2
28	45	3.	2.7	2.4	2.6	2.5
29	46	1.4	1.6	1.5	1.6	1.3
30	47	1.8	3.5	6.1	2.1	2.7
31	48	1.6	1.3	1.7	1.3	1.6
32	49	1.5	1.6	1.5	1.5	1.4
33	50	1.1	1.1	1.0	1.1	1.0
34	52	2.3	2.2	2.2	2.6	2.2

Координаты центров кластеров показали (см. рис.1), что разделительные признаки, которые определяют особенности выделенных кластеров, связаны с ответами только на определенные вопросы анкеты. А ответы на другую часть вопросов позволяют предположить наличие также общих объединительных признаков в исследуемой выборочной совокупности. Это относится к тем вопросам, для которых среднестатистические ответы, соответствующие координатам центров кластеров, незначительно отличаются друг от друга.

В таблице 1 маркером выделены ответы на вопросы, которые оказали определяющее значение на кластеризацию образов исследуемой выборочной совокупности.

Анализируя координаты центров кластеров, которые представлены на рисунке 1 и в таблице 1, можно заключить, что к основным разделительным признакам в данной кластеризации можно отнести ответы на 14, 22, 27, 44 и 47 вопросы.

Нахождение решающих функций с помощью байесовского классификатора для выделенных 5 кластеров в 34-мерном пространстве образов показало, что все матрицы ковариаций этих функций в той или иной степени близки к вырожденным. Это указывает на то, что построить систему с помощью байесовского классификатора в 34-мерном пространстве не представляется возможным.

Близость матриц ковариаций решающих функций к вырожденным указывает на то, что существует корреляция между координатами образов в 34-мерном пространстве. Так как координатами образов являются ответы на 34 вопроса анкеты, можно говорить о существовании ковариации между ответами респондентов на разные вопросы анкеты.

Уменьшение размерности пространства образов позволяет избавиться от вырожденности матриц ковариации решающих функций выделенных кластеров.

На следующем шаге исследования, размерность векторного пространства образов была понижена до 5. Координатами эталонных образов стали ответы на 14, 22, 27, 44 и 47. Ответы на эти вопросы стали самыми значимыми факторами кластеризации.

В выбранном 5-мерном пространстве образов все матрицы ковариации решающих функций оказались невырожденными. Результаты построения решающих функций в 5-мерном пространстве представлены в таблице 2. В первом столбце представлены 5 исследуемых образов, которые случайным образом взяты из эталонных выборок 5 кластеров (по одному из каждого кластера). В следующих столбцах указаны номера кластеров и соответствующие им значения решающих

функций. Каждая строка матрицы соответствует решающим функциям, вычисленным для каждого исследуемого образа.

Действие байесовского классификатора заключается в том, что исследуемый образ помещается в кластер с *максимальным значением решающей функции*. Исходя из представленных в таблице значений решающих функций, можно увидеть, что исследуемый образ, взятый из 1-го кластера, имеет максимальное значение решающей функции 1-го кластера. Аналогично можно сказать и обо всех 4-х остальных исследуемых образах. (Значения максимальных значений решающих функций выделены в таблице маркером).

В выбранном 5-мерном пространстве система распознавания правильно показала принадлежность всех 5 исследуемых образов к кластерам, из которых они были выбраны.

Подбор оптимального размера векторного пространства образов определяется двумя факторами: необходимостью иметь максимальное количество разделительных признаков, которые позволят построить эффективную систему распознавания, и необходимостью иметь невырожденные матрицы ковариации всех полученных кластеров.

Таблица 2. Построение 5 решающих функций для 5 случайно выбранных образов из каждого полученного кластера для выборочной совокупности ответов на вопросы с одним вариантом ответа

Номера выбранных для отождествления образов	Номера решающих функций кластеров				
	1	2	3	4	5
	Значения решающих функций				
1(из 1-го кластера)	-3.4	-50	-13.3	-10	-38
2(из 2-го кластера)	-17.9	-6.0	-8.5	-15	-6,4
3(из 3-го кластера)	-11.5	-18.6	-5.0	-7	-14
4(из 4-го кластера)	-8.1	-15.6	-7.0	-3.7	-10
5(из 5-го кластера)	-48.8	-18.4	-20	-13.5	-5

3.2. Построение системы распознавания по результатам обработки ответов на вопросы, допускающие выбор нескольких вариантов ответа

Для исследования особенностей трудовой занятости студентов недостаточно анализа ответов респондентов на вопросы, на которые необходимо выбрать только один ответ.

Изучение выборочной совокупности ответов на вопросы, которые предполагают выбор нескольких вариантов, дает возможность понять особенности трудовой занятости студентов.

На этом этапе исследования система распознавания была построена на основе результатов кластеризации выборочной совокупности ответов на вопросы, предполагающие выбор нескольких вариантов ответов. Выборочная совокупность была представлена ответами 276 респондентов на 6 вопросов анкеты с несколькими вариантами ответов: 18(6), 19(5), 21(5), 33(6), 34(6), 43(7). В скобках стоит число возможных ответов.

Оцифровка данных в этом случае производилась нулями и единицами. В матрице наблюдений единицами отмечался выбор данного варианта ответа, а нулями – пропуск соответствующего варианта ответа. Таким образом матрица наблюдений

включала в себя 35 столбцов (или 35 вариантов ответов на 6 вопросов) и 276 строк (или количество респондентов).

Система распознавания была построена в 35-мерном пространстве. Результаты кластеризации с помощью алгоритма *k*-групповых с количеством кластеров, равным 5, представлены на рисунке 2 и в таблице 3. (Отметим, что обозначения на всех рисунках и во всех таблицах совпадают).

Для 5 полученных кластеров были построены 5 решающих функций. Все матрицы ковариации оказались невырожденными и позволили построить систему распознавания на основе байесовского классификатора.

Исследуемые образы выбирались случайным образом из эталонных выборок разных кластеров. Значения решающих функций для них представлены в таблице 4. Значения решающих функций наглядно показывают действия построенной системы распознавания.

Важным результатом этого этапа можно считать то, что систему распознавания удалось построить в 35-мерном пространстве образов, то есть матрицы ковариации решающих функций не являлись вырожденными.

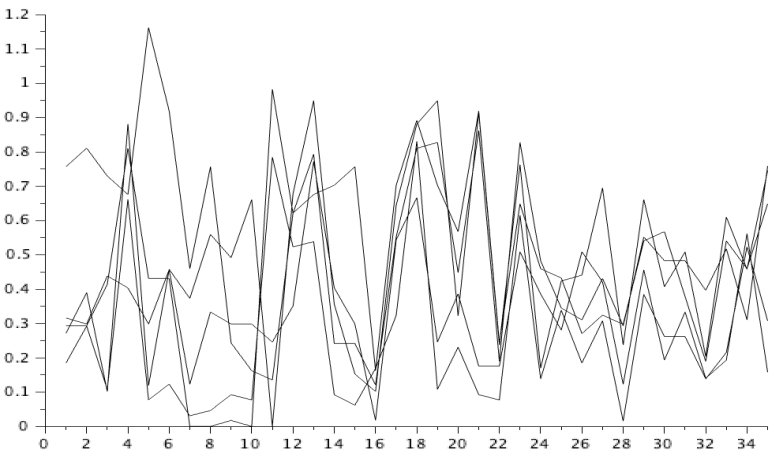

Рисунок 2. Координаты центров пяти кластеров, полученных в результате кластеризации ответов респондентов на вопросы, предполагающие нескольких вариантов ответов, с использованием алгоритма *k*-групповых средних

Таблица 3. Результаты кластеризации ответов респондентов на вопросы, допускающие выбор нескольких вариантов ответов

Порядковый номер вопроса	Обрабатываемые номера вопросов	Номера кластеров				
		1	2	3	4	5
		Количество образов в кластерах				
		39	57	60	63	57
		Координаты центров кластеров				
1	18.1	0.79	0.26	0.28	0.24	0.23
2	18.2	0.72	0.26	0.28	0.37	0.40
3	18.3	0.77	0.30	0.38	0.24	0.11
4	18.4	0.67	0.54	0.82	0.53	0.90
5	18.5	1.	0.18	0.42	0.17	0.14

6	18.6	0.9	0.42	0.43	0.13	0.47
7	19.1	0.49	0.18	0.	0.	0.33
8	19.2	0.74	0.39	0.	0.	0.56
9	19.3	0.18	0.44	0.01	0.	0.51
10	19.4	0.18	0.35	0.	0.016	0.68
11	19.5	0.15	0.	0.98	0.98	0.
12	21.1	0.59	0.47	0.65	0.40	0.68
13	21.2	0.74	0.58	0.77	0.70	0.95
14	21.3	0.74	0.25	0.23	0.22	0.33
15	21.4	0.79	0.21	0.23	0.14	0.11
16	21.5	0.13	0.05	0.12	0.13	0.14
17	33.1	0.69	0.51	0.52	0.43	0.60
18	33.2	0.92	0.61	0.8	0.89	0.86
19	33.3	0.74	0.26	0.82	0.06	0.95
20	33.4	0.61	0.28	0.45	0.30	0.30
21	33.5	0.87	0.19	0.88	0.05	0.93
22	33.6	0.23	0.12	0.18	0.11	0.26
23	34.1	0.67	0.58	0.82	0.54	0.77
24	34.2	0.44	0.30	0.47	0.24	0.16
25	34.3	0.36	0.23	0.33	0.42	0.46
26	34.4	0.28	0.39	0.32	0.30	0.42
27	34.5	0.33	0.32	0.42	0.41	0.70
28	34.6	0.28	0.11	0.27	0.05	0.25
29	43.1	0.54	0.37	0.55	0.43	0.70
30	43.2	0.54	0.30	0.47	0.21	0.39
31	43.3	0.41	0.33	0.48	0.25	0.49
32	43.4	0.18	0.14	0.38	0.14	0.21
33	43.5	0.54	0.21	0.48	0.24	0.60
34	43.6	0.46	0.39	0.33	0.63	0.49
35	43.7	0.64	0.25	0.77	0.21	0.75

Таблица 4. Построение 5 решающих функций для 5 случайно выбранных образов из каждого полученного кластера для выборочной совокупности ответов на вопросы, допускающие выбор нескольких вариантов ответов

Номера выбранных для отождествления образов	Номера решающих функций кластеров				
	1	2	3	4	5
	Значения решающих функций				
1(из 1-го кластера)	-3.4	-50	-13.3	-10	-38
2(из 1-го кластера)	-17.9	-6	-8.5	-15	-7
3(из 3-го кластера)	-11.5	-18.6	-5.0	-7	-14
4(из 4-го кластера)	-8.8	-15.0	-7.0	-4	-10
5(из 5-го кластера)	-48.8	-18.4	-13.1	-0.41	20.2

4. Основные результаты

Перечислим основные результаты проведенного исследования.

1. Кластеризация выборочной совокупности в *n*-мерном пространстве образов алгоритмом *k*-групповых средних позволяет получить характеристики кластеров,

которые удовлетворяют условиям, необходимым для использования в системе распознавания байесовского классификатора.

2. Выбор размерности пространства образов для построения системы распознавания должен быть обусловлен необходимостью иметь матрицы ковариации решающих функций невырожденными. Это предполагает исключение из рассмотрения линейно зависимых координат образов и тем самым понижать размерность пространства.

3. Построенная система распознавания для выборочной совокупности ответов респондентов на вопросы анкеты с использованием байесовского классификатора показала свою эффективность.

Особенности оцифровки ответов на вопросы с одним или несколькими вариантами позволили увидеть различие в построении систем распознавания для этих двух выборочных совокупностей данных. Так ответы на вопросы, допускающие *один вариант ответа*, не позволили построить систему распознавания в 35-мерном пространстве образов. Часть матриц ковариаций решающих функций оказались вырожденными. Однако ответы на *шесть* вопросов, допускающие *выбор нескольких вариантов*, позволили построить систему распознавания в 34-мерном пространстве образов. (Размерность пространства соответствовала количеству обрабатываемых ответов).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григорьев-Голубев В.В., Ипатов Л.П., Ионченкова Я.Ю., Седова Е.Г. Обработка и анализ многомерных данных. СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 2022. 135 с.
2. Григорьев-Голубев В.В., Ипатов Л.П., Голованова О.В., Евграфова И.В., Ионченкова Я.Ю., Солдатов А.В. Особенности обработки результатов социологического опроса с использованием методов кластерного анализа. СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 2023. 152 с.
3. Григорьев-Голубев В.В., Ипатов Л.П., Голованова О.В., Евграфова И.В., Ионченкова Я.Ю., Солдатов А.В. Использование методов распознавания образов при обработке данных социологических опросов. СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 2024. 160 с.
4. Ипатов Л.П., Голованова О.В., Евграфова И.В., Ионченкова Я.Ю., Прозоровская К.А. Методика анализа ответов респондентов на вопросы анкеты социологического опроса. СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 2024. 97 с.
5. Ипатов Л.П., Самаров Е.К., Певзнер В.В. Сравнительный анализ кластеризации данных социологического опроса двумя алгоритмами кластерного анализа. // Социально-гуманитарные технологии. 2024. № 4 (32). С. 15-29.
6. Ту Дж., Гонсалес Р. Принципы распознавания образов. М.: Мир, 1978. 411 с.

ОБ АВТОРАХ:

Курышова Любовь Николаевна,
кандидат социологических наук, директор
ГКУ РМ «Научный центр социально-
экономического мониторинга»,
доцент кафедры всеобщей истории,
политологии и регионоведения
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П.
Огарёва, Саранск, Россия

Моткин Владислав Николаевич,
кандидат социологических наук, ведущий
научный сотрудник отдела-социопарка
«Регионология»
ГКУ РМ «Научный центр социально-
экономического мониторинга»,
кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии и социальной работы
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П.
Огарёва, Саранск, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Kuryshova Lyubov N.,
PhD in Sociology, Director
Scientific Center for Social and Economic
Monitoring,
Associate Professor of the Department of
General History, Political Science and Regional
Studies
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Motkin Vladislav N.,
PhD in Sociology, Leading Researcher of the
Sociopark "Regionology" Department
Scientific Center for Social and Economic
Monitoring,
Associate Professor of the Department of
Sociology and Social Work
National Research Mordovian State University,
Saransk, Russia

УДК 316

Курышова Л.Н., Моткин В.Н.

Восприятие проблемы наркомании населением и наркопотребителями в регионе

В основе статьи – результаты исследований, проведенных ГКУ РМ «НЦСЭМ»: опрос пациентов ГБУЗ РМ «РКНД» (февраль 2024 г., $n = 181$) и опрос населения (октябрь – ноябрь 2023 г., $n = 1000$). Выявлено, что наркопотребители критичнее оценивают наркоситуацию, демонстрируя более выраженную осведомленность. Представления наркопотребителей о причинах наркомании совпадают с мнением населения, однако ужесточение наказания и принудительное лечение, по их мнению, не являются эффективными мерами. Отказ от наркопотребления происходит под воздействием внешних факторов. Высокий риск возврата к наркотикам существует у каждого десятого наркозависимого, потенциально – каждый третий или пятый наркопотребитель, проходящий лечение и реабилитацию, может вернуться к аддитивным практикам. Для решения проблемы необходим комплексный подход и усилия со стороны государственных и общественных структур, а также ближайшего социального окружения.

Ключевые слова: наркопотребители, наркомания, наркоситуация, наркосреда, наркодиспансер, пациент, население, профилактика, социологическое исследование.

Для цитирования: Курышова Л.Н., Моткин В.Н. Восприятие проблемы наркомании населением и наркопотребителями в регионе // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 32-41.

PERCEPTION OF THE DRUG ADDICTION PROBLEM BY THE POPULATION AND DRUG USERS IN THE REGION

Kuryshova L.N., Motkin V.N.

The article is based on the results of a study conducted by the National Center for Socio-Economic Research: a survey of patients at the Republican Clinical Narcological Dispensary (February 2024, $n = 181$) and a survey of the general population (October-November 2023, $n = 1000$). The study found that drug users are more critical of the drug situation, demonstrating a higher level of awareness about it. The views of drug users on the causes of drug addiction align with those of the general population. However, they believe that increased penalties and forced treatment are not effective measures. Drug users are influenced by external factors to stop using drugs. One in ten drug users is at high risk of returning to drug use, and potentially one in five or three drug users undergoing treatment and rehabilitation for addiction may return to addictive practices. A comprehensive approach and efforts from

governmental and public organizations, as well as the immediate social environment, are necessary to address this issue.

Keywords: drug users, drug addiction, drug situation, drug environment, drug dispensary, patient, population, prevention, sociological research.

For citation: Kuryshova L.N., Motkin V.N. Perception of the drug addiction problem by the population and drug users in the region. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 31-41. (In Russ.)

Введение

Наркомания – серьезная проблема современного общества. По данным ООН, в 2023 г. в мире наркотики употребляли около 6 % населения Земли в возрасте от 15 до 64 лет (316 млн человек) [4]. Проблема наркомании является актуальной и для России. При этом оценить ее реальные масштабы сложно, различные источники дают противоречивую информацию о ее распространённости. По официальным данным на конец 2022 г., наркотической зависимостью в стране страдало около 400 тыс. чел. [11]. В 2024 г., по данным МВД России, общее число потребителей наркотических средств и психотропных веществ составило 426 тыс. чел. [7]. Однако эта статистика учитывает лишь лиц, находящихся на наркологическом учете в медицинских организациях. По другим данным, к 2024 г. в России около 6 млн наркозависимых лиц, а периодически принимают наркотики более 18 млн россиян [16]. В целом для России характерны общемировые тенденции, в числе которых – увеличение латентности и массовой завуалированной (скрытой) наркотизации населения [13].

Республика Мордовия является регионом с невысоким уровнем наркотизации населения. В 2023 г. показатель распространенности немедицинского потребления наркотиков составил 0,2 % от общей численности населения региона, но это только по данным медицинской статистики относительно числа зарегистрированных больных наркоманией и лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями [8, с. 11]. По данным социологических исследований, доля населения Мордовии, когда-либо в своей жизни пробовавшего наркотики, невысокая – 3 %, а число тех, кто потребляет наркотики составляет 0,7 % от числа опрошенных жителей региона [8, с. 19-20; 14, с. 37].

Большинство жителей региона, осознавая серьезность проблемы наркомании в масштабах всей страны, не включает ее в число вопросов, требующих первоочередного решения в месте своего проживания. Ее значимость в региональном социуме на фоне других социальных проблем невысока – 3 % от числа ответов (выбранных проблем) [8, с. 18]. Стоит отметить, что восприятие проблемы наркомании подвержено ситуативным колебаниям и ее актуальность может расти при достаточной решенности других социальных проблем и снижаться при их обострении. Проблема наркомании может иметь скрытый характер, нивелируясь другими, актуальными для людей вопросами: плохое качество дорог и проблемы в сфере ЖКХ, невысокое качество медицинского обслуживания и др.

Несмотря на ежегодный мониторинг наркоситуации с использованием социологических методов исследования, практически отсутствует информация о взгляде на проблему наркомании «изнутри», т.е. со стороны самих наркопотребителей.

Для организации эффективной антинаркотической политики необходимо изучение вопросов реинтеграции наркозависимых лиц и наркопотребителей в жизнь общества. При этом необходимо не только «понимание основных аспектов

наркотической зависимости, но также анализ социокультурных, психологических и структурных факторов, которые оказывают влияние на наркопотребление» [17, с. 366]. И без качественной характеристики современных групп наркопотребителей эту проблему – проблему социального включения – решить невозможно [2, с. 155].

Цель исследования – сравнительный анализ отношения наркопотребителей, проходящих диспансерное наблюдение, лечение и реабилитацию в ГБУЗ РМ «РКНД», и населения Республики Мордовия к проблеме наркомании.

Материалы и методы

В статье представлены результаты социологического опроса «Восприятие проблемы наркомании наркопотребителями Республики Мордовия», проведенного ГКУ РМ «НЦСЭМ» с участием авторов среди пациентов ГБУЗ РМ «Республиканский клинический наркологический диспансер» (ГБУЗ РМ «РКНД»). Общее число посетителей (с диагнозами «синдром зависимости от наркотических средств (наркомания)» и «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков») в феврале 2024 г. составило 218 чел., количество опрошенных – 181 чел. Для сравнения использованы данные социологического опроса «Мониторинг наркоситуации в Республике Мордовия», также проведенного ГКУ РМ «НЦСЭМ» с участием авторов (октябрь – ноябрь 2023 г., опрос населения в возрасте от 14 до 60 лет, выборка квотная, n = 1 000 чел.) [14, с. 30-44].

Результаты и обсуждение

По данным исследования, к основным социально-демографическим характеристикам наркопотребителей (пациентов ГБУЗ РМ «РКНД») можно отнести: мужской пол, средний возраст, городское место жительства (г. Саранск), среднее профессиональное образование, коммерческая сфера деятельности и средний достаток [9].

Отношение к проблеме наркомании связано с тем, насколько близок человек к наркосреде, есть ли в его социальном окружении люди, употребляющие наркотики, имел ли он сам опыт потребления запрещенных веществ. Российские исследователи Н. А. Романович и В. Б. Звоновский в начале 2000-х гг. предположили, что отношение к наркотизации должно различаться в зависимости от степени включенности в ту социальную среду, где потребление наркотиков является повседневной практикой [15, с. 55-56]. Наше исследование показало, что среди людей, имеющих опыт потребления наркотиков, обеспокоенность проблемой наркомании выше, чем среди населения в целом. По мнению пациентов наркодиспансера, наркомания более серьезная проблема для нашей страны, чем представляется другим (наркопотребители – 85 %, население – 62 %). Если среди населения почти каждый четвертый (23 %) считает наркоманию не более актуальной, чем другие проблемы, то среди наркопотребителей такого мнения придерживается только каждый десятый (11 %). А 15 % жителей региона вообще не волнует проблема наркомании, среди пациентов наркодиспансера таких практически нет (рис. 1).

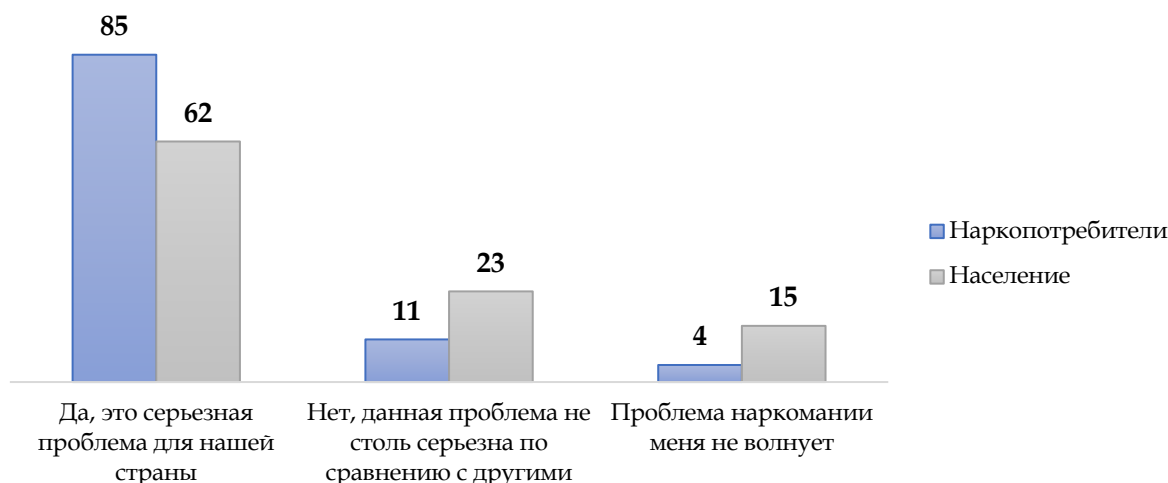

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, наркомания – это серьезная проблема российского общества?», %

Наркопотребители считают наркоманию не только серьезной проблемой для российского общества, но и указывают на ее более широкую распространенность в месте своего проживания (рис. 2). Таким образом, наркопотребители более критично оценивают наркоситуацию, демонстрируя большую о ней осведомленность.

Рисунок 2. Распределение ответов вопросов «Как Вы считаете, насколько наркомания распространена там, где Вы живете (в городе, поселке, селе и т. д.)?», %

По мнению исследователей, осознание проблемы наркомании лицами, имеющими опыт потребления наркотиков, говорит о восстановлении социального статуса личности, о прекращении дальнейшей наркотизации [12, с. 19]

Расширение масштабов проблемы наркомании связано с моральной деградацией общества, распространением среди людей вседозволенности, а также социальное неблагополучие населения. На устойчивость этих причин указывают российские исследователи [6] и результаты наших опросов [10, с. 14] (рис. 3). Кроме этого, в распространении наркотиков большую роль играет наркобизнес и

доступность запрещенных веществ. Наркопотребители также указывали данные причины чаще других. Интерес вызывает тот факт, что потребители наркотиков чаще отмечали плохую работу правоохранительных органов как один из факторов распространения наркотиков. Стоит также отметить, что пациенты наркодиспансера были менее активны в своих высказываниях и реже отмечали предложенные в анкете альтернативы, в то время как другие жители региона указывали больше причин.

В российских исследованиях было замечено, что слабость профилактической работы практически не считается причиной распространения наркомании среди населения (она занимает последнее место в рейтинге причин) [12, с. 19]. По нашим исследованиям, действительно, и население в целом и наркопотребители реже других факторов указывали на недостаток профилактики проблемы наркомании как одну из причин ее распространения.

Об уровне распространения проблемы наркомании косвенно свидетельствует оценка доступности запрещенных веществ. Кажется вполне логичным, что о доступности или недоступности наркотических средств лучше осведомлены их потребители (рис. 4). Среди населения большинство (72 %) не знают, насколько трудно достать сегодня наркотики, среди пациентов наркодиспансера затруднились ответить 45 %. По мнению опрошенных наркопотребителей, наркотики более доступны: 42 % из них указали, что запрещенные вещества сегодня достать легко (среди населения – почти в два раза меньше). В тоже время они чаще указывали и на трудности поиска и покупки наркотиков (13 %).

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в чем причина распространения наркомании в последнее время?», %

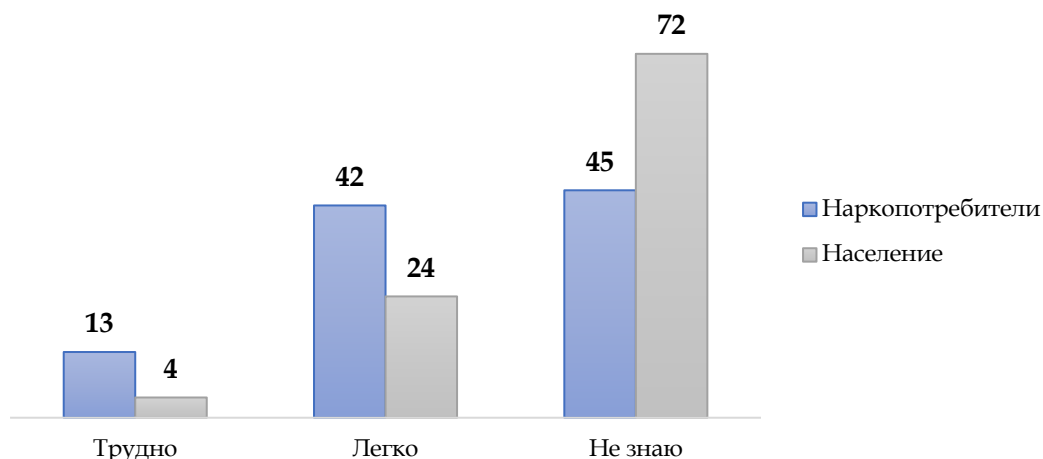

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, трудно ли достать сегодня наркотики?», %

Наркопотребители в числе наиболее эффективных мер профилактики наркомании отмечали проведение физкультурных и спортивных мероприятий (41 %), выступления бывших наркоманов (37 %) и расширение работы с молодежью (36 %) (рис. 5). Эти мероприятия назывались и в ходе опроса населения. Однако жители региона, в абсолютном большинстве своем не имеющие опыт потребления запрещенных веществ, самым эффективным способом борьбы считают ужесточение наказания за преступления в сфере оборота наркотиков (49 %), а также указывали на необходимость принудительного лечения наркоманов (29 %). Среди пациентов наркодиспансера эти альтернативы как меры по решению проблемы наркомании выбирались редко (11 и 13 % соответственно). Отчасти это связано с тем, что население, называя ужесточение наказания в качестве эффективной меры противодействия наркомании, не в полной мере осведомлено о законодательной ответственности в сфере незаконного оборота наркотиков [12, с. 19]. По субъективной оценке, большинство населения Мордовии знает о законодательной ответственности за потребление, хранение и сбыт наркотических веществ. Однако, только четверть жителей региона (25 %) осведомлены о предусмотренном наказании за нарушение антинаркотического законодательства очень хорошо, почти половина населения (45 %) населения знают об ответственности лишь в общих чертах. Почти треть жителей региона (30 %) практически не информированы об ответственности за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Какие мероприятия, по Вашему мнению, более эффективны для профилактики и решения проблемы наркомании?», %

Наркопотребители, редко (13 %) называя принудительное лечение в числе эффективных мер, в большинстве своем (67 %) считают наркоманию болезнью и поддерживают данный метод (почти 60 % согласились с тем, что следует принудительно лечить людей, употребляющих наркотики). Но при этом половина пациентов наркологического диспансера проходят лечение принудительно — по решению суда (49 %). Можно согласиться с мнением, что в основе поведения наркопотребителей лежит возможность прохождения лечения взамен административного наказания [1, с. 133].

По мнению наркопотребителей решением проблемы наркоманией должны заниматься государственные структуры (63 %) [9].

Одним из основных способов решения проблемы наркомании, по мнению специалистов, является формирование активного антинаркотического общественного сознания, формирование у населения установки на отказ от наркопотребления [5, с.

22]. В наших исследованиях осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков респондентами указывается главной причиной отказа (табл. 1). Однако среди наркопотребителей ее указали только 40 % (среди населения – 72 %).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Что сегодня удерживает Вас от употребления наркотиков?», %

Вариант ответа	Наркопотребители	Население
Осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков	40	72
Боязнь оказаться в тюрьме	37	11
Потеря уважения близких	25	14
Боязнь остаться ненужным обществу	22	10
Боязнь отлучения от семьи	21	11
Ранняя смерть	20	21
Опасность заболеть ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами В и С	15	14
Полное привыкание	15	15
Дорого (не хватает средств)	10	4
Боязнь снова оказаться в больнице	7	—
Другое	10	7

Пациентов наркодиспансера от дальнейшего потребления запрещенных веществ во многом сдерживает риск оказаться в тюрьме (37 %). Неслучайно, наркопотребители среди основных проблем, возникших из-за потребления наркотиков, чаще всего называли правонарушения (48 %) (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы у Вас возникли из-за потребления наркотиков?», %

Вариант ответа	Наркопотребители
Правонарушения	48
Ссоры, разногласия в семье	40
Ухудшение состояния здоровья	26
Потеря работы, проблемы с трудоустройством	20
Моральная деградация личности	18
Потеря друзей, уважения окружающих	14
Низкая успеваемость, пропуски по учебе	12
Никаких проблем не возникло	11
Другое	8

Наркозависимость может привести к потере социальных связей, к социальной изоляции личности. Согласно нашему исследованию, боязнь потерять уважение близких, стать ненужным обществу и быть отлученным от семьи являются сдерживающими факторами от наркопотребления (см. табл. 1). И в большей степени эти риски осознают лица, имеющие опыт потребления наркотиков. Неслучайно, ссоры и разногласия в семье часто указывались опрошенными пациентами среди проблем, возникших из-за потребления наркотиков (40 %) (см. табл. 2).

Существует ли вероятность возврата к потреблению наркотиков? На этот вопрос частично дают ответы следующие факты. Каждый пятый наркопотребитель не жалеет, что попробовал наркотики (19 %). У трети опрошенных пациентов (33 %) в окружении

есть знакомые, потребляющие наркотики (среди населения – 7 %), в то время как социальное окружение является одним из основных факторов риска приобщения к этой пагубной привычке [3]. Каждый десятый наркопотребитель (11 %) не против попробовать вновь наркотики и столько же (11 %) не знают, откажутся ли они от этого. Таким образом, риск возврата к наркотикам присущ как минимум каждому десятому случаю, потенциально – для пятой или даже третьей части наркопотребителей, проходящих лечение и реабилитацию от зависимости.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ мнения пациентов наркодиспансера и населения Мордовии позволяет сделать следующие выводы. Наркопотребители более критичны в оценках наркоситуации, считают наркоманию более распространенной проблемой, а наркотики – более доступными. Представления о причинах наркомании совпадают с мнением всего населения, однако наркопотребители менее активны в своих высказываниях.

По мнению наркопотребителей, профилактике наркотизации населения могут способствовать развитие физкультуры и спорта, а также публичные выступления бывших наркоманов. Ужесточение наказания и принудительное лечение, на взгляд наркопотребителей (в отличие от мнения всего населения), не являются самыми эффективными мерами. Однако отказ лиц, проходящих лечение и реабилитацию в наркодиспансере, от дальнейшего наркопотребления происходит под воздействием внешних факторов, связанных с государственным регулированием наркоситуации: основная проблема, возникшая из-за потребления наркотиков – правонарушения; один из основных сдерживающих факторов – боязнь оказаться в тюрьме; одна из причин распространения наркомании – «плохая работа» правоохранительных органов; лечение проходит, как правило, по решению суда; решением проблемы наркомании должны заниматься в основном государственные структуры.

К сожалению, существует высокая вероятность рецидива наркопотребления: треть пациентов в своем социальном окружении имеют знакомых наркопотребителей, пятая часть не жалеет об опыте наркопотребления, каждый десятый уверен, что вернется к запрещенным практикам и столько же не отрицают этого и не знают, откажутся ли они от потребления в будущем. Для решения проблемы наркомании необходим комплексный подход и усилия как со стороны государственных и общественных структур, так и ближайшего социального окружения лиц, имеющих опыт потребления наркотиков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисифорова М.В. Лечение наркозависимости как право субъекта административного правонарушения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 11. – С. 28-136.
2. Васильева М.К. Учет характеристики современных групп наркопотребителей при формировании антинаркотической политики Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №1. – С. 151–158. // URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.86.1.151-157>
3. Вишнякова Н.А. Курмышкина О.Н. Распространенность наркомании: субъективные оценки населения региона // Человек. Общество. Инклюзия. – 2021. – № 3(47). – С. 26-31. – EDN BSHWKO.
4. Доклад ООН: глобальная нестабильность усугубляет последствия наркопроблемы // URL: <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2025/06/107836/doklad-oon-globalnaya-nestabilnost-usugublyet-posledstviya> (Дата обращения 27.07.2025).

5. Курмышкина О.Н., Мотькин В.Н. Проблема наркотизации регионального социума (на примере Республики Мордовия) // *Общественное здоровье*. – 2023. – Т. 3, № 4. – С. 16-24. – DOI 10.21045/2782-1676-2023-3-4-16-24. – EDN KZDEYA.
6. Личутина М.Г. Основные направления антинаркотической работы, осуществляемой на территории Кировской области // *Вопросы современной науки и практики*. – 2022. – № 2. – С. 41-44.
7. МВД: В России сокращается число наркоманов // URL: <https://www.pnp.ru/news/mvd-v-rossii-sokrashhaetsya-chislo-narkomanov.html> (Дата обращения 19.08.2025).
8. Мониторинг наркоситуации в Республике Мордовия за 2023 г. Доклад // URL: https://chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://store.e-mordovia.ru/e-mordovia/iblock/cd1/cd150429700c82025a7aea6fbc2a0010/Doklad_Narkosituatsiya_za-2023.pdf (дата обращения: 03.09.2025).
9. Мотькин В.Н. Социологический портрет наркопотребителя в регионе // *Социально-гуманитарные технологии*. – 2024. – № 3(31). – С. 13-22. – EDN OSDEXP.
10. Мотькин В.Н. Социологический анализ наркоситуации в Республике Мордовия : бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга / В. Н. Мотькин, О. Н. Курмышкина, Т. Г. Маторкина ; Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга». Том №2 (14). – Саранск : Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2022. – 23 с. – ISBN 978-5-7103-4352-4. – EDN SWJNRS.
11. Наркомания в России // URL: <https://kas.clinic/blog/narkomaniya-v-rossii/> (Дата обращения 19.08.2025).
12. Невирко Д.Д., Ступина С.А., Молоков В.В. Отношение к наркоситуации лиц с опытом наркопотребления и антинаркотическая профилактика (по результатам социологического исследования) // *Вестник Сибирского юридического института*. – 2015. – № 1. – С. 14 – 22.
13. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Изучение наркоситуации в России и за рубежом: сравнительный анализ // *Россия реформирующаяся*. – 2019. – № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-narkosituatsii-v-rossii-i-za-rubezhom-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 03.09.2025).
14. Республика Мордовия глазами социологов: Научный справочник. – 2-е издание, переработанное и расширенное. – Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга, 2024. – 480 с. – ISBN 978-5-98344-815-5. – EDN PVOXMD.
15. Романович Н.А, Звоновский В.Б. Общественное мнение о наркотизме: опыт регионального исследования. // *Социологические исследования*. – 2004. № 6. – С. 54-61.
16. Статистика по наркомании в России // URL: https://med-b-nevelskaya-r424.gosweb.gosuslugi.ru/novosti/novosti_53.html (Дата обращения 22.06.2025).
17. Эстебес Уулу Т. Интеграция социологических теорий в практику социальной работы с наркопотребителями в системе пробации // *Alatoo Academic Studies*. – 2024. – № 1. – С. 364-377. – DOI 10.17015/aas.2024.241.32. – EDN VEXGYY.

ОБ АВТОРЕ:

Овчинников Дмитрий Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры правовых и общественно-политических дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Университет Льва Толстого), Тула, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Ovchinnikov Dmitry A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal and Socio-Political Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University» (University of Lev Tolstoy), Tula, Russia

УДК 316

Овчинников Д.А.

Исследование проблем безопасности учащихся в социальной среде школы

Предметом исследования являются понятия безопасности учащихся и социальной среды применительно к школьному образованию. Результаты проведенного в школах Тульской области социологического исследования позволяют сформулировать комплекс определенных выводов об отдельных сторонах практике школьного образования по вопросам безопасности учащихся, а также выявить типичные проблемы с целью учета и корректировки в дальнейшей работе. Главный вывод – в школах необходима система профилактических мер, органично встроенных в урочную и внеурочную деятельность, и четкая организация условий жизнедеятельности.

Ключевые слова: социальная среда, школа, безопасность, учащиеся.

Для цитирования: Овчинников Д.А. Исследование проблем безопасности учащихся в социальной среде школы // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 42-52.

STUDENT SAFETY RESEARCH IN THE SOCIAL ENVIRONMENT OF THE SCHOOL

Ovchinnikov D.A.

The subject of the research is the concepts of student safety and the social environment applicable to school education. The results of a sociological study conducted in schools in the Tula region allow us to formulate a set of definite conclusions about certain aspects of the practice of school education on student safety, as well as identify typical problems in order to take into account and adjust in future work. The main conclusion is that schools need a system of preventive measures that are organically integrated into regular and extracurricular activities, and a clear organization of living conditions.

Keywords: social environment, school, safety, students.

For citation: Ovchinnikov D.A. Student safety research in the social environment of the school. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 42-52. (In Russ.)

Вводная часть

В настоящее время происходят значительные изменения в организации системы школьного образования в Российской Федерации. Эти изменения касаются практически всех субъектов образовательного процесса, а также оказывают существенное влияние на формирование благоприятного социально-психологического климата и создание безопасной социальной и образовательной среды в современных школах. С этих позиций исследование проблем безопасности учащихся в социальной среде школы представляет научный интерес в сообществе ученых и, безусловно, практический интерес в профессиональном сообществе.

Теоретическая часть

На современном этапе В. И. Ярочкин полагает необходимым даже создание новой междисциплинарной науки о безопасности жизнедеятельности – секьюритологии, ее обоснование, разработку и внедрение в практику обеспечения безопасности [19].

В. В. Кафтан дает следующее определение такой науки: «Секьюритология (от лат. *securitas* – безопасность) – наука о безопасности, которая включает в себя все многообразие понятий, связанных с безопасностью: оборона, защита, надежность, охрана, скрытность, обеспечение, сохранность, сохранение, гарантия, органы безопасности, контрразведки...» [6, с. 15].

Далее детальнее рассмотрим социологические и особенно педагогические взгляды на социальную среду, которая, в том числе, имеет связь с потенциальной опасностью.

Основоположник школы структурно-функционального анализа и социального действия, известный социолог Толкотт Парсонс считает, что общество, будучи целостной социальной системой, состоит из миллионов индивидов, совершающих свои действия не только как ответ на реакцию социальной среды, но и в соответствии с определенной программой. Социальные действия индивида, которого Т. Парсонс называет «актором» или «актером» (агентом действия), предполагают также «ситуацию» и «поведение актера», направленное на достижение какой-либо цели. В обществе имеются нормы или ценности, т.е. правила, которыми актер должен руководствоваться как своего рода сценарием или планом действий [13]. Подтверждением и продолжением этих положений являются взгляды на общество и социальные отношения, включая природу и сущность опасности терроризма, современных зарубежных мыслителей Ж. Бодрийяра [2], А. Камю [4], Б. Хоффмана [18].

Идея организации социальной среды ребенка стала одной из ведущих в современной теории воспитания и одной из ключевых в истории педагогики.

После реализации проектов И. И. Бецкого и Ж.-Ж. Руссо обозначилась основная проблема – оптимальное соотношение направлений и содержания воспитания с тенденциями общественного развития [3].

Об использовании социальной среды в целях воспитания ясно говорится в публицистике XIX века таких известных российских авторов, как Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский.

Отечественные педагоги К. Н. Вентцель, Г. А. Захарченко, А. У. Зеленко, О. С. Пантюхов, С. Т. Шацкий в начале XX века в сложнейшей политической обстановке активизировали свои действия по реализации педагогики среды через организацию детских объединений и движений, колоний, домов и т. п. То есть тогда в стихийных условиях создавалась организованная среда с целью ценностно сориентировать детей и подготовить их к принятию окружающей непростой действительности [1].

В советский период М. В. Крупенина выдвинула идею, что именно среда оказывает решающее воздействие на личность ребенка и поэтому его реальная жизнь должна носить характер организованного педагогического процесса. А в ее реализации В. Н. Шульгин предложил следующие задачи: изучение среды ребенка, обучение и воспитание, превращение школы в центр преобразования окружающей среды [11].

В 1980-е годы к проблеме «средового подхода» вернулась автор теории воспитательных систем Л. И. Новикова. Она рассматривала социальную среду как один из управляемых компонентов воспитательной системы. Представители ее научной школы И. Д. Демакова, Н. Л. Селиванова и др. дали теоретическое обоснование перевода окружающей среды в воспитывающую среду [15].

Уже в нашем веке Ю. С. Мануйлов определяет среду не только как средство воспитания ребенка, но и как технологию опосредованного управления процессом его формирования и развития, который подразумевает диагностику среды, ее проектирование и продуцирование воспитательного результата, то есть организацию среды через определенные соответствия (целей и способов, целей и средств, стихии и ниши и т. п.) [10].

При этом следует четко учитывать, что окружающую среду ребенка объективно наполняет возможность опасности, которая разнообразна по источнику возникновения, по масштабам распространения, по уровню воздействия на определенные сферы развития личности: от социальной сферы до сферы здоровья – психического, физического, духовного, сферы психологического состояния [5].

Сталкиваясь с опасностью любого уровня, ребенок должен обязательно рассчитывать на педагогическую поддержку взрослых, которые помогают повысить иммунитет детей к опасностям, а также рационально находить пути выхода из сложившихся опасных ситуаций. Все это становится реальным, если родители и педагоги надлежаще организуют среду ребенка через активизацию процесса его самоорганизации при встрече с опасностью, что является одним из необходимых условий развития личности ребенка в социуме и его эффективной социализации [7].

Социологи, психологи и педагоги выделяют несколько факторов, влияющих на процесс социализации – семья, «отношения» равенства, обучение в школе, средства массовой информации, труд, различные организации [12].

Сущность социализации состоит в формировании человека как члена общества, к которому он принадлежит. Процесс этот двусторонний: с одной стороны, это усвоение обучающимися социального опыта путем вхождения в социальную среду и систему входящих в нее социальных связей; с другой стороны, это процесс активного воспроизводства системы социальных связей обучающимися за счет активной деятельности и активного включения в социальную среду [12], [8].

В настоящее время становится очевидным, что ключевая роль в обеспечении безопасности любого государства и жизнедеятельности общества и отдельной личности, особенно ребенка, принадлежит именно системе образования [14], [17].

Проиллюстрируем вышеприведенные теоретические положения практическими результатами социологического исследования в форме анкетного опроса, проведенного в школах Тульской области (как вполне типичной для исследуемой тематики) среди учащихся 8-х и 10-х классов, их педагогов и родителей.

Методологическая часть

Цель этого исследования: изучение уровня готовности школьников к необходимым действиям в случае возникновения различных угроз для их предотвращения или снижения степени опасности для жизни их последствий.

Объект исследования: формирование готовности школьников к действиям в экстремальных ситуациях.

Предмет исследования: система мер защищенности учащихся от опасных ситуаций в школах.

Были поставлены следующие задачи исследования:

- 1) изучить отношение учащихся, педагогов и родителей к экстремальным ситуациям как одному из негативных проявлений современного общества;
- 2) определить основные направления работы школы по защищенности учащихся от опасных ситуаций и сложившуюся систему мер по предотвращению их угроз;
- 3) рассмотреть влияние семьи и школы на формирование у детей осознанного подхода к мерам профилактики различных угроз.

В соответствии с целью исследования, его объектом, предметом и задачами методология исследования представлена следующими методами: дескриптивный, категоризации, частотного анализа, сравнения, опросный в форме анкетирования (по закрытым одноальтернативным и многоальтернативным вопросам), а также количественной обработки полученных данных.

Целевая группа исследования: школьники, их родители и педагоги, работающие с ними. Согласно статистическим данным, в Тульской области около 150 тысяч учащихся школ (соответственно столько же и одного из представителей родительского сообщества) и около 10 тысяч учителей.

Генеральная совокупность: учащиеся именно предвыпускных 8-х и 10-х классов, у которых уже есть сформированные представления о безопасности в школе, их родители и педагогические работники, проводящие уроки и внеурочные мероприятия в этих классах. Согласно статистическим данным, в Тульской области около 20 тысяч учащихся 8-х и 10-х классов (соответственно столько же и одного из представителей родительского сообщества) и около 50% учителей, так или иначе, работают с этими классами (то есть порядка 5 тысяч человек).

Применялась вероятностная кластерная выборка, которая позволяла исследовать школы в районных центрах (городах) крупнонаселенных районов Тульской области. Опрос был проведен в различных школах, охватив крупные города региона. По этому принципу выбирались конкретные школы и доступные в них для опроса учащиеся 8-х и 10-х классов, педагоги и родители на проводимых родительских собраниях.

В исследовании приняли участие 726 школьников 8-х и 10-х классов. Среди них 57,6% – девушки, 42,4% – юноши. В опросе участвовали 417 педагогов, из них 88,2% – женщины, 11,8% – мужчины; имеют классное руководство – 72,6%, не имеют – 27,4%. Также в анкетировании принимали участие 512 родителей, из них 85,8% – женщины, 14,2% – мужчины.

Таким образом, при выбранной нами доверительной вероятности в 95% доверительный интервал составляет 2,36% (при генеральной совокупности в 45 тысяч человек при выборке 1655 человек). То есть выборка является репрезентативной и вполне отражает генеральную совокупность.

Анкеты (по некоторым исследуемым моментам разные для различных категорий респондентов, по некоторым чаще – одинаковые), включали закрытые одноальтернативные и многоальтернативные вопросы, что позволило стандартизировать ответы и провести количественное сравнение позиций разных групп респондентов.

Статистический анализ проводился в программе IBM SPSS Statistics 27.0.1.

Эмпирическая часть

Полученные результаты исследования свидетельствуют, что, по мнению большинства опрошенных категорий, вероятность возникновения чрезвычайной ситуации в стенах школы с риском для жизни людей невелика. Однако мнение каждого десятого респондента (в пределах 10%) о том, что риск возникновения чрезвычайной ситуации в школе определенно есть, недооценивать нельзя.

При этом доля педагогов, учитывающих риск создания экстремальной ситуации из-за отсутствия порядка и дисциплины в школе, в целом невелика (5,4%), но настораживает тот факт, что эти данные в два раза меньше аналогичной группы среди родителей (11,2%) и в три раза в сравнении с учащимися (16,1%).

Далее рассмотрим возможные стереотипы поведения участников исследования (по их самооценке) при развитии чрезвычайной ситуации. Большинство респондентов уверены, что они в трудной ситуации способны к реальной ее оценке и адекватным действиям (около 55%), что им характерна собранность и концентрация внимания (около 30%). Только порядка 15% опрошенных впадают в состояние испуга, растерянности и паники.

Следует отметить, что основные стратегии поведения в чрезвычайных ситуациях актуальны не только для тех, кто не очень четко представляет себе, как поступить (паникует), но и для тех, кто считает себя способным к хладнокровным действиям и взвешенной оценке происходящего [9]. Где, по мнению школьников, они могут почерпнуть полезную информацию об этом?

Лидирует в данном рейтинге информация, предоставляемая учителями-предметниками на учебных занятиях (81,4%), на втором месте — родители (55,7%), затем знания и навыки, полученные на специальных мероприятиях в школе (46,3%), далее — СМИ (29,4%) и друзья (2,9%).

Одна из важнейших составляющих работы школы по подготовке школьников к адекватному реагированию и стратегии поведения в чрезвычайной ситуации — это образовательная деятельность, где педагоги детально знакомят с негативным опытом человечества по данной проблеме.

Каким образом усваивается информация, ее целостность и сила воздействия, зависит от многих факторов, в том числе от эмоциональности подачи материала. Информация, предлагаемая школьникам в виде инструктажа (формально), зачастую просто не воспринимается ими.

Согласно полученным данным, каждый второй школьник (50,8%) считает, что, например, о террористической угрозе учителя им рассказывают чаще всего в виде инструкций, формально. Более трети (38,7%) респондентов характеризуют предлагаемые педагогами материалы как «живой» рассказ с примерами из жизни, сопровождаемый, как правило, видеодемонстрациями, фотодокументами, иллюстрациями. Оставшиеся 10,5% полагают, что педагоги просто не касаются этой темы.

В каждой школе сложилась своя система мероприятий, которая способствует усвоению необходимых подростку знаний, приобретению полезных навыков действия в экстремальной ситуации. В таблице 1 приведены основные формы занятий по защищенности в экстремальных ситуациях, ставшие в системе образования традиционными.

Таблица 1. Традиционные формы занятий в школах по защищенности в экстремальных ситуациях, в % от каждой категории опрошенных

Формы занятий	Учащиеся	Педагоги
Класные часы, посвященные данной теме	45,7	86,3
Практические занятия по эвакуации	35,8	87,8
Лекции, беседы с приглашенными специалистами	14,6	37,8
Уроки мужества	2,6	32,9
Олимпиады по «Основам безопасности и защиты Родины»	8,6	17,7
Уроки «Основ безопасности и защиты Родины» по данной теме	69,7	59,2
Такие занятия не проводятся	5,1	0

Школьники, участвующие в исследовании, чаще всего относили к традиционным формам занятий уроки «Основ безопасности и защиты Родины» (ОБЗР) (прежнее название — ОБЖ) по данной тематике. Педагоги же из предложенного в анкете списка форм занятий чаще всего выбирали практические занятия по эвакуации и класные часы данной проблематики.

Это вполне соответствует Федеральной рабочей программе среднего общего образования по учебному предмету «Основы безопасности и защиты Родины», где прямо указано: «Изучение ОБЗР направлено на формирование ценностей, освоение знаний и умений, обеспечивающих готовность к выполнению конституционного долга по защите Отечества и достижение базового уровня культуры безопасности жизнедеятельности, что способствует выработке у выпускников умений распознавать угрозы, снижать риски развития опасных ситуаций, избегать их, самостоятельно принимать обоснованные решение в экстремальных условиях, грамотно вести себя при возникновении чрезвычайных ситуаций» [16, с. 5].

Однако следует отметить, что есть некоторая нестыковка в ответах педагогов и школьников. Если учесть, что речь идет не о частоте проведения тех или иных занятий, а только о традиционности форм этих занятий для школ, то должно быть некое рейтинговое соответствие их по обеим категориям опрошенных. Ведь мероприятия проводят те же педагоги с теми же школьниками, поэтому те и другие должны быть в курсе происходящего. А представленный в таблице 1 разброс ответов позволяет усомниться в их искренности.

Теперь остановимся на ситуации, когда требуется срочная эвакуация детей и персонала из здания школы. Знакомы ли школьники с планом эвакуации?

По результатам опроса, подавляющее большинство (74,7%) учащихся были ознакомлены с планом эвакуации на специальных практических занятиях. Пятая часть таких респондентов узнала об этом при проведении инструктажа. Ничего не известно об этом документе всего 2,6% школьников.

По поводу информированности участников образовательного процесса о наличии и месте расположения плана эвакуации в школе мнение педагогов и учащихся в целом созвучны и концентрируются в основном на двух вариантах: планы эвакуации находятся в коридорах, возле лестницы (от 65% учащихся до 80% педагогов), в каждом кабинете (от 35% учащихся до 50% педагогов). Тех же, кто считает, что такие планы отсутствуют в школе, менее одного процента.

Какие бы мероприятия ни организовывала школа по профилактике чрезвычайных ситуаций, эффективность их будет снижена, если семья относится

попустительски. Подавляющее большинство (около 97%) опрошенных родителей проявляет беспокойство за жизнь и здоровье своего ребенка, его безопасность, если их нет рядом.

Есть мероприятия, участие в которых предполагает определенную самостоятельность подростка и соответственно снижение контроля со стороны семьи и школы. В таких ситуациях актуальным становится то, как усвоили дети наставления взрослых. Кто как не родители лучше всего могут оценить степень риска, связанную с предоставленной подростку самостоятельностью и свободой?

Согласно полученным данным, большинство родителей (76,3%) отпустили бы своего ребенка в экскурсионные поездки. На туристическую поездку в каникулярное время дал бы согласие каждый третий респондент и турпоход в пределах нашей области (не более трех дней) — каждый четвертый. На принятие того или иного решения влияет множество факторов: в первую очередь возраст ребенка. Родители учащихся 8-х классов охотнее, чем родители десятиклассников, рассматривают перспективу экскурсионных поездок для своего ребенка. По остальным позициям границы самостоятельности десятиклассников, естественно, шире.

Любые поездки, наступление каникул и череды праздничных мероприятий обычно сопровождаются серией профилактических бесед педагогов (прежде всего классных руководителей) с родителями обучающихся. В таблицах 2 и 3 представлены точки зрения родителей и педагогов на периодичность и необходимость профилактических бесед по вопросам поведения детей в условиях чрезвычайной ситуации.

Таблица 2. Периодичность бесед с родителями по вопросам поведения детей при чрезвычайных ситуациях (мнение родителей)

Вариант ответа	% ответивших
Беседы проходят обычно раз в год	24,4
Бывают по необходимости, время от времени	45,2
Не помню, чтобы об этом когда-нибудь велась речь	14,3
Затрудняюсь ответить, редко бываю в школе	11,4
Не ответили	4,7

Таблица 3. Педагоги о периодичности бесед с родителями по вопросам поведения детей при чрезвычайных ситуациях

Вариант ответа	% ответивших
Беседы проходят обычно раз в год	28,7
Бывают по необходимости, время от времени	61,3
Это не входит в круг моих обязанностей	6,4
Не провожу, так как родители и так хорошо это знают	2,4
Не ответили	1,2

Как видно из приведенных данных, каждый четвертый родитель уверен, что такие беседы проходят обычно раз в год. Аналогичной точки зрения придерживается более четверти педагогов. Большинство респондентов считают, что беседы проводятся по необходимости, время от времени. Порядка трети родителей ответить затруднились. Каждый десятый педагог не проводит профилактические беседы либо потому, что это не входит в круг его обязанностей, либо из-за уверенности, что родители и сами об этом все знают.

При этом организация экскурсий, походов, дискотек и др. часто сопряжена с множеством рисков. От продуманности качества организации условий и других факторов зависит безопасность проводимого мероприятия в отношении жизни и здоровья его участников.

Большинство педагогов ответили, что хотя бы однажды сопровождали группы школьников в походах и на экскурсиях (88,7%). Не приходилось сталкиваться с мероприятиями такого типа примерно каждому десятому учителю. Не ответили на этот вопрос 2,1%.

Были ли в таких поездках случаи грубого нарушения дисциплины, правил безопасности, связанные с риском для здоровья детей? 2,7% респондентов ответили, что такое случалось. 74,3% свидетельствуют, что таких случаев не было. А 11,9% ответили, что нарушения были, но без риска для здоровья детей.

Однако необходимо понимать, что семья и школа достигают положительных результатов в снижении рисков возникновения опасных ситуаций с детьми только при условии тесного взаимодействия в вопросах профилактики и обучения оптимальным способам проведения при чрезвычайных ситуациях.

Интерпретационно-аналитическая часть

Педагоги, работающие с детьми, должны осознавать ту меру ответственности, которая лежит на них в научении школьников стратегии поведения при чрезвычайных ситуациях, в проведении профилактических мероприятий по снижению опасности их возникновения.

Таким образом, здоровьесберегающая социальная среда общеобразовательного учреждения — это не только системные оздоровительно-профилактические мероприятия, медицинские осмотры, разумно спланированные учебные нагрузки, но прежде всего безопасность жизнедеятельности детей и взрослых. Достигается это комплексом профилактических мер, органично встроенных в урочную и внеурочную деятельность школы, а также четкой организацией условий жизнедеятельности. Готовность к опасной ситуации любого уровня определяет как внешняя организация социальной среды школы, так и внутренняя самоорганизация школьника при поддержке педагогов и родителей.

Как видим из результатов проведенного исследования, в современных условиях проблема обеспечения безопасности в общеобразовательных учреждениях остается актуальной. Ее решение возможно только путем применения комплексного подхода, сочетающего в себе мероприятия по обучению безопасному поведению учащихся в различных опасных и чрезвычайных ситуациях природного, техногенного и социального характера. Система обеспечения безопасности общеобразовательных учреждений — это комплекс правовых и организационно-технических мер с целью обеспечения функциональной готовности общеобразовательных учреждений к безопасной повседневной деятельности, а также к действиям в случае угрозы или возникновения чрезвычайных ситуаций.

Под безопасностью общеобразовательного учреждения следует понимать именно состояние его защищенности от реальных и прогнозируемых угроз социального, техногенного (антропогенного) и природного характера, обеспечивающее его безопасное функционирование. Безопасность школы достигается путем реализации специально разработанной системы мер правового, организационного, технического, кадрового и финансового характера. Проблема создания эффективной системы обеспечения комплексной безопасности школы

решается с учетом специфики социальной среды общеобразовательного учреждения и вероятности возникновения тех или иных угроз.

Необходимость обеспечения безопасности жизнедеятельности диктуется реалиями современной жизни, поэтому деятельность коллектива любой школы должна быть направлена на повышение психологической устойчивости в чрезвычайных ситуациях, на стабильность мироощущения за счет сознания большей защищенности и выживаемости в чрезвычайных ситуациях; способствует повышению статуса человека, обладающего необходимыми знаниями, снижению ущерба и потерь в чрезвычайных ситуациях, экономии средств при их предотвращении и ликвидации последствий; создает благоприятные условия для повышения эффективности образовательного процесса и качества жизнедеятельности общеобразовательного учреждения, для защиты здоровья.

По результатам проведенного исследования, большинство респондентов различных категорий в целом позитивно оценивает вопросы организации безопасности учащихся в школах (минимальная вероятность возникновения серьезной чрезвычайной ситуации; высокая самооценка об адекватных стереотипах поведения при развитии чрезвычайной ситуации; школьники получают на учебных занятиях информацию об основных стратегиях поведения в чрезвычайных ситуациях; подавляющее большинство учащихся и педагогов ознакомлены со школьным планом эвакуации и др.). Однако вызывает беспокойство расхождение в ответах на одни и те же вопросы различных категорий респондентов: причину риска (пусть в целом и небольшого) возникновения серьезной чрезвычайной ситуации видят в отсутствии порядка и дисциплины в школе больше всего учащиеся и только затем родители, а в последнюю очередь – педагоги (расхождение в ответах в 2-3 раза!); традиционными формами занятий по обучению основным стратегиям поведения в условиях чрезвычайных ситуаций учащиеся назвали уроки, тогда как их же педагоги – практические занятия по эвакуации и классные часы; расхождение мнений родителей и учителей о регулярности проведения профилактических бесед педагогов с родителями по вопросам поведения детей в условиях чрезвычайной ситуации). Эти конкретные противоречия указывают на системные проблемы в коммуникации между субъектами образовательного процесса и определяют зоны, требующие первоочередной коррекции. Кроме того, многие из школьников считают, что учителя предоставляют им информацию об основных стратегиях в чрезвычайных ситуациях лишь формально, а некоторые педагоги и учащиеся сообщили, что могут при опасности впадать в состояние растерянности и паники.

Поэтому разработке системы безопасности школы должен предшествовать серьезный анализ ситуации в данной педагогической системе, проведенный хотя бы с помощью анкетного опроса. Ведь именно анализ ситуации предоставляет возможность получить необходимые сведения. В систему подготовки по безопасности жизнедеятельности должна входить: теоретическая подготовка (основные понятия безопасности) и практическая подготовка (использование специального оборудования, специализированных аудиторий, классных кабинетов). Администрация общеобразовательного учреждения должна учитывать имеющиеся учебно-методические пособия, макеты, учебно-технические средства, наглядность, а также творческий потенциал своих педагогических кадров и техническое состояние зданий, прилегающей к школе территории.

Нельзя забывать, что существует и такое понятие, как внутренняя безопасность, которая зависит от условий школьной действительности, психологического

микроклимата в классе, здоровьесберегающих образовательных технологий, используемых общеобразовательными учреждениями в процессе обучения и воспитания учащихся. Чем больше развит адаптационный потенциал ребенка, тем больше он приспособлен к жизни в быстроменяющихся или стабильных условиях. Оказание адекватной помощи детям с ослабленным адаптационным потенциалом и сопровождение их на всех этапах обучения является важной задачей в работе администрации общеобразовательного учреждения.

Заключительная часть

Рассматривая систему обеспечения безопасности общеобразовательного учреждения, необходимо отметить, что решать поставленные задачи возможно только при условии консолидации сил и средств всех заинтересованных ведомств, организаций и структур, способных оказывать реальную помощь любому общеобразовательному учреждению.

Материалы данного исследования могут быть использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией общеобразовательных учебных заведений, специалистами по обеспечению безопасности, социологами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алиева Л. В. *Детское движение – субъект воспитания: теория, история, практика*. М.: МАКС Пресс, 2002. 221 с.
2. Бодрийяр Ж. *Дух терроризма. Войны в заливе не было: пер. с фр.* М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
3. Гольцова Н. В. *Педагогическая социология*. М.: Академический проект, 2020. 224 с.
4. Камю А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: пер. с фр.* М.: Политиздат, 1990. 415 с.
5. Касицина Н. М., Михайлова Н. Н., Юсфин С. М., Миркес С. С. *Педагогика поддержки*. СПб: Агентство образовательного сотрудничества, 2005. 160 с.
6. Кафтан В. В. *Противодействие терроризму: учебник для вузов*. М.: Юрайт, 2025. 261 с.
7. Корнетов Г. Б. *Педагогическая среда: современные подходы и интерпретации* // Завуч. 2005. № 2. С. 45-68.
8. Куликова А. Ю. *Социальная направленность в новом школьном курсе ОБЗР* // От идеи к воплощению – создание будущего через науку и практику: сборник материалов Международного конкурса научно-исследовательских работ. Уфа: Аэтерна, 2025. С. 17-23.
9. Лапин Н. И. *Общая социология*. М.: Юрайт, 2025. 367 с.
10. Мануйлов Ю. С. *Средовый подход в воспитании* // Педагогика. 2000. № 7. С. 36-41.
11. Мудрик А. В. *Социальная педагогика*. М.: Академия, 2013. 239 с.
12. Овчинников Д. А. *Современные проблемы социализации подростков в школе* // Социодинамика. 2023. № 10. С. 1-8.
13. Парсонс Т. *Общетеоретические проблемы социологии* // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965. С. 25-67.
14. *Социология образования* / Под ред. А. М. Осипова. М.: Юрайт, 2025. 393 с.
15. *Управление воспитательной системой школы: проблемы и решения* / Под ред. В. А. Караковского, Л. И. Новиковой, Н. Л. Селивановой, Е. И. Соколовой. М.: Педагогическое общество России, 1999. 264 с.
16. *Федеральная рабочая программа среднего общего образования «Основы безопасности и защиты Родины»*. М.: Институт содержания и методов обучения им. В. С. Леднева, 2025 // Единое содержание общего образования. Рабочие программы [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://edsoo.ru/rabochieprogrammy/> (дата обращения: 05.11.2025 г.).
17. Фурсова В. В., Ишкеева Ф. Ф., Фахретдинова Л. М. *Социология образования*. Казань: Издательство КФУ, 2024. 60 с.

18. Хоффман Б. *Терроризм – взгляд изнутри: пер. с англ. М.: Ультра. Культура, 2003. 252 с.*
19. Ярочкин В. И. *Секьюритология: наука о безопасности жизнедеятельности. М.: Ось-89, 2000. 399 с.*

ОБ АВТОРЕ:

Чанкова Елена Вадимовна,

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры рекламы, связей с
общественностью и дизайна
Российский экономический университет им.
Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Chankova Elena V.,

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor in the Department of Advertising,
Public Relations, and Design
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

УДК 316

Чанкова Е.В.

Коммуникативная компетентность личности во взаимодействии с искусственным интеллектом как форма культурного капитала

Статья посвящена анализу коммуникативной компетентности личности во взаимодействии с искусственным интеллектом. Фактор искусственного интеллекта существенно повышает уровень неопределенности и сложности общества, снижает уровень социальности, солидарности, вызывает соответствующие риски. В статье раскрывается потенциал коммуникативной компетентности личности

саморегуляционного типа во взаимодействии с искусственным интеллектом с позиции хабитуализации как механизма формирования культурного капитала, как фактора стабилизации современной российской действительности. В качестве методологической основы использованы концепция изменяющейся социальной реальности (А. Шюц, Ю.А. Зубок, В. И. Чупров), концепция коммуникативной компетентности в изменяющейся социальной реальности (Зубок Ю.А., Чанкова Е. В.).

Ключевые слова: коммуникативная компетентности личности, саморегуляционный тип коммуникативной компетентности, культурный капитал, хабитуализация социальных практик с искусственным интеллектом.

Для цитирования: Чанкова Е.В. Коммуникативная компетентность личности во взаимодействии с искусственным интеллектом как форма культурного капитала // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 53-61.

COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE PERSONALITY IN INTERACTION WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FORM OF CULTURAL CAPITAL

Chankova E.V.

Since artificial intelligence significantly increases the level of uncertainty and complexity in society, reduces sociality and solidarity, and creates corresponding risks, this article explores the potential of self-regulatory individuals' communicative competence in interaction with artificial intelligence, using the perspective of habitualization as a mechanism for the formation of cultural capital and as a factor in stabilizing contemporary Russian reality. The concept of changing social reality (A. Shchyuts, Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov) and the concept of communicative competence in a changing social reality (Yu. A. Zubok, E. V. Chankova) serve as the methodological basis.

Keywords: communicative competence of the personality, self-regulatory type of communicative competence, cultural capital, habitualization of social practices with AI.

For citation: Chankova E.V. Communicative competence of the personality in interaction with artificial intelligence as a form of cultural capital. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 53-61. (In Russ.)

Введение. Усиление нелинейных процессов в современном как мировом, так и российском сообществе обусловлено сложной совокупностью факторов, среди

которых отчетливо проявлено влияние искусственного интеллекта. Если появление цифровых технологий разделило социальную среду на реальную и виртуальную, то искусственный интеллект создал отдельную дифференциацию – по признаку параметров акторов. И, несмотря на неравномерность доступа к Интернет в планетарном масштабе, безусловно, мир уверенно вступил в иную эпоху в связи с развитием искусственного интеллекта.

Так, в Российской Федерации, по данным Mediascope¹, в 2024 году в возрастной группе от 12 до 17 лет ежемесячно ИИ-сервисами пользуются 52% населения, ежедневно – 16%. В группе от 18 до 24 лет – оба показателя ниже на один процент. Среди населения от 25 до 34 лет месячный охват составляет 33%, ежедневный – только 6%. Среди населения от 35 до 44 лет – 23% и 3% соответственно. Самый низкий охват – у россиян старше 65 лет: 9% и 1% соответственно.

В экономической сфере ИИ используется более интенсивно, нежели в организации повседневной жизни россиян. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ за 2024 г.,² интенсивность применения различных видов ИИ-решений варьирует в зависимости от размера организации и решаемой задачи: технологии обработки визуальных данных в России задействуют 66,3% крупных и средних организаций, интеллектуальной поддержки принятия решений и управления – 50,2%, обработка звука – 35,7%, текста – 35,6%.

Приведенные статистические данные указывают на уверенное инкорпорирование ИИ как в разные сферы деятельности в РФ, так и в возрастные группы россиян по состоянию на 2024 год. То есть, в жизнь россиян уже вошла новая реальность в виде ИИ и интенсивно формируются новые социальные практики. Чтобы понять социальную ресурсность данных практик, представляется актуальным проанализировать процессы внедрения ИИ в российскую социальную действительность с позиции формирования культурного капитала, хабиутализации новых социальных практик, способствующих созданию культурного капитала как индивида, так и общества. Основываясь на определении культурного капитала П. Бурдьё: «духовное богатство агента в форме его культурного развития как совокупности устойчивых форм социального взаимодействия, трансформирующихся в диспозициях габитуса в определенную классификацию практики социального действия» [2, с. 125], можно предположить, что новые социальные практики с ИИ являются результатом взаимодействия с ним. Рассмотрение данного аспекта с позиции эффективной коммуникации, проявляющейся в коммуникативной компетентности личности, несет в себе социальный и культурный потенциал, который посредством хабиутализации может приводить к новым социальным практикам.

Риски распространения ИИ описаны достаточно детально и подробно: потеря контроля над ИИ, ИИ как инструмент манипуляции, зависимость от ИИ и деградация человеческого интеллекта, потеря безопасности и приватности данных, отсутствие ответственности и т.д. [15] Если проанализировать суть рисков, становится очевидным, что за этим набором стоит человек и его умение/неумение сформулировать задачу для ИИ, то есть новая коммуникативная компетентность, позволяющая конструировать и закреплять новую реальность.

¹Медиаскоп впервые раскрыл аудиторию нейросетей в России [Электронный ресурс]. - 2024 г.- Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/11/2025/69200cda9a79479ee14684a7 (дата обращения 20.11.2025г.).

² Распространение искусственного интеллекта в регионах [Электронный ресурс]. - 2024г.- Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1094832000.html> (дата обращения 20.11. 2025г.).

Целью данной статьи является раскрытие потенциала коммуникативной компетентности личности во взаимодействии с искусственным интеллектом с позиции хабиитуализации как механизма формирования культурного капитала, фактора стабилизации современной российской действительности.

Методы. Коммуникативная компетентность рассмотрена в феноменологической традиции изменяющейся социальной реальности. Вслед за рассуждениями А.Щюца об отражении в сознании не объективно существующей действительности, а социальной реальности, Зубок Ю.А. и Чупров В. И. утверждают, что изменения – есть способ существования социальной реальности индивида [7]. В контексте изменяющейся социальной реальности коммуникативная компетентность способствует формированию, становлению социальной реальности в ходе взаимодействия с другими, с одной стороны, она сама имеет способность переконструироваться под влиянием социальных смыслов, вновь формирующихся и перестраивающих мир "под себя», и составляющие ее элементы при этом носят подвижный, пластичный характер.

В статье методом теоретического анализа выявлена ресурсность коммуникативной компетентности саморегуляционного типа как фактора развития культурного капитала личности.

Результаты. Рассмотрим более подробно теорию культурного капитала с точки зрения применения коммуникативной компетентности его формирования. По утверждению П. Бурдьё, «...культурный капитал – это накопление знаний, поведения и навыков, которые человек может использовать, чтобы продемонстрировать свою культурную компетентность и социальный статус» [2, с 124].

Перминова Ю.В., [11] ссылаясь на Л. Харрисона [13], указывает, что теория культурного капитала предполагает возможность преобразования общества в долгосрочной перспективе за счет воздействия различными способами, на определенные факторы культурного капитала. К таким факторам относятся:

- мировоззрение (отношение к судьбе, характер познания и тд)
- ценности, добродетели (этический кодекс, житейские добродетели, образование и отношение к нему)
- экономическое поведение (отношение к труду и достижениям, бережливость, готовность к риску, отношение к инновации)
- социальное поведение (социальные связи, индивидуализм/коллективность, отношения полов и тд).

Культурный капитал становится все сложнее создавать и конвертировать из усложняющихся форм социальной жизни, определяющих устойчивость социальной позиции, социальных связей индивида и, в итоге, сохранение устойчивости социума.

Перефразируя П. Бурдьё, следует указать, что «...в контексте социологии культурный капитал включает в себя социальные активы человека (образование интеллект, стиль речи, стиль одежды и т.д.), способствующие социальной мобильности в стратифицированном обществе. Культурный капитал функционирует как социальное отношение в рамках экономики практик (то есть системы обмена) и включает в себя накопленные культурные знания, которые обеспечивают социальный статус и власть. Культурный капитал включает материальные и символические блага разного типа, которые общество считает редкими и заслуживающими внимания» [11, с. 29].

Перминова выделяет значимость юридических, экономических и социальных оснований для успешного формирования культурного капитала: «Высокий уровень

культурного капитала обеспечивает само соблюдение прав и законов. И экономисты, и социологи подчеркивают значимость тех факторов культурного капитала, которые напрямую связаны с развитием общества и его благополучия. Эти факторы складываются из норм, установившиеся в обществе за определенное количество времени» [11, с.7]

В современном обществе основным фактором формирования культурного капитала становится использование и развитие искусственного интеллекта, представляющего собой «...ансамбль разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, производить и воспроизводить целерациональные действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека» [13, с. 282]. В работах Глухи В. А., Елисеева С.М., Кирсановой Н.П. отмечается, что искусственный интеллект представляет собой «... алгоритмы или модели, созданные человеком, которые выполняют определенные задачи и помогают ему управлять конкретными процессами в различных сферах общества» [4, с. 85].

По мнению Малыш Т., Резаева А. В., Глухих В. А., Елисеева С. М., Кирсановой Н. П. ИИ представляет собой искусственную социальность и имеет характеристики объектности. Есть прямо противоположный взгляд на существо ИИ: в первую очередь, Б.Латур статус ИИ определяет его активной ролью в формировании и изменении социальных процессов, поскольку его алгоритмы не только реагируют на внешние стимулы, но и иницируют действия с последствиями, выходящими за рамки предварительно заданных сценариев [9]. Василенко Л.А. [3] Игнатъев В.И. [8], Петрунин Ю.Ю. [12], Смирнова Е.А. [15] также допускают субъектный характер ИИ.

Средой существования искусственного интеллекта, является виртуальная реальность с присущей ей «онлайн-культурой». Резаевым А. В. и Трегубовой Н.Д. перечислены технологические форматы функционирования искусственного интеллекта в пределах «онлайн-культуры»: «Значительная и все возрастающая часть алгоритмов ИИ действует он-лайн: как в виде ботов, взаимодействующих с пользователем, так и в виде сортирующих и направляющих активность алгоритмов, опосредующие сетевые взаимодействия. Многие технологии ИИ, предполагающие материальное воплощение, при их разработке моделируются и тестируются онлайн. Все большая доля агентов ИИ для эффективной работы требует доступа к большим объёмам данных, доступных в онлайн-среде» [13, с. 290]. Ими же сформулированы причины стремительного распространения онлайн-культуры: «Во-первых, создание агентов ИИ в виде онлайн-алгоритмов – более удобный и экономичный способ по сравнению с их материальным воплощением. Во-вторых- колоссальное количество данных создается и аккумулируется онлайн, а эти данные, в свою очередь, используются в работе многих разновидностей ИИ. В-третьих, развитие онлайн-культуры, переплетаясь с развитием капиталистических экономик, делает выгодным разработку и выход на рынок технологий ИИ. В свою очередь, агенты искусственного интеллекта поддерживают развитие онлайн-культуры, позволяя извлекать прибыль из сетевой активности пользователей» [13, с. 291.].

Несмотря на полемический характер утверждений о свойствах ИИ, применение искусственного интеллекта создает вызов таким формам взаимодействия, как статусно-ролевые, нормированные, определяемые готовыми социокультурными формами и определяет их как неактуальные. Тем самым опровергается тезис о значимости институциональной идеи норм и правил как основы развития и

благополучия общества, на которую опирается культурный капитал. В предлагаемых обстоятельствах редукции регулятивной силы социальных институтов строительство культурного капитала может быть обеспечено альтернативной силой коммуникативной компетентности, регулирующей активность отдельно взятой личности через самонастройку и саморегуляцию. Данные изменения самым непосредственным образом влияют на указанные выше факторы культурного капитала (мировоззренческие, ценностные, социальные, экономические) и проявляются как на индивидуальном уровне, так и на общественном.

Коммуникативная компетентность личности может способствовать, перефразируя П. Бурдье, развитию вариативных форм социального взаимодействия, трансформирующихся в диспозициях габитуса в определенную классификацию практики социального действия.

Коммуникативная компетентность личности представляет собой качество, направленное на сохранение социальности и социальных связей, при этом индивидом используются знания, ценности, нормы, умения коммуникации, способы поведения. В условиях усложнения общества, нарастания новых форм и вариативности коммуникации, наиболее ресурсной для выявления сущности коммуникативной компетентности личности является феноменологическая концепция изменяющейся социальной реальности. Автор концепции социальной реальности А. Шюц указывает на построение индивидом собственного мира в ходе повседневной жизни как результата отражения в его сознании объективной действительности [19]. Поскольку в ходе жизни индивид склонен к переосмыслению своего жизненного опыта –Зубок Ю.А. и Чупровым В. И. вводится в научный аппарат понятие изменяющейся социальной реальности [6] и делается важный методологический вывод о том, что индивид действует, исходя не из объективной действительности, а из изменяющейся социальной реальности. По мнению Зубок Ю.А. и Чупрова В. И., «человек осознает себя в качестве члена определенной социальной группы, обладателя определенного социального статуса и конкретной социальной роли. Возникновение все новых статусных и ролевых структур, в свою очередь, способствуют расширению пространства социальной действительности и конкретизации отношения ее к объектам.» [7с. 18]. «Результатом осознания им своего социального положения становятся, с одной стороны, сформированные ожидания от реальности, а, с другой, социальные смыслы, которыми наполняется данная в ощущениях или конструируемая им новая реальность» [5,с.11], По мнению Резника Ю.М., «Точка сборки социальной реальности образуется на пересечении двух встречных векторов – ее изменчивости и пластичности, способности к изменению (или самоизменению), с одной стороны, и конструктивного потенциала субъекта как интегративного качества и способности перестраивать этот мир «под себя», изменяя в то же время свой внутренний мир» [14, с. 98] Коммуникативная компетентность личности как способность сохранять социальность является феноменом и понятием, когда все составляющие компетентность элементы (ценности, нормы, умения коммуникации, способы поведения) участвуют в создании социальной реальности. [17]. Соответственно, коммуникативная компетентность – изменяющееся в зависимости от параметров социальной реальности явление. Раскроем параметры социальной реальности, определяющие типологию коммуникативной компетентности в ней.

В современной объективной действительности можно выделить два типа социокультурных сред: среда реальных межличностных взаимодействий индивидов в ходе их повседневной жизни; среда виртуальных взаимодействий, обусловленных

интернет-технологиями. В этих разных по характеристикам средах востребованы разные типы коммуникативной компетентности личности. Разные типы коммуникативной компетентности востребованы благодаря особенностям, различающим параметры пространств. Соответственно, социальная реальность индивида создается вследствие его взаимодействия с другими в объективной действительности под влиянием двух типов коммуникативной компетентности.

Реальные интеракции обслуживаются институционально: статусно-ролевые распределения, однозначные нормы коммуникации, устойчивые ценности солидарности и обеспечены институциональным типом коммуникативной компетентности личности. Социальная реальность в ходе реального межличностного взаимодействия создается через институциональный механизм коммуникативной компетентности с присущим ему комплексом институциональных средств традиционным образом.

В виртуальном пространстве интеракций основным параметром изменения является отсутствие реальных участников, они замещены электронными представителями, зачастую анонимными. Анонимность порождает невозможность статусно-ролевого распределения, идентификации участников, что, в свою очередь, ведет к ситуативному характеру нормирования коммуникации, часто необходимости их конструировать для конкретной ситуации. Ценности коммуникации приобретают пластичный, подвижный характер. В итоге сложившейся конфигурации параметров участникам коммуникации не представляется возможным применять в интеракции те формы поведения, которые институционально сложились как готовые.

В качестве альтернативы – у участника коммуникации есть глубинные социокультурные глубинные слои сознания: менталитет, стереотипы, архетипы, габитус, обеспечивающие как неосознанный, исторически сложившийся способ отражения действительности, так и осознанный. [7, с. 200]. Обращение к этим структурам сознания позволяет трактовать тип коммуникативной компетентности как саморегуляционный, поскольку компетентность будет выражаться в самостоятельном гибком конструировании нормы коммуникации в зависимости от характера ценностной сферы, выборе способа поведения.

В виртуальном пространстве социальная реальность создается через социокультурный механизм саморегуляции коммуникативной компетентности с присущим ему набором средств, функционирующих принципиально иначе. Параметры неопределенности, текучести, рефлексивности во взаимодействии акторов создают свою социальную реальность – необходимым условием для воссоздания является коммуникативная компетентность саморегуляционного типа.

Габитус в понимании П. Бурдьё, работает на бессознательном уровне, направляя действия человека в соответствии с усвоенными нормами. Определяет восприятие и поведение человека даже тогда, когда условия социума существенно изменились.

Обсуждение. Коммуникативная компетентность личности является основным фактором габитуальных процессов, закрепляющих новые практики. По определению П. Бурдьё, «габитус – это система прочных приобретенных предрасположенностей (диспозиций), предназначенных для функционирования в качестве структурирующих оснований, принципов, которые порождают и организуют практики и представления, объективно приспособленные для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют целенаправленного усилия» [2, с. 121].

Коммуникативная компетентность саморегуляционного типа является структурирующим основанием, порождающим и организующим практики взаимодействия с искусственным интеллектом.

По мнению Зубок Ю.А., Чупрова В. И., Романовской Н.А., «... поскольку воспроизводство социальных практик посредством габитуса происходит на неосознанном уровне, диспозиционные структуры можно обнаружить не в сознании индивида, а в продуктах, создаваемых в соответствии с этими предрасположенностями. В качестве таких продуктов выступают солидарность, активная жизненная позиция, свобода, равенство» [7, с.202] - все те объекты социальной реальности, предполагающие возможность преобразования общества в долгосрочной перспективе за счет воздействия различными способами, на определенные факторы культурного капитала. Повсеместный характер применения искусственного интеллекта определяет повсеместность процесса создания новых практик и тем самым востребованность нового культурного капитала в пространстве взаимодействия человека и искусственного интеллекта, обеспеченного коммуникативной компетентностью для виртуальной социальной среды.

Зубок Ю.А. подчеркивает, что в процессе хабитуализации «происходит отход от традиционных практик, моделирующих повторение старых образцов, смещение габитуальных установок в ответ на более глубокие сдвиги в образе жизни и способах ее организации (изменения соотношения габитусов активности и пассивности, индивидуализма и коллективизма, чувственности расчетливости, постоянства и изменения, предсказуемости и риска) [5, с. 13]

Когда индивид применяет саморегуляционный тип коммуникативной компетентности во взаимодействии с искусственным интеллектом, это становится пусковым механизмом хабитуализации новых социальных практик, способствующих созданию культурного капитала как индивида, так и общества. Это социокультурный механизм таков, что «...габитуальные установки довольно устойчивы, чтобы воспроизводиться при удобном случае, но достаточно подвижны, чтобы сохранять свою чувствительность к изменениям среды» [5, с.9]. Во взаимодействии с искусственным интеллектом это означает, что, независимо от программы и характера нейросетей, обеспечивающих деятельность ИИ, габитуальные установки индивида оказываются довольно устойчивыми, но чувствительными и подвижными в условиях дополненных или изменившихся технологических приемов. То есть, дальнейшее развитие технологических алгоритмов вписывается в природу хабитуализации новых социальных практик, и гибкий подвижный тип саморегулирующейся коммуникативной компетентности является надежным механизмом хабитуализации культурного капитала.

Анализ понятия искусственного интеллекта, «онлайн»-культуры его существования, параметры хабитуализации культурного капитала, а также характеристики саморегуляционного типа коммуникативной компетентности создают жизнеспособный комплекс в виртуальном пространстве. Применение концепции изменяющейся социальной реальности позволяет сделать вывод о морфологической соотносимости анализируемых явлений и перспективности их симбиоза.

Заключение. Несмотря на неосознанный характер процесса хабитуализации, должна быть определенная личностная готовность индивида к использованию саморегуляционного типа коммуникативной компетентности. Так, саморегуляция в коммуникативной компетентности связана со склонностью и умениями

рационализировать процесс коммуникации, рефлексивно относиться к результату коммуникативной деятельности, творчески относиться к процессу построения новой нормы, что условно можно отнести в группе «мягких навыков» в современном мире. Данные параметры коммуникативной компетентности определяются развитием критического мышления индивида, различением главного и второстепенного в обсуждаемых и строящихся контекстах, нестандартно мыслить, гибко реагировать на нестабильность и изменчивость, ориентироваться на концепцию жизненного мира как изменчивого. То есть, продвижение индивида к саморегуляционному типу коммуникативной компетентности определяется мотивами его личностного развития. Это, в свою очередь, предполагает наличие определенного бэкграунда, уровня образования, характеристик ментальности, социокультурного потенциала, смысловых ценностей, наличия мотива к постоянному развитию и самостоятельному наращиванию умений.

Данная совокупность социоментальных характеристик соотносится с уровнем развития коммуникативного навыка, по определению Адамьянц Т.З., «интерпретирующие адекватно» - «характеризуются умением не только постигать, адекватно понимать коммуникативные интенции, но и перцептивной готовностью к общению...» [1, с. 43]. «Представитель этой группы активно пользуется правом иметь свою точку зрения, однако даже в случае несогласия с авторской позицией заявляют об этом в корректной форме» [1, с. 43]

Следует отметить, что в виртуальности пока большее распространение получили формы поведения, являющиеся социальными последствиями отсутствия социального контроля в интернет- взаимодействии: троллинг, буллинг, хайп и др.

Учет фактора коммуникативной компетентности личности, ее саморегуляционного типа, показывает, каким образом новые социальные практики, формирующиеся в ходе взаимодействия «человек- ИИ», могут способствовать стабилизации различных социальных сфер (мировоззренческую, экономическую, этическую, социальную и пр.). По всей вероятности, ИИ может стать фактором, создающим не только новые социальные практики и саморегуляционный тип коммуникативной компетентности, но и инициирующим рост среднего стратификационного слоя по признаку социокультурных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации: учеб. Пособие для вузов/ Т.З. Адамьянц.- М.: Дрофа, 2009. – 203 с.
2. Бурдые П. *Формы капитала* / Бурдые П. Различение: социальная критика суждениям (фрагменты книги)/пер.с фр. О. И. Кирчик// *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*.- М.: РОССПЭН, 2004.- 680 с.
3. Василенко Л. А. *Метаморфозы цифровой многосубъектности: регулятивы мягкого управления VS программированного общества*. // *Наука. Культура. Общество*. 2024. Т.30, № 2. С. 10–24. DOI: 10.19181/nko.2024.30.2.1. EDN PBXVRT
4. Глухих В. А., Елисеев С. Ю., Кирсанова Н.П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии. // *Дискурс*. 2022. Т.8.№ 1. С. 82-93Глухих В.А., Елисеев С.Ю., Кирсанова Н.П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии.//*Дискурс*.-2022.-Т.8.- №1.-С.82-93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93.
5. Зубок Ю.А. *Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи* // *Научный результат. Социология и управление*.Т.8.№ 3.- 2022.- с. 10-30.

6. Зубок Ю.А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография / Ю.А. Зубок, В. И. Чупров. - Москва: Норма, 2020.- 304 с.
7. Зубок Ю.А., Романович Н. А., Чупров В. И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография. / В. И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н. А. Романович. - М.: Норма: ИНФРА -М, 2014.0 352 с.
8. Игнатъев В. И. Цифровая детерминация постсоциальности: нарративы и концепции кризиса социального // Социология науки и технологий. -2025.- Т.16, №1.- С. 227–239.
9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию/ пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. Дом ВШЭ.2014.-384 с.
10. Максимов М. А., Старовойтов Д. М. К вопросу о социальной субъектности искусственного интеллекта: философский аспект. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. -2025.- Т.7, № 1.- С. 31-35.
11. Перминова Ю. В. Теория культурного капитала. // Человек. Культура. Образование. - 2–23.- №4.- С.26-40.
12. Петрунин Ю. Ю. Развитие концепции социального искусственного интеллекта. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). - 2023.- № 1.- С. 93–112. - EDN UYVVCS.
13. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. От социологии к новой социальной аналитике: кризис социологии и проблема искусственного интеллекта. // Социологическое обозрение. - 2021.- Т.20. № 3.- С. 280–301.
14. Резник Ю. М. Понятие «социальное» в современной философии и науке. // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2008. Т.2. Выпуск 1(2). Социальная реальность: концепции и методологии исследований. /Под ред. Ю. М. Резника.М.: Институт философии РАН; междисциплинарное общество социальной теории, 2008, с.88-111.
15. Смирнова Е. А. Цифровая социология: новые подходы к изучению социальных процессов в цифровую эпоху. // Социология власти. - 2021.-Т.33, №2.- С. 112–121.
16. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. /пер. с.англ. Ю.Кузнецова. М.: Мысль,2019.- 286 с.
17. Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. ...д-ра социол.наук: 22.00.06/ Чанкова Елена Вадимовна.- М., 2018.- 376 с.
18. Шмерлина И.А. Искусственная социальность в свете старых и новых теоретико-методологических подходов. // Социологические исследования. -2024.- №1.- С.5-14.
19. Щюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии /Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2023. 336 с.

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316

ОБ АВТОРАХ:

Асташев Роберт Владимирович,
преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин,
ФГБОУВО РФ «Российский университет
правосудия» Ростов-на-Дону, Россия

Швандерова Алла Робертовна,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
ФГБОУВО РФ «Российский университет
правосудия», Ростов-на-Дону, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Astashev Robert V.,
Lecturer, Department of State and Legal
Disciplines,
Federal State Budgetary Institution of Higher
Education of the Russian Federation "Russian
University of Justice", Rostov-on-Don, Russia

Shvanderova Alla R.,
Candidate of Sociological Sciences. Associate
Professor, Associate Professor, Department of
Theory and History of State and Law,
Federal State Budgetary Institution of Higher
Education of the Russian Federation "Russian
University of Justice", Rostov-on-Don, Russia

Асташев Р.В., Швандерова А.Р.

Управленческая деятельность в контексте социальной архитектуры

Социальная архитектура предполагает анализ управленческой деятельности через средовое проектирование, создание институциональных ловушек и стимулов, каналов коммуникации и моделей взаимодействия, которые опосредованно, но в то же время детерминирующе направляют социальное поведение в желаемое русло. Иными словами, управленческая деятельность в данном ракурсе предстает не как прямое администрирование, а как тонкая настройка социального ландшафта, требующая глубокого понимания социологических закономерностей.

Ключевые слова: управленческая деятельность. социальная архитектура, подходы к определению социальной архитектуры, организационно-правовой механизм, уровни социальной архитектуры.

Для цитирования: Асташев Р.В., Швандерова А.Р. Управленческая деятельность в контексте социальной архитектуры // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 62-72.

MANAGEMENT ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL ARCHITECTURE

Astashev R.V., Shvanderova A.R.

Social architecture involves the analysis of managerial activities through environmental design, the creation of institutional traps and incentives, communication channels, and interaction models that indirectly but determinately guide social behavior in the desired direction. In other words, managerial activities in this context are not seen as direct administration, but rather as the fine-tuning of the social landscape, which requires a deep understanding of sociological patterns.

Keywords: management activities. social architecture, approaches to defining social architecture, organizational and legal mechanism, levels of social architecture.

For citation: Astashev R.V., Shvanderova A.R. Management activities in the context of social architecture. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 62-72. (In Russ.)

Актуальность исследования управленческой деятельности в контексте социальной архитектуры обусловлена комплексом фундаментальных трансформаций, переживаемых современным обществом. Урбанизация, цифровизация, усложнение социальной структуры и рост значения нематериальных

активов, таких как человеческий капитал и социальное доверие, выводят на первый план проблему целенаправленного проектирования социальной среды. В этих условиях социальная архитектура перестает быть метафорой или узкопрофессиональной деятельностью, а становится ключевым инструментом стратегического управления, обеспечивающим устойчивое развитие, социальную сплоченность и легитимность политических институтов.

Социальная архитектура предполагает анализ управленческой деятельности через средовое проектирование, создание институциональных ловушек и стимулов, каналов коммуникации и моделей взаимодействия, которые опосредованно, но в то же время детерминирующе направляют социальное поведение в желаемое русло. Иными словами, управленческая деятельность в данном ракурсе предстает не как прямое администрирование, а как тонкая настройка социального ландшафта, требующая глубокого понимания социологических закономерностей.

Целью такого анализа управленческой деятельности, на наш взгляд, должна стать разработка теоретико-методологической модели управления социальной архитектурой. Предполагаем, что теоретико-методологической базой здесь может служить системный подход, позволяющий рассматривать социальную архитектуру как сложную, многоуровневую систему; институциональный анализ, фокусирующийся на роли формальных и неформальных правил в организации социального пространства; и сравнительно-правовой метод, применяемый для выявления лучших практик правового регулирования.

Термин «социальная архитектура» претерпел значительную эволюцию, расширившись от метафорического обозначения структуры общества до понимания социальной архитектуры как целенаправленной деятельности по проектированию, конструированию и трансформации социальной среды — системы устойчивых связей, институтов, норм и пространств, которые детерминируют поведение индивидов и групп.

В научной литературе можно выделить несколько ключевых подходов к ее определению (таблица 1):

Таблица 1. Подходы к ее определению социальной архитектуры

Структурно-функциональный подход (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон) [3; 9; 5]	Конструктивистский подход (П. Бергер, Т. Лукман) [2]	Средовой подход (Дж. Джейкобс) [4]	Управленческо - кибернетический подход (Стаффорд Бир, Ричард Ф. Эрикссон) [10]
социальная архитектура - создание и поддержание социального порядка через проектирование институтов, выполняющих специфические функции в системе;	социальная архитектура - это процесс непрерывного социального конструирования реальности. Не только среда влияет на людей, но и активные агенты через свои практики и интерпретации воспроизводят и изменяют эту среду.	социальная архитектура сближается с урбанистикой и теорией архитектуры, фокусируясь на том, как физическое окружение (здания, планировка	социальная архитектура - форму социального инжиниринга или «мягкого» управления. Это проектирование правил, процедур, коммуникационных каналов и стимулов, которые, подобно программному коду, направляют

управление в данном контексте - обеспечение функциональности и сбалансированности этой системы	Задача управления - направлять эти процессы конструирования, задавая рамки и смыслы.	кварталов, общественные пространства) формирует социальные взаимодействия, чувство общности или, напротив, отчуждения.	социальные процессы к достижению заданных целей с минимальным использованием прямого принуждения.
--	--	--	---

Для системного анализа целесообразно также выделить три взаимосвязанных уровня ее проявления:

1. Макроуровень: архитектура социальных институтов и правовой системы государства. Это конституционные принципы, базовые модели социального обеспечения, образования, здравоохранения, которые формируют каркас общества.

2. Мезоуровень: архитектура организаций, локальных сообществ и городской среды. Сюда относятся корпоративная культура, модели местного самоуправления, планировка и благоустройство публичных пространств.

3. Микроуровень: архитектура межличностных взаимодействий и цифровых интерфейсов. Это дизайн социальных сетей, платформ государственных услуг, рабочих мест, напрямую влияющий на повседневные практики и коммуникации.

Таким образом, управленческое измерение социальной архитектуры заключается в осознанном и научно-обоснованном воздействии на эти уровни с целью оптимизации социальных процессов, профилактики конфликтов, усиления интеграции и реализации общественно значимых целей. Поскольку, управленческая деятельность - это комплексный социальный феномен, включающий ценности, интересы, властные отношения и коммуникации, лежащие в его основе.

С этой точки зрения, социальная архитектура становится ключевым объектом и инструментом современного управления. Однако в отличие от традиционных моделей, где объектом управления выступают конкретные люди или коллективы, в контексте социальной архитектуры объектом становится *сама среда* их жизнедеятельности.

Субъектами управления, в свою очередь, выступают не только государственные органы, но и публичные администрации (разрабатывающие нормы и стратегии), профессиональные сообщества (архитекторы, урбанисты, социологи). институты гражданского общества, инициирующие общественный контроль и партиципаторные проекты, бизнес-структуры, реализующие различные бизнес-проекты.

Все эти составляющие и образуют некую сетевую модель управления устойчивым развитием, представляющую собой переход от управления изменениями к проектированию устойчивых социальных систем, способных к долгосрочной эволюции. Эта модель интегрирует экономические, социальные и экологические цели в единую управленческую парадигму, поэтому координация усилий множества независимых акторов становится критически важной. В социальной архитектуре эта модель меняет принципы управления средой. Принципы управления в классических моделях и принципы управления в модели устойчивого развития можно сравнить в таблице 2.

Таблица 2. Принципы классических моделей управления и модели управления устойчивым развитием

Критерии	Классические моделях управления	Модель управления устойчивым развитием
Цель	Достижение конкретных, часто краткосрочных социальных или экономических результатов либо через жесткое иерархическое подчинение «сверху вниз». Решения архитектора обязательны для резидентов; либо через горизонтальное согласование действий равноправных участников для общей цели. либо через влияние «снизу вверх», когда резиденты воздействуют на архитектора и меняют среду.	Проектирование эволюционного развития системы в новое качество, не нарушая законов природы и общества, переход от управления изменениями к проектированию устойчивых социальных систем, способных к долгосрочной эволюции. Эта модель интегрирует экономические, социальные и экологические цели в единую управленческую парадигму.
Роль архитектора	Создатель и единоличный контролер правил Среды.	Координатор и фасилитатор, организующий совместную работу акторов (государства, бизнеса, общества) как соавторов.
Взаимодействие с резидентами	Резиденты - пользователи среды, следующие установленным правилам	Резиденты - соучастники и соавторы изменений, их запросы и активность - источник развития системы.
Критерий успеха	Функциональность и стабильность среды.	Способность системы к здоровому развитию (здоровьеразвитию), самоорганизации и адаптации в долгосрочной перспективе.
Управленческая логика	Часто линейная, с четкой иерархией.	Сетевая кооперация и партнерство между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Необходимо выявить организационные механизмы модели устойчивого развития, интегрирующие ее принципы в реальные процессы. Для этого, на наш взгляд, необходимо проанализировать, какие формальные и неформальные институты делают управление социальной архитектурой возможным. К ним необходимо отнести такие формальные институты как: законодательные рамки, государственные и муниципальные программы, стандарты градостроительства, административные регламенты, а в качестве неформальных можно назвать: сложившиеся традиции взаимодействия, профессиональная этика, общественные ценности, уровень социального капитала (доверия) в обществе.

Очевидно, что согласованность формальных и неформальных институтов и определяет эффективность управления социальной архитектурой, поскольку в современных условиях прямое административное принуждение все чаще дополняется или заменяется технологиями косвенного влияния. Социальная архитектура как раз является одной из таких высокоэффективных технологий. Создавая определенную «конфигурацию возможностей» — удобную, инклюзивную, безопасную среду, —

управляющая система побуждает граждан к «добровольному» следованию желаемым моделям поведения (например, к здоровому образу жизни, общественной активности, соблюдению правовых норм).

Таким образом, модель управления устойчивым развитием трансформирует социальную архитектуру через:

- моделирование социальных систем, при котором система рассматривается через обязательные элементы: составные части, связи, энергоинформационный обмен, самоорганизацию и иерархию. При этом моделирование проходит строгие этапы — от предпосылок до иерархической системности (пропуск любого этапа ослабляет систему).

- создание партнерских экосистем, устойчивость которых обеспечивается через кооперацию: государство (создает правила/рамки и инфраструктуру), бизнес (выступает инвестором и источником инноваций, заинтересованным в стабильности среды), локальные сообщества (являются соавторами и главными инициаторами изменений).

- качественное изменение среды: ключевым становится не политическая повестка, а повседневный опыт граждан. их социальное самочувствие. Вместо проектирования статичной среды она предлагает создавать живые, обучающиеся системы, способные к эволюции. Архитектор становится модератором процессов, а устойчивость обеспечивается не жесткостью правил, а прочностью связей между всеми участниками системы и их согласием с глубинными законами развития. Это одновременно повышает легитимность власти и снижает социальные издержки управления.

Теоретический анализ позволяет определить управленческую деятельность в социальной архитектуре как комплексный, многоуровневый процесс целенаправленного проектирования и трансформации социальной среды, осуществляемый сетью субъектов публичной власти и гражданского общества, опирающийся на системное взаимодействие социологических закономерностей и правовых механизмов, и нацеленный на достижение устойчивого социального развития и повышение качества жизни. Ключевым направлением совершенствования управления в России видится гибкое сочетание сильного государственного стратегического видения (задающего ценностные и нормативные рамки) с делегированием полномочий и ресурсов на местный уровень и активным вовлечением профессиональных и гражданских сообществ в процессы принятия решений.

Международная практика демонстрирует достаточно широкий спектр подходов к управлению социальной архитектурой, где ключевая роль отводится созданию инклюзивных, устойчивых и психологически комфортных сред. Например:

Партиципаторное управление и реновация городских пространств (Парк «Хай-Лайн», Нью-Йорк) Хай-Лайн — уникальный городской парк в Нью-Йорке, расположенный на высоте около 10 метров над землёй.

Проект создан на эстакаде бывшей надземной железной дороги и является примером успешной трансформации индустриального объекта в оживлённое общественное пространство.

Управленческой особенностью проекта «Хай-Лайн» является модель «бизнес-округ» и активное вовлечение сообщества. Изначально инициатива исходила от группы местных активистов, объединившихся в некоммерческую организацию «Друзья Хай-Лайн». Управление проектом сочеталось с мощным краудфандингом и партнерством с муниципалитетом. Этот опыт показывает эффективность модели

государственно-частного партнерства, где городская администрация отвечает за инфраструктуру и безопасность, а общественная организация — за программирование, содержание и привлечение средств через доноров и спонсоров. Такой подход трансформирует не только физическое пространство, но и социальные практики, оживляя район и стимулируя культурное развитие [10].

Интегрированное планирование и экологическая устойчивость (Жилой комплекс «Vauban», Фрайбург, Германия)

Управленческая практика в «Vauban» — это пример жесткого экологического и социального регулирования со стороны муниципалитета. Проект реализован через кооперативную модель, где будущие жители активно участвовали в планировании. Управление основывалось на четких правовых нормах: обязательные стандарты энергоэффективности (здания «пассивного дома»), ограничение на использование личного автомобиля (парковки вынесены на окраину квартала), приоритет вело- и пешеходного транспорта и т.п. Муниципалитет выступил не только регулятором, но и куратором, обеспечившим соблюдение единого архитектурного и экологического кодекса. Это пример того, как право становится инструментом формирования не просто зданий, а целого устойчивого образа жизни, способствующего социальной интеграции [6].

Архитектура как инструмент поддержки здоровья (Центры «Maggie's», Великобритания)

Управленческая модель центров «Maggie's» уникальна. Это проекты, реализуемые благотворительным фондом, что позволяет гибко привлекать средства и знаменитых архитекторов для создания нетипичных медицинских пространств. Ключевой управленческий принцип — создание поддерживающей, немедицинской атмосферы, что закрепляется в брифах для архитекторов: использование природных материалов, обилие света, открытые пространства, уютные кухни, где пациенты могут общаться. Управление здесь нацелено на преодоление институционального характера больниц и воздействие на психическое состояние человека через средовое проектирование, что демонстрирует роль архитектуры как части терапевтического процесса [9].

Технологическое измерение: управление цифровыми сообществами

Концепция «Социальной архитектуры» Питера Хинченса - бельгийского разработчика информационных проектов применяется к построению онлайн-сообществ (например, вокруг open-source проекта ZeroMQ) . Управленческие практики здесь включают создание четких правил и протоколов взаимодействия процесс, которые функционируют как аналог правовых норм в цифровой среде. Эти правила регулируют внесение вклада, разрешение споров и ролевую структуру, что позволяет эффективно масштабировать сообщество и поддерживать его жизнеспособность без централизованного авторитарного контроля [9].

В заключение отметим, что в современной России управленческие практики в социальной архитектуре находятся в стадии активного формирования, анализа в том числе теоретического наследия советского периода.

В этом смысле интерес представляет теория пассионарности Льва Гумилева [3]. Разработанная в советское время, эта концепция предлагает уникальный взгляд на то, что движет людей к великим свершениям и как формируется жизнь этноса. Несмотря на спорность и критику концепции, в ней содержатся несомненно ценные идеи для понимания социальных и культурных явлений.

Например, в социальной архитектуре, как мы отмечали выше, среда и сообщество рассматриваются как живая развивающаяся система, что позволяет применить логику Гумилёва и рассматривать социальную систему как «этнос» в миниатюре - любое устойчивое сообщество (городской квартал, креативный кластер, профессиональное сообщество, корпоративная культура) можно рассматривать как систему, проходящую свои жизненные циклы. Задача архитектора - пассионария (социального инноватора и активиста, генерирующие новые смыслы и практики, предпринимателя, создающего новые точки экономического притяжения, харизматичного лидера локального сообщества, ключевой фигуры в корпоративной культуре) — диагностировать фазу и применять адекватные модели управления.

Так, в фазе подъема появляются яркие лидеры-энтузиасты, рождаются общие идеи/миссии, быстро растет сплочение против внешних угроз. В акматической фазе накапливается максимум внутренней энергии, но растет и количество конфликтов за лидерство, амбиций, больше споров о «путях», чем действий. Здесь необходимо направить энергию | во внешние цели (конкурсы, проекты), внедрять координационные советы, рабочие группы для гармонизации. Далее – фаза надлома - кризис после внутренних конфликтов, падение энергии, расколы, ностальгия по "золотому веку", рост критики, | стабилизация, смещение фокуса с харизмы яркой личности лидера на институты. Формализуются успешные практики, создаются традиции. Надлом сменяется | инерционной фазой - стабильным, часто материально успешным развитием по инерции. здесь преобладают и ценятся «гармоничники» — прагматики, исполнители. Растет численность бюрократии, комфорта. главная задача здесь | - поддержание систем и инфраструктуры, предотвращение застоя через "инъекции" нового, оптимизация процессов. Затем следует фаза обскурации, в которой | доминируют субпассионарии. Их цели сужаются до сиюминутных выгод, распадаются связи, теряются смыслы, "пожирается" наследие прошлого. Здесь | устанавливается жёсткое управление по правилам (субординация) для сохранения базовой функциональности. начинается поиск возможности для "перезапуска" системы или создания новой рядом. В заключительной – мемориальной фазе происходит | сохранение лишь памяти, внешней формы, ритуалов без живой энергии. своего рода консервация и трансляция культурного кода, работа с наследием как с активом для возможного будущего "толчка", под которым понимается либо крупное социальное событие. либо внешний кризис. либо целенаправленная политика «притягивания талантов». например через программы миграции. Архитектор может спроектировать условия для толчка или грамотно использовать наступивший, направив высвобождаемую социальную энергию в нужное русло через создание новых правил взаимодействия.

Безусловно, применение теории пассионарности Льва Гумилёва к социальной архитектуре — это интересная, неоднозначная методологическая метафора, которая позволяет анализировать и проектировать социальную динамику через призму энергии, фаз развития и роли ключевых личностей. Это не прямое заимствование, а творческая адаптация идей этногенеза к управлению сообществами, организациями и городскими средами. Теория Гумилёва даёт социальному архитектору мощный концептуальный язык для понимания циклов жизни сообществ, диагностики кризисов и роли лидеров. Это не рецепт, а линза, которая помогает осознанно выбирать между моделями субординации (в фазе обскурации), координации (в акматической) и реординации (в подъёме), проектируя Среду, которая усиливает конструктивную пассионарность и смягчает разрушительную.

Сегодня управленческие практики в социальной архитектуре основываются на новых государственных инициативах и проектов зарождающихся общественных движений. При этом государство необходимо рассматривать в качестве главного архитектора. Будучи носителем суверенитета и обладателем монополии на легитимное принуждение, государство выступает в роли верховного субъекта социального проектирования. Оно определяет стратегические ориентиры развития общества и обладает ресурсами для реализации масштабных социальных проектов (национальные программы, реформы, градостроительная политика мегаполисов). Принцип социального государства, закрепленный в статье 7 Конституции РФ, является прямым нормативным основанием для такой деятельности, обязывая государство создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека.

Право, опирающееся на принудительную силу государства, является структурообразующим элементом социальной архитектуры. Правовые нормы выполняют в социальной архитектуре несколько ключевых функций:

- учредительную: право не просто регулирует, но и учреждает основные элементы социальной архитектуры. Так, Гражданский кодекс РФ конструирует институт собственности, Семейный кодекс — институт семьи и брака, Градостроительный кодекс - систему территориального планирования. Эти правовые конструкции образуют несущий каркас социального здания.

- легитимирующую: правовые процедуры (публичные слушания, экспертизы, конкурсы) придают проектам социальной архитектуры легитимность, вовлекая в процесс их обсуждения и принятия решений различные заинтересованные группы.

- стабилизирующую и конфликто разрешающую: закрепляя сложившиеся архитектурные решения, право обеспечивает стабильность социальной среды. Одновременно правовые механизмы (суды, административные процедуры) служат для разрешения конфликтов, неизбежно возникающих в процессе ее трансформации (например, споры между застройщиками и жителями).

- распределяющую компетенции: право позволяет проанализировать, как полномочия по управлению социальной архитектурой распределены между различными уровнями публичной власти (федеральным, региональным, местным). Это распределение является отражением более общей архитектуры государственной власти. Например, вопросы градостроительного зонирования, благоустройства, создания условий для развития местного самоуправления находятся в ведении муниципалитетов, что делает их ключевыми акторами в формировании социальной архитектуры на микроуровне.

В Москве в Национальном центре «Россия», 4-6 ноября 2024 г. прошел I Международный научно-фантастический симпозиум «Создавая будущее», миссией которого было названо *воссоздание интереса общества к проектированию будущего.*, на котором выступил Глава управления по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов администрации президента Александр Харичев. Харичев А. заявил: «Актуальность сегодня высока для социального прогнозирования, я бы даже сказал — для социального моделирования, для выстраивания моделей будущего, моделей социальных изменений, моделей образа будущего. Мне кажется, это сегодня крайне актуально, на базе платформы «Россия — страна возможностей» принято решение создать институт социальной архитектуры. Более того, по специальности «социальная архитектура» появятся учебные программы и учебное пособие: первый драфт учебного пособия я уже видел. В начале декабря у нас планируется международная

конференция по социальной архитектуре на базе Университета имени Канта, и там мы презентуем этот учебник», - сказал Харичев. [12].

В июне 2025 года в рамках Петербургского Международного экономического форума на заседании «Клуба губернаторов» участники обсудили роль социальной архитектуры как эффективной модели взаимодействия власти, бизнеса и общества в решении приоритетных задач регионального развития. Александр Харичев – начальник Управления Президента Российской Федерации по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов заявил, что «под социальной архитектурой понимается проектирование значимых изменений в системе взаимодействия государства, гражданского общества и бизнеса. такой подход предполагает переход от ситуативных решений к выстраиванию долгосрочной стратегии...» [11].

7 октября 2025 года в Москве в Национальном центре «Россия» стартовал 13 Симпозиум открыл заместитель Председателя оргкомитета НЦ «Россия», заместитель руководителя Администрации президента России Максим Орешкин, который зачитал приветственный адрес от президента России Владимира Путина. В нем глава государства отметил, что участникам «предстоит продолжить открытую творческую дискуссию» о том, каким станет мир в будущем. «Выводы и итоги такого глубокого содержательного разговора имеют особую ценность», – отметил он в приветствии: «Уверен, что свое будущее мы должны создавать сами -- на основе суверенного мировоззрения и неустанного смелого, новаторского поиска, опираясь на выдающиеся достижения наших предков, исторические, духовные, патриотические традиции, передающиеся из поколения в поколение, – уверен глава государства. – И потому отраднo, что в повестке нынешнего форума приоритетное место занимает молодежная программа» [14].

Симпозиум проходил в течение двух дней под эгидой Десятилетия науки и технологий и объединил участников из 85 стран – Китая, США, Италии, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки. Его целью было определено объединение *ведущих умов мира для совместного проектирования позитивных сценариев будущего и их визуализации*. Трек «Общество», в частности, был посвящен социуму будущего, его образу и трансформациям в различных сферах. В центре внимания экспертов трека – роль и место человека в обществе будущего. Среди тем для обсуждения: демография, социальные связи и взаимоотношения поколений, урбанистика, социальная архитектура и культура [1]. В рамках трека эксперты анализировали проблемы формирующихся управленческих практик в социальной архитектуре, препятствующие эффективному управлению социальной архитектурой, среди которых:

- ведомственная разобщенность: управление социальной архитектурой часто раздроблено между министерствами строительства, культуры, социальной политики, что затрудняет создание комплексных, междисциплинарных решений;

- формализация участия: хотя федеральные программы предписывают проведение публичных слушаний, на практике они часто носят формальный, «ритуальный» характер. Механизмы реального соучаствующего проектирования внедрены фрагментарно и зависят от воли местных властей.

- нормативно-техническое отставание: существующие СНиПы и ГОСТы не всегда успевают за новыми социальными и экологическими требованиями, такими как создание по-настоящему универсальной безбарьерной среды, внедрение «зеленых» стандартов.

Итогом работы трека стали различные прогнозы путей преодоления уже выявленных проблем и преодоления новых вызовов. И уже в октябре 2025 года было объявлено о создании Института социальной архитектуры на платформе «Россия – страна возможностей».

Его управленческая миссия разделена на два направления, что указывает на осознанный государственный подход:

1. Социальное моделирование: работа с общественным сознанием, актуализация определенных ценностей и социальных установок. Пример – проект «Бессмертный полк» и Национальный Центр «Россия», которые формируют коллективную идентичность и патриотические настроения.

2. Социальное проектирование: решение конкретных социальных проблем. Этот институт задуман как «бюро развития», которое будет создавать прогнозные модели и реализовывать проекты, учитывающие технологические изменения в коммуникации и социальной среде.

Таким образом, необходимым условием развития управления социальной архитектурой, на наш взгляд, является создание системы взаимосвязанных элементов – нормативных правовых актов, институтов, процедур и ресурсов, – направленной на достижение стратегических целей в области проектирования и преобразования социальной среды, поскольку эффективность управления определяется слаженностью взаимодействия всех компонентов и их адекватностью современным вызовам. Кроме того, эффективная социальная архитектура требует комбинирования различных моделей управления. Представляется, что ключевым направлением совершенствования управления в России является гибкое сочетание сильного государственного стратегического видения (задающего ценностные и нормативные рамки) с делегированием полномочий и ресурсов на местный уровень и активным вовлечением профессиональных и гражданских сообществ в процессы принятия решений. Это, на наш взгляд, позволит перейти от точечных успешных проектов к созданию целостной, социально-ориентированной среды по всей стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. II Международный симпозиум «Создавая будущее». Трек «Общество» [Электронный ресурс]. -2025.- Режим доступа: -<https://future.russia.ru/> (дата обращения 20.10.2025 г.).
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. – М.: Асадемия-Центр; Медиум, 1995. – 323 с. – (Первые публикации в России).
3. Гумилев Л. Конец и вновь начало. М.: АСТ, Neoclassic, 2022.- 512 с. - (серия «Эксклюзив: Русская классика»).
4. Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Букинист 2019. – 512 с.
5. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с. – (История социологии в памятниках).
6. Международная практика управления социальной архитектурой [Электронный ресурс]. -2025.- Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Хайн-Лайн, Жилой комплекс «Vauban»](https://ru.wikipedia.org/wiki/Хайн-Лайн,Жилой_комплекс_«Vauban») (дата обращения 20.10.2025 г.).
7. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура – М.:АСТ, хранитель, 2006.-. 873 с.
8. Орешкин М. Выступление на II Международном симпозиум «Создавая будущее». 07.10.2025 г. Москва. [Электронный ресурс]. -2025.- Режим доступа <https://future.russia.ru/news/maksim-oreshkin-simpozium-sozdavaya-budushcheye-stanovitsya-chastyu-globalnoy-ekosistemy-otkrytogo-dialoga>
9. Парсонс Т. Социальная система = Sosial System.- М.: академический проспект, 2018. 529 с.
10. Стаффорд Б. Кибернетика и менеджмент /Пер. с англ. В. Я. Алтаева. Под редакцией А. Б. Челюсткина Предисловие Л. Н. Отоцкого Издание второе. – 2006 – М. URSS. 276 с.

11. Харичев А. Выступление на заседании « Клуба губернаторов» в рамках ПМЭФ, июнь 2025 г. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. -2025.- Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-rossii-formiruetsya-novaya-model-upravleniya-na-osnove-socialnoi-arhitektury//> (дата обращения 20.10.2025 г.).
12. Харичев А. Выступление на Международном научно-фантастическом симпозиуме. 4-6 ноября 2024. Москва. [Электронный ресурс]. -2024.- Режим доступа: <https://future24.russia.ru//>
13. Хинченс П. Социальная архитектура. [Электронный ресурс]. -2025.- Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/352390//> (дата обращения 20.10.2025 г.).
14. Эриксон Р. Ф. Организационная кибернетика и человеческие ценности. Программа политических исследований в области науки и технологий.. Университет Джорджа Вашингтона [Электронный ресурс]. - 2025.- Режим доступа: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED065266.pdf> (дата обращения 20.10.2025 г.).

ОБ АВТОРЕ:

Ракович Елизавета Витальевна,

начальник отдела,
Федеральное государственное бюджетное научное
учреждение Научно-исследовательский
институт – Республиканский
исследовательский научно-консультационный
центр экспертизы, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Rakovich Elizaveta V.,

head of department,
Federal State Budgetary Scientific Institution
Research Institute – Republican Research Scientific
and Consulting Center for Expertise, Moscow,
Russia

УДК 316

Ракович Е.В.

Концептуальная модель проведения социальной экспертизы управленческих решений в области человеческих ресурсов современного вуза

В статье рассматривается концептуальная модель социальной экспертизы управленческих решений в сфере управления человеческими ресурсами современного вуза. Раскрывается сущность социальной экспертизы как инструмента оценки социальных последствий управленческих решений и учета интересов стейкхолдеров. Выделены ее принципы и функции,

обоснована необходимость применения инструмента в области управления персоналом вуза. Предложенная модель включает все этапы проведения экспертизы, а ее использование позволит повысить обоснованность и социальную эффективность решений, в системе управления кадрами вуза.

Ключевые слова: социальная экспертиза, управленческие решения, человеческие ресурсы, высшее образование.

Для цитирования: Ракович Е.В. Концептуальная модель проведения социальной экспертизы управленческих решений в области человеческих ресурсов современного вуза // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 73-81.

CONCEPTUAL MODEL FOR CONDUCTING SOCIAL EXPERTISE OF MANAGEMENT DECISIONS IN THE FIELD OF HUMAN RESOURCES OF A MODERN UNIVERSITY

Rakovich E.V.

The article considers a conceptual model of social expertise of managerial decisions in the field of human resource management at a modern university. The article reveals the essence of social expertise as a tool for assessing the social consequences of management decisions and considering the interests of stakeholders. Its principles and functions are highlighted, and the necessity of using a tool in the field of university personnel management is substantiated. The proposed model includes all stages of the examination, and its use will increase the validity and social effectiveness of decisions in the personnel management system of the university.

Keywords: social expertise, management decisions, human resources, higher education.

For citation: Rakovich E.V. Conceptual model for conducting social expertise of management decisions in the field of human resources of a modern university. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 73-81. (In Russ.)

Управленческие решения в системе управления человеческими ресурсами в системе высшего образования определяют стратегию развития персонала, эффективность образовательного процесса и социально-психологический климат организации. Под управленческим решением понимается волевой акт выбора

целенаправленного воздействия на объект управления на основе анализа ситуации [7]. В качестве таких решений в высших учебных заведениях могут выступать:

- Разработка программ развития кадров
- Решения о найме или сокращении преподавателей
- Внедрение новых систем оценки работы персонала
- Другие шаги, затрагивающие интересы сотрудников и качество образования.

Современные тенденции управления человеческими ресурсами подчёркивают стратегическую значимость персонала как ключевого актива организации, для университетов это означает необходимость адаптации человеческого потенциала к изменяющимся условиям – цифровизации, конкуренции на глобальном рынке образовательных услуг и новым требованиям общества и государства. Однако современные исследования отмечают недостаточное внимание к проблемам управления кадрами в вузах, что также отражается в управленческих решениях, нередко принимающихся административно и технически, без достаточного учёта социальных последствий и мнения самих работников.

Такой подход может привести к усилению сопротивления изменениям со стороны не только профессорско-преподавательского состава, но и других сотрудников, задействованных в создании благоприятного процесса получения образовательных услуг. Помимо этого, нередко в научной литературе отмечают также, что подобные решения могут привести к снижению мотивации персонала, текучести кадров и другим негативным эффектам.

Социальная экспертиза управленческих решений представляет собой механизм привлечения экспертных знаний и мнений заинтересованных сторон для оценки социальных последствий их внедрения и выработки рекомендаций по усовершенствованию. Социальная экспертиза – это проводимое специалистами исследование, включающее диагностику состояния социального объекта, проверку достоверности информации о нём и прогнозирование возможных изменений вследствие внедрения управленческих решений [5].

Цель социальной экспертизы – установление соответствия планируемых действий интересам участников и требованиям социальной политики, с разработкой предложений по достижению такого соответствия [8].

Предметную область социальной экспертизы составляют, в частности, управленческие решения и их восприятие населением – в нашем случае, решения руководства вуза и реакция на них коллектива и других стейкхолдеров.

Говоря о системе управления кадрами в университете, социальная экспертиза означает тщательное рассмотрение планируемого решения, например о реорганизации кафедр, введении новой системы оплаты труда или изменении требований к преподавателям. В данном контексте эксперты будут исследовать влияние нововведений на сотрудников, студентов, на имидж вуза, социальную справедливость, морально-психологический климат и т. д.

Социальная экспертиза в данном случае выполняет несколько ключевых функций [2]:

- Диагностическую – оценка текущего состояния работы кадровой службы, выявление соответствующих проблем и определение социально-психологического самочувствия коллектива.
- Информационно-контрольную функция включает в себя аудит информации, лежащей в основе решения: проверка кадровых данных, соответствия нормативным актам, учет альтернативных мнений. Основная цель данной функции –

выявление и устранение искажений, то есть слухов и предубеждений относительно планируемых нововведений.

- Прогностическую – прогноз последствий вводимых изменений для разных групп и на разных сроках, в контексте нашей темы – это моделирование лучшего и худшего сценария для сотрудников и вуза в целом. Оценка краткосрочных и долгосрочных эффектов, например, как скажется решение на кадровом составе через год, три года или какие риски и выгоды возникнут.

- Проектировочную – разработка рекомендаций по корректировке решения или внедрению сопутствующих социальных мер для более эффективной адаптации сотрудников к изменениям: предложения по изменению плана реализации, меры поддержки для затрагиваемых сотрудников, тренинги, коммуникационные программы для успешной реализации решения.

Необходимость проведения таких мероприятий наиболее остро возникает, когда решение может существенным образом сказаться на жизнедеятельности людей, а у органа управления нет ясности о масштабах и характере последствий ввиду вводимых изменений. В условиях деятельности университета примером могут выступать ситуации, когда решение способно позитивно или негативно влиять на карьеру, мотивацию, нагрузку сотрудников, на качество обучения студентов, на социальную стабильность в коллективе и т. д.

К тому же, если администрация вуза не обладает полной информацией о возможных последствиях или существуют разные точки зрения на проблему, требуется специально организованный процесс экспертной оценки и учёта мнений заинтересованных сторон до момента принятия решения. Такой подход позволяет отсеять не продуманные и нецелесообразные варианты, снизить риски и скорректировать управленческое решение так, чтобы превентивно избавиться от большинства негативных социальных последствий.

В современной научной литературе заинтересованные стороны часто называют стейкхолдерами, также отмечается важность их участия в принятии управленческих решений для повышения их эффективности и легитимности [1]. в управлении высшим учебным заведением привлечение внутренних стейкхолдеров – преподавателей, сотрудников, представителей обучающихся – к обсуждению важных кадровых решений служит профилактикой конфликтов и повышает обоснованность этих решений.

Исследования отмечают, что основными внутренними заинтересованными сторонами в принятии решений по ресурсам вуза являются администрация и профессорско-преподавательский состав. В подобных работах часто недооценивают важность мнения обучающихся, хотя именно они являются той группой, ради которой учреждение в принципе осуществляет свою деятельность. Поэтому именно согласованность позиций руководства вуза, факультетов и обучающихся во многом определяет успех внедряемых изменений.

Таким образом, социальная экспертиза управленческих решений в области управления человеческими ресурсами вуза представляет собой социально-технологическую процедуру, обеспечивающую соответствие действий управляющего состава с интересами и ожиданиями членов академического сообщества. В данной работе ставится цель разработать концептуальную модель проведения такой экспертизы, которая включала бы в себя: этапы, механизм вовлечения экспертов и стейкхолдеров, а также принципы, на которых она основывается.

Для построения модели социальной экспертизы управленческих решений необходимо было углубиться в изучение теоретических основ, что позволило сделать вывод о том, что данная процедура сформировалась как особый вид экспертной деятельности на стыке нескольких научных направлений: социологии, менеджмента и социальной работы. В настоящее время активно развивается методологическая часть этого направления экспертной деятельности, однако при этом общепринятого канона проведения процедуры до сих пор не существует. В научной литературе были выделены основные подходы и модели экспертизы, в основе которой принцип системности: исследуется не только само управленческое решение, но и более широкий социальный контекст – состояние коллектива, ценности и интересы групп, внешние условия (Рис. 1).

Рисунок 1. Основные модели экспертизы управленческого решения

Как можно увидеть из рисунка, выделяют несколько моделей организации экспертизы управленческого решения [6]:

— Первая модель – это «рецензия», которая считается традиционной формой экспертной оценки документов. В рамках этой модели решение передаётся одному или нескольким независимым экспертам для подготовки заключения по заранее обозначенным вопросам. Рецензирование позволяет получить стороннюю оценку, однако ограничено по глубине, поскольку, эксперты, как правило, работают лишь с представленным текстом решения и могут не учесть все социальные последствия преобразований. Улучшить достоверность такой оценки можно привлечением нескольких экспертов и последующим сравнительным анализом их заключений.

— Второй модель – мониторинговая, которая предполагает исследования с определенной периодичностью, в рамках которого будут в долгосрочной перспективе изучаться изменения в каком-либо процессе или объекте. Применительно к управлению персоналом это может означать систематическое отслеживание ключевых показателей, например, уровень удовлетворённости работой, текучесть кадров, нагрузка преподавателей до и после внедрения решения.

Цель мониторинга – гарантировать достижение запланированных результатов и своевременно выявлять отклонения от намеченного курса действий, поэтому такого рода экспертиза будет наиболее эффективна, если решение реализуется поэтапно и есть возможность накопления данных в динамике. При этом ее эффективность значительно падает при разработке управленческих решений для единичных уникальных проблем или если набор задач при реализации слишком разнообразный,

поскольку в таком случае будет довольно сложно отслеживать во временной перспективе каждый компонент решения.

– Третья модель – проектная экспертиза. Она используется, когда экспертиза должна быть интегрирована прямо в процесс социального проектирования решения и направлена не только на оценку, но и на совместную выработку оптимального варианта для решения проблемы. В данном случае эксперты разных профилей и стейкхолдеры, например, члены профсоюзов, студенческих советов вместе участвуют в рабочей группе по разработке решения, выступая соавторами изменений. Оценка в такой ситуации приобретает инструментальное значение – она сразу же используется для конструирования желаемых изменений, и границы между экспертизой и управленческим проектированием стираются.

Каждая из этих моделей может применяться в зависимости от характера управленческого решения и ситуации, хотя на практике нередко используют комбинированный подход, сочетающий разовую внешнюю оценку с элементами всестороннего обсуждения и последующим мониторингом результатов. При этом вне зависимости от использования модели для качественного проведения экспертизы управленческих решений важно соблюдать следующие принципы [9]:

- Научная обоснованность и объективность. Экспертиза должна опираться на достоверные данные и научные методы их анализа, а эксперты в свою очередь действуют беспристрастно, предъявляя одинаковые критерии оценки ко всем альтернативам решения. Это достигается, в частности, проверкой исходной информации о проблеме и использованием проверенных методик изучения: опросы, анализ документов, статистические методы.

- Прозрачность и открытость. Процесс экспертизы по возможности должен быть открытым для наблюдения и участия заинтересованных сторон, поскольку это повышает доверие к результатам экспертизы.

- Принцип соинформирования подразумевает, что все участники получают необходимую и достаточную информацию о рассматриваемой проблеме и методах ее решения. В рамках деятельности университета – это может проявляться через публикацию проекта решения, обсуждение его на ученом совете, сбор отзывов преподавателей и студентов.

- Принцип соучастия. Социальная экспертиза предполагает вовлечение представителей тех групп, которых управленческое решение может коснуться на прямую, в вузе в качестве таких участников могут выступать: преподаватели разных факультетов, представители администрации, студенты или выпускники. Как уже говорилось ранее, такой подход позволяет проверить как разные группы реагируют на принятые управляющим составом действия, что позволяет учесть разнообразие мнений. Принцип соучастия означает, что все стороны могут высказывать предложения, которые будут рассмотрены перед принятием решения [1].

- Согласование интересов. Решение, проходящее социальную экспертизу, должно удовлетворять не только формальным целям администрации, но и считаться с мнением остальных групп.

- Принцип соприоритетности гласит, что проблема, ради которой проводится экспертиза, значима для всех основных групп лиц в организации, а не исключительно для руководства.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что экспертиза должна способствовать достижению баланса между индивидуальными интересами сотрудников и целями организации. Для этого может применяться, например, метод

критической эвристики В. Ульриха, позволяющий выявлять скрытые ценности и установки сторон и устранять искажения в коммуникациях [4].

Принципы соинформирования, соучастия и сопriorитетности, выдвинутые в современных социологических подходах, создают основу доверительного диалога в ходе экспертизы. Это важно, поскольку конечная цель – достижение рационального консенсуса между всеми заинтересованными сторонами относительно принимаемого решения, а значит понимание этого определяет структуру предлагаемой концептуальной модели.

Основываясь на рассмотренных теоретических положениях, разработана концептуальная модель проведения социальной экспертизы управленческих решений в области управления человеческими ресурсами университета. Модель охватывает последовательность этапов экспертизы и ключевые действия на каждом из них, а также определяет состав участников и механизм их взаимодействия. В таблице 1 представлена структура модели с рассмотрением каждого этапа отдельно.

Таблица 1. Концептуальная модель процесса социальной экспертизы управленческого решения в сфере управления человеческими ресурсами вуза

№	Этап	Цель	Результат	Участники
1	Инициирование решения	➤ Выявить управленческую проблему, оценить необходимость экспертизы и определить риски. ➤ Подготовить обоснование для запуска процедуры экспертизы.	— Анализ ситуации и возможных последствий решения. — Определение критериев для экспертизы: масштаб воздействия, риск конфликтов, новаторский характер. — Формулировка задачи и формата итогового документа, например аналитический отчёт с рекомендациями	▪ Администрация вуза; ▪ Заинтересованные стороны: студенты, преподаватели и другие сотрудники.
2	Формирование группы и плана	➤ Создать эффективную экспертную комиссию с участием профессионалов и стейкхолдеров. ➤ Определить план работы и методы исследования.	— Назначение ответственного исполнителя. — Подбор независимых экспертов, представителей администрации и профессорско-преподавательского состава. — Разработка детального плана работы: методы сбора данных, график	▪ Проректор ▪ HR-специалисты ▪ Социологи ▪ Психологи ▪ Представители ППС ▪ Члены профсоюза и студсовета.

			проведения, распределение ролей.	
3	Социальный анализ и сбор данных	➤ Изучить социальный контекст и настроения сотрудников. ➤ Собрать объективную информацию о проблеме и рисках.	—Проведение диагностики: анкетирование, интервью, фокус-группы. —Анализ текущего состояния коллектива. —Проверка исходных данных, выявление скрытых проблем и прогнозируемых точек сопротивления.	▪ Экспертная группа, которая взаимодействует с коллективом университета, проводит опросы и анализ документов.
4	Экспертная оценка и обсуждение	➤ Провести всесторонний анализ управленческого решения с учетом разных точек зрения. ➤ Сформировать обоснованные выводы о последствиях.	—Коллегиальное обсуждение экспертной группы. —Прогностический анализ возможных сценариев. —Подготовка экспертного заключения с рекомендациями и презентация результатов для администрации и коллектива.	▪ Все члены экспертной группы ▪ Администрация и стейкхолдеры
5	Разработка рекомендаций	➤ Предложить обоснованные корректировки решения и социальные меры для смягчения последствий. ➤ Обеспечить поддержку внедрения.	—Формулировка рекомендаций по изменению отдельных элементов решения. —Предложения по мерам сопровождения изменениям. —Составление Акта экспертизы с полным обоснованием и передача руководству.	▪ Эксперты, формирующие рекомендации и представляющие их руководству
6	Принятие решения	➤ Утвердить решение, согласованное с рекомендациями экспертизы. ➤ Снизить риски конфликтов и повысить легитимность.	—Обсуждение результатов экспертизы в руководстве вуза. —Достижение консенсуса между администрацией и коллективом.	▪ Администрация ▪ Представители коллектива.

			—Утверждение финального варианта решения, учитывающего социальные последствия и интересы стейкхолдеров.	
7	Реализация и мониторинг	➤ Организовать внедрение решения и отследить его социальные эффекты. ➤ Гарантировать своевременную коррекцию.	—Внедрение утвержденного решения в практику вуза. —Проведение мониторинга последствий. —Использование обратной связи для корректировки действий и планирования новых экспертиз.	▪ Администрация ▪ HR-отдел

Следует подчеркнуть, что в центре модели находится механизм коммуникации заинтересованных сторон, поэтому концептуальная модель предусматривает активное взаимодействие администрации вуза и представителей профессорско-преподавательского состава на площадке экспертизы. По сути, социальная экспертиза становится формой институционализированного диалога между руководителями и сотрудниками, где экспертное знание помогает найти общее решение.

В исследованиях отмечается, что вовлечение в процессы принятия решений ведет к повышению их приверженности исполнению решений и ощущению легитимности последних [3]. Особенно это важно для высших учебных заведений, где академическая культура ценит коллегиальность, поэтому такая коммуникационная модель экспертизы способствует укреплению доверия и организационной приверженности персонала.

В условиях усложняющейся социально-экономической среды эффективное управление человеческими ресурсами в вузе предполагает необходимость комплексного учёта социально значимых факторов, влияющих на внутреннюю стабильность и мотивацию персонала. Разработанная в представленной работе концептуальная модель социальной экспертизы управленческих решений направлена на институционализацию процедур оценки социального воздействия административных новаций и основана на принципах, ранее обозначенных в работе.

Поэтапная структура модели, охватывающая процесс от инициирования экспертизы до мониторинга реализации, обеспечивает возможность предварительного выявления рисков, сопряжённых с предполагаемыми изменениями, и способствует минимизации вероятности негативных последствий. Включение экспертных рекомендаций в процесс управленческого проектирования способствует повышению устойчивости и эффективности решений, принимаемых в сфере кадровой политики, а также укрепляет позиции администрации в диалоге с

внешними субъектами – учредителями, если таковые имеются, профессорско-преподавательским составом, администрацией и обучающимися.

В практическом аспекте внедрение модели может предполагать создание постоянно действующего органа по социальной экспертизе в структуре вуза и формализацию процедур оценки социальных последствий нововведений. Дополнительным направлением исследований, ориентированным на развитие модели, выступает разработка инструментов количественной оценки эффективности экспертизы и её интеграция в цифровую среду, включая использование онлайн-платформ для сбора мнений сотрудников и методов анализа больших данных для мониторинга последствий. Тем самым социальная экспертиза управленческих решений в сфере человеческих ресурсов становится важнейшим элементом социально ориентированного управления, способствующего устойчивому развитию современного университета.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гусарова З. В. Социальная экспертиза как технология социального управления // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2019. – № 11(67). – С. 62–65. – DOI 10.24158/spp.2019.11.9.
2. Дридзе Т. М. К проблеме социальной экспертизы управленческих решений // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. – 2008. – № 3. – С. 115–119.
3. Зотов В. В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по общественно значимым проблемам города // *Научный результат. Социология и управление*. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 113–125. – DOI 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-10.
4. Зотов В. В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по социально значимым проблемам города как инструмент достижения консолидации // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. – 2022. – Т. 47, № 4. – С. 682–690. – DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-682-690.
5. Клишас А.А. *Социальное государство: монография*. М., 2017. 269 с.
6. Луков В. А. *Социальное проектирование: учебное пособие*. – 11-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 240 с.
7. Никитин Д. М. Методы и модели обоснования управленческих решений и способы повышения эффективности управленческих решений // *Тенденции развития науки и образования*. – 2019. – № 57–7. – С. 50–54. – DOI 10.18411/lj-12-2019-144.
8. Ракович Е. В. Модели и процедура организации социальной экспертизы управленческих решений в современном вузе // *Леоновские чтения - 2024 : Материалы молодежной научной конференции, Технологический университет им. А.А. Леонова, 23–24 мая 2024 года*. – г.о. Королев: Общество с ограниченной ответственностью "Научный консультант", 2024. – С. 48–54.
9. Тряпицын А. В. *Проектирование и экспертиза в области социальной педагогики* // *Социальная педагогика*. – 2017. – № 3. – С. 81–91.

ОБ АВТОРЕ:

Чанкова Елена Вадимовна,

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры рекламы, связей с
общественностью и дизайна
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Chankova Elena V.,

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor in the Department of Advertising,
Public Relations, and Design
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

УДК 316

Чанкова Е.В.

Управленческий потенциал компетентности личности в коммуникации в современном коммуникативном пространстве

Современное коммуникативное пространство по своим характеристикам имеет параметры сложного общества, в первую очередь, непредсказуемость и нелинейность развития, рефлексивная аномия. Применение концепции изменяющейся социальной реальности и коммуникативной компетентности в изменяющейся социальной реальности к проявлениям современного коммуникативного пространства на примере медийной и

публичной сфер показывает ресурсность саморегуляционного типа коммуникативной компетентности для повышения эффективности управленческих процессов за счет перехода к субъект ориентированному подходу к управлению и, в итоге, стабилизации состояния коммуникативного пространства.

Ключевые слова: коммуникативное пространство современного сложного общества, современное сложное общество, саморегуляционный тип коммуникативной компетентности личности в изменяющейся социальной реальности, субъект ориентированный подход к управлению.

Для цитирования: Чанкова Е.В. Управленческий потенциал компетентности личности в коммуникации в современном коммуникативном пространстве // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 82-91.

MANAGERIAL POTENTIAL OF THE PERSONAL'S COMPETENCE IN COMMUNICATION IN THE MODERN COMMUNICATIVE SPACE

Chankova E.V.

The modern communicative space exhibits the characteristics of a complex society, primarily unpredictability and nonlinearity of development, reflexive anomie, and so on. Applying the concept of changing social reality and communicative competence in a changing social reality to the manifestations of the modern communicative space, using the media and public spheres as examples, demonstrates the potential of self-regulatory communicative competence for improving the effectiveness of management processes through a transition to a subject-oriented approach to management and, ultimately, stabilizing the state of the communicative space.

Keywords: communicative space of a modern complex society, modern complex society, self-regulatory type of communicative competence of the personality in a changing social reality, subject-oriented approach to management.

For citation: Chankova E.V. Managerial potential of the personal's competence in communication in the modern communicative space. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 82-91. (In Russ.)

Введение.

Усиление нелинейных процессов в современном сообществе обусловлено сложной совокупностью факторов, определяющих многомерную дифференциацию

социального пространства. Поскольку сложность, в первую очередь, обнаруживается в многообразии социальных связей, логично обратить исследовательский интерес к системе коммуникаций, к коммуникативному пространству сложного общества. Так, в современном социологическом аналитическом дискурсе частотными являются «смена акторов» [8], «рефлексивная аномия» [11], онлайн-личность [10] и др., указывающими на процессы изменения в позиционности участников, усиление состояния безнормности как нормального, пересмотр параметров личности коммуникативного пространства – в сторону субъектности. Кроме того, имеет место вычленение разных сред внутри коммуникативного пространства, когда личность может изменить свои параметры, а акторы могут как изменить как свою композицию относительно друг друга, так и качества, их характеризующие. Вследствие интенсивных преобразований в поле акторов, активной зоной изменений в коммуникативном пространстве является трансформация участников в иерархических отношениях, в частности, в управленческой сфере. Традиционно сложившийся субъект-объектный подход к управленческим процессам редуцируется и уступает место субъект-ориентированному подходу, когда и управляющий, и управляемый имеют равную степень активности.

Современное коммуникативное пространство является проекцией сложно структурированного общества. Если исходить из понимания коммуникации как обмена чем-либо как между различными системами, то в условиях усложнения современного общества ключевым фактором сохранения структуры являются коммуникации, а в коммуникативном пространстве – коммуникативная компетентность личности. Актуальное состояние сегодняшнего сложного социума – это результат коммуникативной компетентности его акторов в условиях неопределённости и рисков. При такой постановке вопроса управленческую составляющую следует рассматривать с позиции структуры коммуникативной компетентности акторов, вступающих в социальные отношения управления-подчинения. Коммуникативная компетентность становится равно востребована, а участники становятся ответственными в равной мере за результат коммуникации и развитие отношений.

Целью данной статьи является вскрытие управленческого потенциала коммуникативной компетентности и ее типов как регуляторов многоаспектного современного коммуникативного пространства. Утверждается, что саморегуляционный тип коммуникативной компетентности является фактором стабилизации современного коммуникативного пространства, подверженного рискам неопределенности. Саморегуляционный тип коммуникативной компетентности и подвижный характер его структуры изменяет позиционные характеристики акторов и определяет необходимость перехода к субъект-субъектной модели в управленческих отношениях. Саморегуляционный тип коммуникативной компетентности личности вскрывает субъектный потенциал участника управленческого взаимодействия и определяет субъект – ориентированную модель управления как наиболее адекватную в современных условиях нелинейности и неопределенности.

Методология и методы.

Трактовка коммуникативного пространства в социологическом дискурсе восходит к работам Ю.Хабермаса, Н. Лумана, предложенное Шарковым Ф. И. определение: «коммуникативное пространство – территория, среда, в пределах которой происходит взаимодействие» [17, с.131].

Анализ состояния современного коммуникативного пространства с позиции особенностей его регуляции коммуникативной компетентностью личности опирается на концепции современного сложного общества Кравченко С.А., Гидденса Э., Баумана З., Урри Дж и др. [9,1,3], изменяющейся социальной реальности Шюц А., Зубок Ю.А., Чупрова В.И. [7], коммуникативной компетентности в изменяющейся социальной реальности Зубок Ю.А., Чанковой Е.В. [16], концепцию субъект-ориентированного управления процессами в организации, обоснованную Славным Б.Б., Флейшманом А. и др [15].

К признакам сложного общества относят: разнообразие социальных структур и подсистем, самодостаточность как способность создавать и воспроизводить необходимые условия для своего существования, динамичность, незавершенность и альтернативность развития, а также непредсказуемость и нелинейность развития. [1,3,9]

Исходя из таких важнейших признаков сложности общества, исходя из понимания, как скорость происходящих в нем изменений (в соответствии с пониманием Ж.Делеза и Ф.Гваттари) [4], дуальности общества Э.Гидденса, проявляющейся в непреднамеренных последствиях преднамеренных действий [3], Кравченко С. А. выделяет три значимых фактора скорости социальных изменений:

- рефлексия быстроечных событий, принятие по ним адекватных, рациональных решений с гуманными целями;

- увеличение доли короткоживущего социума и уменьшение доля долгоживущего социума

- возникновение эффекта временного дисхроноза, когда в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах. [9]

Результатом дисхроноза, то есть одновременного сосуществования разных темпомиров является ценностный плюрализм, ведущий к рассогласованию ценностно-нормативных оснований общественной жизни и приводящий к нормализации аномии, по З.Бауману, С. А. Кравченко [1,9]. По мнению Мещеряковой Н. Н. [11], если в условиях упорядоченного структурно-функционального способа существования социальной системы преобладает структурная аномия, то при переходе к нелинейному и сложноструктурированному имманентным элементом существования сложного общества является рефлексивная аномия. Рефлексивность аномии связана с понятием и феноменом рефлексии в социологии (П.Бурдьё, Э.Гидденс и др.) и трактуется как конструирование индивидом своей идентичности через саморегуляцию.

Концепция изменяющейся социальной реальности является развитием в социологии философской феноменологической методологии Э. Гуссерля, позволяющая трактовать отношение к объектам социальной действительности, по А.Шюцу, через призму субъективного видения мира [18]. «Реальность понимается как интересубъективный мир, созданный индивидами в процессе общения» [7, с.6]. Социальная реальность индивида, с одной стороны, является продуктом взаимодействия с другим как частью социальной действительности, с другой стороны, актор свои социальные связи выстраивает из социальной реальности, то есть индивидуальной проекции социальной действительности. Изменяющаяся социальная реальность является продуктом переосмысления и рефлексии имеющегося жизненного опыта [7, с.20]. По мнению Зубок Ю.А, Чупрова В. И., изменение социальной реальности индивида является ее имманентной характеристикой [7, с.15].

Коммуникативная компетентности личности в наиболее общем смысле трактуется как способность сохранять социальность, создавать и удерживать социальные связи посредством владения знаниями, ценностями, нормами, умениями коммуникации, а также способами поведения [16]. Осмысление идеи динамики социальных процессов, проявляющейся, в частности, как в увеличении спектра статусно-ролевого взаимодействия в разнообразных форматах интеракций, так и в полном исчезновении данного аспекта из взаимодействия, а также обобщение результатов эмпирической верификации концепции коммуникативной компетентности в изменяющейся социальной реальности позволила выявить разных структурах сложного общества разные типы коммуникативной компетентности – институциональный и саморегуляционный.

Для реальных интеракций, связанных с межличностными коммуникациями, эффективной является коммуникативная компетентность институционального типа. Признаки данного типа компетентности тесным образом связаны со структурой социального института как регулятором межличностных взаимодействий: опора на статусно-ролевое позиционирование акторов, традиционные ценности солидарности. Комплекс коммуникативных умений определяется традиционным расположением участников взаимодействия в коммуникативном пространстве, а поведенческие формы имеют однозначно зафиксированный в культурных образцах рекомендательный характер.

В коммуникациях виртуальной среды востребована коммуникативная компетентность, которая имеет, с одной стороны, возможность саморегуляции и самонастраивания в ситуации с параметрами неопределенности, включая анонимные статусы акторов, с другой стороны, невозможность регулирования коммуникации институциональными средствами социального контроля и социальных санкций. Все параметры коммуникативной компетентности саморегуляционного типа: ценности, нормы, умения, способы поведения - имеют подвижный, гибкий характер, благодаря чему становится возможным их переконструирование.

Коммуникации виртуальной среды и саморегуляционный тип коммуникативной компетентности оказываются ключевыми в построении субъект-субъектной управленческой модели: «Важнейшим основанием для разработки категории полисубъектности является прежде всего понятие «полисубъектная среда управления», то есть социальная среда, субъектами-компонентами которой выступают сложные открытые комплексы, объединяющие различные типы носителей ценностно-целевых установок (структур): отдельные личности, социальные группы, общности, организации».[15, с. 98]. Субъект-субъектный подход к управлению опирается на ценностные структуры, составляющие ядро коммуникативной компетентности личности.

Данная концептуализация сопряжена с методом теоретического анализа социологической литературы, посвященной проблематике современных социальных процессов в современном сложном обществе, в том числе в российском, что позволило достичь цели, сформулированной в статье.

Результаты.

Предлагаемый анализ некоторых сфер коммуникаций: массовых, публичных конкретизирует проявления параметров сложного общества и роли коммуникативной компетентности личности в воспроизводстве социальной системы общества, в том числе в управленческой сфере.

Современные подходы к различению СМИ и медиaprостранства, проанализированные Коломийцем В.П. [8], Песковой Е. Н. [12], Войтик Е.А. [2] и др., связаны с несколькими позициями.

Во-первых, речь идет о смене акторов: в медиaprостранстве – это самоорганизованные индивиды или группы, в отличие от институционализированных СМИ. Так, Дунас Д.В. указывает, что «...медиакоммуникация – это сдвоенный сектор как массовой, так и межличностной коммуникации. Введение межличностной коммуникации в медиакоммуникацию привело к пониманию медиакоммуникации как фрактальной диссипативной системы и необходимости разведения повседневной межличностной коммуникации и межличностной коммуникации как элемента медиасистемы и медиaprостранства, то есть медиакоммуникации» [5, с. 8]. П. О' Салливан и К. Карр считают, что современное пространство «перекрестка» массовых коммуникаций и дистанционного межличностного общения наиболее точно может быть отражено в терминологически в понятии «массперсональная коммуникация». Их рассуждения обоснованы следующим образом: «Понятие «массперсональная коммуникация» появляется из наблюдений за случаями, когда (а) люди используют обычные каналы массовой коммуникации для межличностного общения, (б) люди используют обычные каналы межличностного общения для массовой коммуникации и (с) люди участвуют в массовой коммуникации и межличностном общении одновременно» [14, с.1171]. То есть, границы массперсональной коммуникации шире, чем традиционно сложившиеся поля, закрепленные за массовой коммуникацией и межличностным общением.

Фиксация факта смены институционализированных акторов СМИ на самоорганизованных в медийном пространстве – связана как с изменением параметров коммуникации – от регулируемой социальными институтами реальной коммуникации СМИ к саморегулируемой коммуникации в медийном поле. Данная трансформация вызвана как редукцией (вплоть до полного исчезновения) социальных институтов в интернет-пространстве медийных коммуникаций, так и изменением формата коммуникаций с реальных на виртуальные. Данные изменения влекут за собой необходимость применения разных типов коммуникативной компетентности, в частности – в сетевом медийном пространстве индивиду нужны средства саморегуляционного типа компетентности – позволяющие самоорганизованно выстраивать интеракции, а именно – конструировать средства коммуникации под ситуативный характер изменяющейся реальности медийной сферы.

Коломиец В.П. указывает на анонимность медийного пространства, в отличие от всегда авторских СМИ [8]. Это фактор является одним из ключевых в трансформации институциональной идеи в саморегуляционную в регулировании коммуникации и механизме коммуникативной компетентности.

По мнению Коломийца В.П., медиакоммуникации, в отличие от СМИ, из позиции «сверху» формирующие общественное мнение, «... формируются в новой парадигме. Это взгляд «снизу», являющийся отражением позиции потребителя информации. По этой причине перед нами не два конкурирующих, а два взаимодополняющих взгляда на один объект. И постоянное падение роли государства, которое неоднократно усилилось в приход Интернета, начинает резко усиливать новую парадигму. Медиакоммуникации как объект будут становиться все более интересными в качестве точки отсчета». [8, с. 13]

Концептуализируя понятие медиакоммуникации, Коломиец В.П. опирается на следующее определение понятия коммуникации: «Коммуникация – это связанный с

отношениями процесс создания и интерпретации сообщений, которые вызывают определенную реакцию» и выделяет три этапа в построении коммуникативного акта: «Сообщения придумываются, создаются и транслируются тем, с кем выстраиваются отношения или на кого влияют». [8, с.10] При этом ключевая роль отводится смыслообразованию, оно «...происходит на каждом из этапов коммуникативного акта: создания сообщения, трансляции и потребления» [8, с.10]. Коломиец В.П. подчеркивает, что, благодаря таким особенностям коммуникации «Интерес к коммуникации вызван ее широкими возможностями в изменении поведения людей. Создавая и транслируя сообщения, можно изменить представление человека об окружающем мире, его отношение к нему и, как следствие, поведение» [8, с.10]. «Медиа» Коломийцем В.П. презентуется как «Специализированные средства коммуникации. Возможность создания, распространения и получения смылосодержащих сообщений превращает то или иное техническое средство в медиа» [8, с.10].

В итоге концептуализации Коломиец В.П. приходит к выводу, что «медиакоммуникация как явление — это определенный набор практик, связанных с использованием смыслов в процессе получения/распространения информации с помощью технических средств коммуникации – медиа» [8, с.12]. И видит в этом явлении следующий набор практик: творческая деятельность по созданию контента, медиапотребление (носящее интерпретационный характер). И, имея в виду специфическую функцию современных медиакоммуникаций, автор подчеркивает «...формирование общественных отношений в условиях повсеместного распространения цифровых технологий, принявших на себя роль социального актора» [8, с.13], что «лишает СМИ монополии на распространение смыслов» [8, с.13].

Подытоживая концептуализацию современных медиакоммуникаций Коломийца В.П., отметим, что имеет место не процесс слияния СМК и межличностных коммуникаций, а трансформация СМК в принципиально иной комплекс, именуемый медиакоммуникациями, а институциональные средства СМК преобразуются в саморегуляционные средства медиакоммуникаций, обеспечивающиеся подвижными структурами коммуникативной компетентности.

Трансформации СМИ и появление феномена медиакоммуникации представляет собой яркую иллюстрацию изменений в коммуникативном пространстве, смену акторов, переход к субъект-субъектным отношениям, обеспеченными саморегуляционным типом коммуникативной компетентности.

Указывая на процесс трансформации массовых коммуникаций, Макаревич Э.Ф. и Карпухин О.И. приходит к заключению, что «...онлайн личность - это продукт эффективности медиа- влияния, которое все больше связывается с ускоренным развитием цифровых технологий. Телевидение, как медийный инструмент реальной сферы, на первоначальной стадии развития массового общества потребления задавало повестку дня, объединяя другие публичные СМИ вокруг себя. Телевидение на стадии общества спектакля и представления, как вариантов общества потребления, уступает место Интернету, где создаются и развиваются глобальные цифровые медиа-платформы» [10, с.14].

Безусловно, онлайн- личность в контексте, указанном Макаревичем Э. Ф. и Карпухиным О. И., предполагает и специфический комплекс средств коммуникации, которые закрепляются за данным форматом личности. Глобальные цифровые медиа-платформы как место жизни онлайн-личности, сопряжены с саморегуляционными параметрами ее компетентности в онлайн-коммуникациях и заключаются, по сути, в

умении из имеющихся в бэкграунде онлайн-личности средств коммуникации отобрать или создать адекватные для сложившейся коммуникативной онлайн-конфигурации, зачастую анонимной. Данные структурные характеристики онлайн-личности определяют как саморегуляционный тип коммуникативной компетентности, так и субъект-субъектный характер управленческих отношений в виртуальной среде.

Современные российские публичные коммуникации проанализированы и эмпирически верифицированы Зотовым В. В., Бабинцевым В. П., Шаповал Ж. А. [6]. Согласно авторам, публичные коммуникации «...представляют собой совокупность информационных каналов, объединяющих органы власти и стейкхолдеров гражданского общества для целей диалога и партнерства по вопросам, имеющим общественный интерес» [6, с. 62].

Состояние публичных коммуникаций определено как имеющее разрывы. Соавторы указывают, что «...основными причинами разрывов российского пространства публичных коммуникаций выступают сетевизация пространства публичной коммуникации, нестабильный характер социальной среды, несовершенство нормативно-правовой базы в области взаимодействия власти и населения, низкий уровень транспарентности органов власти, неразвитость и маловлиятельность сектора активных независимых неправительственных организаций, имитационный характер значительной части коммуникативных практик, недостаточная выраженность установок на конструктивное взаимодействие, преобладание взаимных негативных образов-стереотипов, недостаточная коммуникационная компетентность участников взаимодействия» [6, с.76]. Вместе с тем, «...совместная деятельность рассматривается как элементарная составляющая социальности, а полисубъектное взаимодействие характеризуется опорой на субъект-субъектное отношение», «...взаимодействие управляемых объектов постепенно не просто становится объектом воздействия, оно приобретает собственную субъектность, не считаться с которой доминирующий субъект не может» [15, С. 6.]

В данном анализе и фиксации разрывов в публичных коммуникациях обращает на себя внимание на недостаточность коммуникационной компетентности участников взаимодействия в условиях сетевизации данного пространства. Фактически, речь идет о дефицитности саморегуляционного типа коммуникативной компетентности и несформированности субъект- субъектных отношений в управленческих процессах публичной сферы, что и создает риск разрыва коммуникаций в российском публичном пространстве.

Обсуждение.

Рассмотрим вопрос механизмов коммуникативной компетентности саморегуляционного типа. Авторами концепции изменяющейся социальной реальности Зубок Ю.А., Чупровым В. И. выявлено, что человек владеет ресурсами глубинных слоев сознания, содержащими отрефлексированные предыдущими поколениями практики в виде архетипов, менталитета, стереотипов, габитуса. По мнению авторов, «базовые основания отношения к реальности воспроизводятся в жизненных ситуациях из исторического прошлого и переходят по наследству от предыдущих поколений» [7, 190]. Далее «базовые основания закрепляются как в форме коллективного бессознательного, так и в виде массового сознания. В качестве важнейших элементов социокультурной регуляции рассматриваются архетипы, менталитет, габитусы, стереотипы, во взаимодействии которых обеспечивается единство бессознательного и осознанного в процессе социальной регуляции» [7, с.190].

Зубок Ю.А. и Чупров В. И. указывают, что «исследование механизма формирования отношения к социальному миру предполагает выявление системы устойчивых связей между социальными характеристиками индивидов групп, являющимися детерминантами условий их жизнедеятельности, с одной стороны, и базовыми, а также социально-ситуационными признаками объектов изучаемых сферах общественной жизни – с другой» [7, с.191]. В условиях анонимных интеракций в виртуальности подвергаются редукции институциональные средства (ценности солидарности, устойчивые нормы, статусно-ролевые распределения, социальный контроль и санкции), и нарабатываются социокультурные механизмы социальной регуляции коммуникаций. Архетипы, менталитет, габитусы, стереотипы представляют собой социокультурный механизм социальной регуляции коммуникативной компетентности личности в условиях снижения регулирующей роли социальных институтов во взаимодействиях.

Обращение участника управленческого взаимодействия с саморегуляционным типом коммуникативной компетентности к своим структурам социокультурного самонастраивания создает его субъектный потенциал. Субъектный потенциал участника управленческого взаимодействия с саморегуляционным типом коммуникативной компетентности заключается в умении и способности видеть различные варианты управленческого решения в зонах наибольшего напряжения коммуникативного пространства, оценивать вероятность и эффективность каждого из возможных вариантов, относиться рационально и рефлексивно к анализу возможных вариантов принятия решения, проявлять инициативу в выборе вариантов управленческого решения. Кроме того, к субъектному потенциалу саморегуляционного типа следует отнести умение слушать мнение каждого из участников обсуждения, создавать благоприятную атмосферу обсуждения, творческую атмосферу конструирования возможных вариантов. Все указанные коммуникативные умения носят подвижный характер и обеспечены концепцией жизненного мира как изменчивого, содержащего множество вариантов развития. Обращение к габитусам, менталитету, архетипам создают основу для ценностного плюрализма, для переосмысления прежних практик коммуникации в ситуациях управления.

Значимым компонентом в структуре саморегуляционного типа в управленческих практиках является готовность индивида к переходу от институциональных вариантов реализации компетентности к иным. На наш взгляд, подобная готовность может быть обеспечена не только невозможностью пользоваться институциональными средствами коммуникации, но и переосмыслением своей идентичности как субъекта - с соответствующей мотивацией, целеполаганием, ценностями, пересмотром концепции жизненного мира. В итоге подобной трансформационной внутренней работы индивид может быть готов в равной степени к реализации и институционального, и саморегуляционного типов компетентности в коммуникации, готов к многопозиционности себя как актора, вариативности своих личностных качеств, свободной адаптации в множественных вариантах развития ситуации, требующих взаимосключающих (в том числе) управленческих решений.

Таким образом, индивид, владеющим разными типами коммуникативной компетентности, является продуктом как внешних социальных факторов, так и внутренних преобразований.

Заключение.

В современном коммуникативном пространстве, имеющем параметры сложного общества, присутствуют сферы, в которых интенсивно развиваются противоположнонаправленные процессы: с одной стороны, это практики, вызывающие разрывы в коммуникативном пространстве в силу некомпетентности акторов (например, в социальных сетях публичных коммуникаций); с другой стороны – становление и утверждение медиакоммуникаций как альтернативы СМИ с онлайн-личностью как ключевой фигурой сетевых медийных коммуникаций. Объединяет вышеперечисленные процессы востребованность такого качества у акторов, как умение саморегуляции в организации своей коммуникативной компетентности. Данное качество обеспечено социокультурным механизмом социальной регуляции в виде архетипов, менталитета, стереотипов и габитусов и является фактором становления субъект-субъектных отношений и тем самым стабилизации современного российского коммуникативного пространства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.- 240 с.
2. Войтик Е.А. К вопросу определения медиакоммуникации как понятия // *Открытое и дистанционное образование*. 2013.- №1.- С. 26–31.
3. Гидденс Э. *Устроение общества*. М.: Академический проект, 2002.- 528 с.
4. Делез Ж. Гваттари Ф. *Капитализм и шизофрения*. / пер. с фр. Д.Кралечкина; научн.ред. В.Кузнецов. - Екатеринбург.: У-Фактория, 2007. -227 с.
5. Дунас Д.В. К антропологической теории рассмотрения медиакоммуникации // *Медиаскоп*. 2009.- Вып. 4. Режим доступа: [http:// www.mediascope.ru/](http://www.mediascope.ru/) к – антропологической -теории-рассмотрения-медиакоммуникации.
6. Зотов В. В., Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А., Губанов А. В. Российское пространство публичных коммуникаций: основные причины разрывов. // *Коммуникология*. - 2017.- Т.5, №5.- С.61-76.
7. Зубок Ю.А., Романович Н. А., Чупров В. И. *Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография*. / В. И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н. А. Романович. - М.: Норма: ИНФРА -М, 2014.0 352 с.
8. Коломиец В.П. Концептуализация медиакоммуникации. // *Медиаскоп*. - 2019.- Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2575> DOI: 10.30547/mediascope. 4.2019.2
9. Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО- Университет, 2012.- 306 с.
10. Макаревич Э. Ф., Карпунин О. И. Изменение парадигмы общественного развития страны- от массового общества потребления к обществу социального творчества в условиях трансформации массовых коммуникаций. // *Социально- гуманитарные знания*. 2023.- №6.- С. 11–20.
11. Мецерекова Н. Н. Аномия в сложном обществе. // *Вестник МГИМО – Университета*. - 2014.- №2 (35). – С. 201–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-201-207>
12. О’Салливан П.Б., Карр К.Т. Массовая межличностная коммуникация: модель, объединяющая массовую и межличностную коммуникацию. *New Media Soc*. 2018. # № 20.- р. 1161–1180.
13. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции// *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2015.- №2 (16). - С. 26–31.
14. Порва О.Н. Коммуникация как ключевое понятие медиа: современная проблематика, гносеологический аспект // *Молодой ученый*. 2016.- №14 (118). - С.661-663.
15. Савельев И. А. Полисубъектность как категория социологии управления. // *Социологический журнал*. 2025. -Т.31. №2.- С. 96–110.
16. Чанкова Е. В. *Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. ...д-ра социол.наук: 22.00.06/ Чанкова Елена Вадимовна*. - М., 2018.- 376 с.
17. Шарков Ф. И. Социология коммуникаций в структуре междисциплинарного научного направления «Коммуникология»// *Социологические исследования*. – 2016.- №12.- С. 128–134.

18. Щюц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; Научн.ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2023.- 336с.

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

УДК 159.99

ОБ АВТОРАХ:

Жарких Наталья Григорьевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет», Орел, Россия

Костыря Светлана Сергеевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики,
АНО ВО «Московский международный
университет», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Zharkih Natalia G.,
PhD in Psychology, associate professor,
Department of Social Psychology and
Acmeology,
Oryol State University. I.S. Turgenev, Oryol,
Russia

Kostyrya Svetlana S.,
PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Psychology and Pedagogy,
Autonomous non-commercial organization of higher
education "Moscow International University",
Moscow, Russia

Жарких Н.Г., Костыря С.С.

Сравнительный анализ структуры профессиональной идентичности в разных профессиональных группах

Статья посвящена исследованию личностных факторов развития профессионального самосознания, психологических аспектов профессиональной деятельности. Дается описание и сравнение структуры профессиональной идентичности в разных профессиональных группах. По результатам эмпирического исследования, сделаны выводы о том, что существуют различия в характеристиках профессионального самосознания в разных профессиональных группах на примере психологов-консультантов и IT-специалистов. На основании проведенного эмпирического исследования выделены проблемные зоны в развитии профессиональной идентичности, предложены рекомендации по формированию профессиональной идентичности для специалистов данных профессиональных групп.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, профессиональная идентичность, профессиональное самоотношение, самооценка, саморегуляция.

Для цитирования: Жарких Н.Г., Костыря С.С. Сравнительный анализ структуры профессиональной идентичности в разных профессиональных группах // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 92-116.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL IDENTITY IN DIFFERENT PROFESSIONAL GROUPS

Zharkih N.G., Kostyrya S.S.

The article is devoted to the study of personal factors in the development of professional self-awareness, psychological aspects of professional activity. The article describes and compares the structure of professional identity in different professional groups. Based on the results of an empirical study, it was concluded that there are differences in the characteristics of professional self-awareness in different professional groups using the example of consulting psychologists and IT specialists. Based on the conducted empirical research, problem areas in the development of professional identity have been identified, and recommendations on the formation of professional identity for specialists of these professional groups have been proposed.

Keywords: professional self-awareness, professional identity, self-assessment, self-perception, self-evaluation, self-control.

For citation: Zharkih N.G., Kostyrya S.S. Comparative analysis of the structure of professional identity in different professional groups. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 92-116. (In Russ.)

В условиях растущих нагрузок и трансформации ценностей многие профессии уходят в прошлое, их заменяют современные технологии, но есть такие профессии, которые только укрепляют свои позиции, требуя новых подходов и постоянного развития.

Профессиональное самосознание – это «зеркало», в котором специалист видит себя через призму своей деятельности. Оно влияет на мотивацию, эффективность и устойчивость в профессии. Развитое профессиональное самосознание балансирует между адекватной самооценкой, критичностью к своим слабостям и стремлением к развитию. Его формирование требует не только внешних достижений, но и внутренней работы: принятия своих профессиональных достоинств и недостатков, умения учиться на ошибках и сохранять веру в свои силы даже в сложных условиях. Согласно А.А. Деркач, «профессиональное сознание – динамическая система, объединяющая знания, ценности и поведенческие паттерны, которые позволяют специалисту эффективно функционировать в своей сфере. Оно служит основой для профессионального роста, адаптации к изменениям и преодоления этических дилемм» [10, с. 182]. Кроме того, профессиональное самосознание часто рассматривается как психологическая составляющая профессионального становления и развития.

Профессиональное самосознание активно развивается в процессе профессиональной социализации, когда специалист принимает нормы и ценности профессии, чтобы присвоить их и действовать в соответствии с ними. В ходе этого процесса специалист развивает и усваивает профессиональную идентичность путем приобретения определенных знаний, навыков, установок, убеждений, ценностей и норм для выполнения будущей профессиональной роли. Это приводит к индивидуальным взглядам и чувствам в отношении своей работы профессии, а также психологическому состоянию, которое определяет характер профессионального поведения. Специалисты с развитой профессиональной идентичностью обычно ощущают чувство гордости, цели и преданности своей профессии, что содействует к большей вовлеченности, удовлетворенности трудом и реализации в своей работе [8, с. 51].

Профессиональное самосознание влияет на поведение через профессиональные стандарты, помогает приспособиться к изменениям в профессии, поддерживает чувство принадлежности к профессиональной группе, обеспечивает формирование профессиональных целей стремлений.

Феномен профессионального самосознания в психологии изучали А.А. Ангеловский, Н.М. Бороздинец, А.А. Деркач, О.А. Елдышова, К. В. Карпинский, А.М. Рикель и др. Факторы, влияющие на развитие профессионального самосознания, рассматривали Е.А. Климов, Ю. В. Лисичкина, А. А. Тихонова, М.Л. Хуторная, Л.Б. Шнейдер. Особенности профессиональной деятельности психолога-консультанта в своих работах затрагивали С.В. Манахов, П.А. Родина, К.А. Солдатенко, А.В. Щиглинская, Г.Д. Эмирбекова и др. Вместе с тем, проблема специфики профессионального самосознания в современной психологии остается недостаточно освещенной.

Профессиональное сознание в психологии представляет собой комплексное явление, отражающее осознание человеком своей принадлежности к определенной профессии, включая усвоение ее норм, ценностей, целей и ролевых моделей. Оно формируется в процессе профессиональной социализации и влияет на восприятие специалистом своей деятельности, коллег и себя в профессиональном контексте [3, с. 209].

В структуре профессионального сознания выделяют следующие компоненты: когнитивный: знания о профессии, представления о себе как специалисте; эмоционально-ценностный, включающий: отношение к профессии, чувство гордости, ответственность; поведенческий: готовность действовать в соответствии с профессиональными нормами [1, с. 118].

Другой подход к рассмотрению структуры профессионального самосознания предлагают А. А. Деркач и О. В. Москаленко. Ими выделяются следующие функциональные и структурные компоненты профессионального самосознания: когнитивный (самопознание); мотивационный, реализующийся в самоактуализации; эмоциональный (самопонимание), операциональный, который реализуется в саморегуляции [10, с. 158].

Интегральным компонентом профессионального самосознания личности является Я-образ, включающий в себя ряд элементов, составляющих профессиональное сознание. Согласно И.А. Курочкиной, «образ Я выполняет следующие функции: организация информации: самосхемы структурируют опыт; прогнозирование: на основе образа Я человек предсказывает свои реакции; регуляция поведения – конструкты и схемы направляют действия; защита профессиональной самооценки – игнорирование информации, противоречащей позитивному образу Я» [19, с. 103].

Профессиональный образ Я – это совокупность представлений человека о себе, включающая физические, эмоциональные, социальные и интеллектуальные характеристики. Это описательная часть самооценки, тесно связанная с самосознанием (осознанием себя как личности) и идентичностью (чувством принадлежности к группам или ролям). Как отмечает А.Н. Аникин, «содержательно-структурные характеристики образа-Я могут быть осознанными и слабо осознанными, дифференцированными и недифференцированными, обоснованными и необоснованными». Как правило, они ситуативны и изменчивы. По сути, образ-Я состоит из совокупности качественных характеристик, посредством которых субъект дает себе описание и оценку [2, с. 125].

Н.М. Бороздинец выделяет следующие функции профессионального самосознания:

- регулятивная: управление поведением через профессиональные стандарты и нормы;
- адаптивная: помощь в приспособлении к изменениям в профессии;
- идентификационная: поддержание чувства принадлежности к профессиональной группе;
- мотивационная: формирование профессиональных целей и карьерных стремлений [4, с. 203].

Согласно О.А. Елдышевой, профессиональное самосознание формируется в ходе обучения взаимодействия с коллегами через такие механизмы, как профессиональное образование, наставничество, участие в профессиональных

сообществах под влиянием корпоративной культуры, требований к профессии [12, с. 102].

В современной психологии профессиональное самосознание рассматриваются наряду с такими феноменами, как профессиональная идентичность, профессиональное самоотношение [25, с. 5].

Профессиональная идентичность в психологии – это устойчивое представление человека о себе как о профессионале, включающее осознание своей принадлежности к определённой профессии, усвоение её ценностей, норм, ролей и специфических задач. Это важный аспект личностного самоопределения, который формируется в процессе профессионального становления и влияет на качество деятельности, удовлетворённость работой и взаимодействие с коллегами. «Профессиональная идентичность рассматривается как конструкция рассматривается ученым в качестве самотеории, отражающей совокупность представлений о себе, которая лежит в основе интерпретации и осмыслении жизненного опыта» [13, с. 242].

Согласно С.Х. Шух, профессиональная идентичность состоит из индивидуальной личности и принадлежности к социальным группам. Эта принадлежность оказывает решающее влияние на восприятие себя и влияет на поведение, отношения и самооценку. Как правило, люди стремятся к положительной самооценке, что в некоторой степени определяется принадлежностью к профессиональному контексту [37, с. 148].

П.Дж. Берк и Дж.Э. Стец считают, что профессиональная идентичность – набор значений, связанных с личностью, выступающих ориентиром для профессиональных действий. Когда восприятие людьми самозначимых значений ситуаций не совпадает с их собственными представлениями о личности, они склонны предпринять попытки по изменению ситуации для реализации проверки личности. При этом, возможность действий ограничивается их приверженность идентичности, как правило, больше усилий прилагается, когда индивид более предан своей идентичности. Реализуя свою профессиональную свободу действий, индивид может активно применять различный опыт и ресурсы для изменения ситуации, приведения внешнего самосознания в соответствие со значениями своей внутренней идентичности [34, с. 216].

В модели Э.Дж. Порфели профессиональная идентичность рассматривается как категория, состоящая из шести измерений и трех процессов формирования идентичности, таких как: поиск карьеры, стремление к карьере и пересмотр карьеры. Каждый процесс содержит два измерения. Исследование карьеры предполагает всестороннее и углубленное изучение, направленное на определение общих характеристик личности и возможных профессий, соответствующих этим характеристикам, путем глубокого самоанализа. Карьерная приверженность включает принятие решения о карьерном пути (принятие карьерных обязательств) и следование этому выбору (идентификация с карьерными обязательствами); Пересмотр карьеры проявляется в критическом анализе предыдущих карьерных обязательств (карьерная неуверенность в себе) и сравнении доступных вариантов, чтобы найти наиболее подходящий (гибкость обязательств) [36, с. 859].

Профессиональное самоотношение в психологии – это система эмоционально-оценочных представлений человека о себе как о профессионале, включающая отношение к своим профессиональным качествам, достижениям, компетенциям и роли в профессиональной среде. Оно отражает степень удовлетворённости собой в контексте трудовой деятельности, уровень профессиональной уверенности и готовность к саморазвитию [28, с. 484].

В структуре профессионального самоотношения выделяют: когнитивный компонент (осознание своих профессиональных навыков, знаний и ограничений, понимание соответствия личных качеств требованиям профессии), эмоциональный (чувства, связанные с профессиональной деятельностью: гордость, стыд, разочарование, удовлетворённость), уровень профессиональной самооценки, поведенческий компонент: готовность проявлять инициативу, брать на себя ответственность, склонность к самокритике или самозащите в рабочих ситуациях), ценностно-мотивационный компонент: восприятие профессии как значимой части жизни, стремление к профессиональному росту [30, с. 90].

Согласно К.В. Карпинскому, функциями профессионального самоотношения выступают: регулятивная: управление поведением через внутренние стандарты; мотивационная: формирование стремления к достижениям или, наоборот, избегание сложных задач из-за неуверенности; адаптивная: помощь в преодолении профессиональных трудностей и стрессов; рефлексивная: анализ своих успехов и ошибок, корректировка профессиональной траектории; защитная: сохранение позитивного образа «Я-профессионала» в условиях неудач [15, с. 84].

Таким образом, профессиональное самосознание – комплексное личностное образование, включающее знания о профессии, представления о себе как специалисте, отношение к профессии, чувство гордости и самооценка себя как профессионала, готовность действовать в соответствии с профессиональными нормами. Профессиональное самосознание влияет на поведение через профессиональные стандарты, помогает приспособиться к изменениям в профессии, поддерживает чувство принадлежности к профессиональной группе, обеспечивает формирование профессиональных целей и карьерных стремлений.

Развитие профессионального самосознания происходит через социальные взаимодействия, но также содержат в себе размышления и действия на основе обратной связи по мере развития ролей и обязанностей в профессиональном сообществе. Большая роль в развитии профессионального самосознания принадлежит социальному окружению (коллеги, профессиональные сообщества, корпоративная культура), внешним вызовам (изменения в профессии, кризисы, конкуренция), личностным качествам (самооценка, направленность личности, рефлексивность, мотивация) [14, с. 647].

Согласно Н.Г. Качаловой, на профессиональное самосознание могут влиять: опыт и достижения: успехи и провалы в работе напрямую влияют на самооценку; обратная связь: оценки коллег, руководителей, клиентов (например, похвала или критика); сравнение с другими: сопоставление своих результатов с достижениями коллег или эталонными профессионалами; личностные особенности: перфекционизм, тревожность, уровень притязаний [16, с. 351].

По мнению О.Н. Полчаниновой, «психологическими детерминантами профессионального самосознания выступают:

— субъективные характеристики личности: профессиональная направленность, как важнейший субъективный фактор осознания личности – субъекта профессиональной деятельности;

— профессиональная мотивация, относящаяся к регулятивным компонентам психического функционирования, которые придают ему внутреннюю, субъективную окраску;

—удовлетворенность трудом, позволяющая субъекту труда почувствовать личностную значимость за счет признания обществом важности результатов его деятельности» [24, с. 10].

В качестве личностных факторов развития профессионального самосознания Л.Б. Шнейдер в своих работах называет следующие: профессиональная самопрезентация как наличие собственного профессионального образа, профессиональные ценности, установки, стереотипы, положительный фон при знакомстве со своей профессией, позитивное восприятие себя в качестве субъекта профессиональной деятельности, принятие собственной принадлежности к профессиональному сообществу или группе, степень ответственности и ответственного поведения, уровень личностного развития, а также стремление к самореализации в выбранной профессиональной сфере [31].

Исследования показали, что наличие высокой самооценки влияет на профессиональное самосознание и стимулирует специалистов сохранять позитивный взгляд на карьеру. При этом, самооценка оказывает косвенное влияние на карьерные устремления через устойчивость и ориентацию на будущее. Самооценка может помочь развить психологическую устойчивость и способности, что будет способствовать их хорошей ориентации на будущее, что, в свою очередь, приводит к развитию более высокого уровня карьерных устремлений. Самооценка – важный атрибут, который увеличивает силу личности или убеждений, что связано со способностью человека достигать своих целей и добиваться успеха в карьере [35, с. 10].

Ряд авторов указывают на связь самооценки и профессионального самосознания (Е.А. Куба, А.И. Жигар, М.В. Овчинников). Самооценка и профессиональное самосознание взаимосвязаны: первая влияет на восприятие себя как профессионала, а второе формирует критерии для оценки своих компетенций. Высокая самооценка укрепляет уверенность в профессиональных решениях, помогает объективно оценивать свои знания и навыки, поддерживает мотивацию к развитию, даже в условиях профессиональных кризисов. Самооценка и профессиональное самосознание образуют петлю обратной связи. Здоровая самооценка помогает адекватно оценивать свои профессиональные качества, а развитие самосознания укрепляет уверенность в себе [18].

Другие авторы подчеркивают роль саморегуляции в развитии профессионального сознания. По мнению Ю.В. Лисичкиной, саморегуляция – это «стержень», на котором держится профессиональное сознание, так как она обеспечивает баланс между эмоциями и рациональностью, краткосрочными реакциями и долгосрочными целями. Саморегуляция отражает способность управлять эмоциями, поведением и когнитивными процессами для достижения целей. В контексте профессионального сознания она играет ключевую роль, обеспечивая осознанность, адаптивность и соответствие этическим нормам. Развивая саморегуляцию, специалист не только повышает свою эффективность, но и глубже осознаёт свою миссию в профессии [23, с. 78].

Развитая саморегуляция осуществляет контроль над эмоциональными реакциями в стрессовых ситуациях, фокусирует специалиста на задачах и избегание отвлекающих факторов, предполагает сопротивление импульсивным действиям и соблюдение норм, участвует в планировании и коррекции действий для достижения профессиональных целей. «Саморегуляция укрепляет профессиональную идентичность, позволяя: сохранять верность ценностям профессии даже под давлением, осознанно принимать решения, соответствующие роли» [6, с. 98].

Фактором развития профессионального сознания может выступать перфекционизм – стремление к безупречности, установка завышенных стандартов и критичное отношение к собственным ошибкам. Он играет неоднозначную роль в профессиональном самосознании. С одной стороны, он может мотивировать к развитию, с другой – провоцировать выгорание и искажать восприятие своих компетенций [7, с. 17].

Д.А. Леонтьев выделяет 4 группы личностных ресурсов, которые могут повлиять на развитие профессионального самосознания:

1. Психологические ресурсы устойчивости. Речь идет о жизненной удовлетворенности, осмысленности жизни, субъективной витальности, базовых убеждениях, чувстве связности. Эти ресурсы поддерживают в субъекте адекватную самооценку, дают чувство опоры, уверенность в принятии решений.

2. Психологические ресурсы саморегуляции. Сюда автор отнес: самоэффективность, локус контроля, жизнестойкость, оптимизм, рефлекссию, толерантность к неопределённости, готовность рисковать, каузальные ориентации. Эти феномены позволяют индивиду выстраивать взаимодействие со средой, гибко менять свое поведение в сложных ситуациях.

3. Мотивационные ресурсы – мотивационная ориентация, субъективная витальность, которые выполняют функцию энергетического обеспечения действий при преодолении стрессовой ситуации.

4. Инструментальные ресурсы – способности, компетенции, навыки, психологическая защита, способы реагирования и др. [22, с. 41].

Фактором развития профессионального самосознания может выступать позитивное мышление – когнитивный позитивный настрой, который фокусируется на оптимизме и нацелен на положительные результаты. Также оно выступает как процесс, который фокусируется на оптимистической стороне реальности, создавая обнадеживающие образы. Позитивное мышление приводит к положительным эмоциям, более адаптивному поведению и лучшему решению проблем, способствует улучшению психологического здоровья [33, с. 1082].

Позитивное мышление содержит в себе оптимистичное отношение, которое проявляется в мыслях, действиях, чувствах и словах. Позитивный психологический настрой у специалиста позволяет мыслям направлять его к личностному росту, расширению кругозора и профессиональной самореализации. Оно обладает разными эффектами, включая положительные чувства, эмоции, улучшение поведенческих качеств и навыков решения проблем. Более того, такое мышление может снизить неблагоприятные последствия профессионального стресса и привести к более успешному выполнению своих обязанностей. Специалисты с позитивным мышлением менее уязвимы к стрессовым обстоятельствам, что позволяет им лучше справляться с ситуацией, чем люди с негативными мыслями. Также специалисты с позитивным мышлением склонны создавать и достигать новых профессиональных целей в жизни, считать свою профессиональную карьеру более успешной [33, с. 1085].

Внутренняя мотивация не менее важна для развития профессионального самосознания. Как отмечает Г.В. Ганина, внутренняя мотивация – это стремление заниматься деятельностью ради неё самой, из личного интереса, удовольствия или ощущения смысла. В контексте профессионального самосознания она становится ключевым драйвером, формирующим устойчивое восприятие себя как профессионала, стимулирующим развитие и помогающим преодолевать кризисы [9, с. 20].

Внутренняя мотивация – это «топливо» профессионального самосознания. Она превращает работу в источник самореализации, укрепляет идентичность и помогает сохранять устойчивость в меняющихся условиях. Ее развитие требует не только внешних возможностей, но и внутренней работы: поиска смыслов, осознания ценностей и регулярной рефлексии. Внутренние стимулы (интерес, азарт, самореализация) формируют устойчивое представление «Я – профессионал». Специалист с внутренней мотивацией легче справляется с неудачами, так как видит в них вызов для роста, а не угрозу [29, с. 87].

Таким образом, личностные факторы профессионального самосознания – это индивидуальные особенности человека, которые влияют на формирование, развитие и содержание его представлений о себе как о профессионале. Они определяют, как человек воспринимает свои профессиональные роли, оценивает компетенции, адаптируется к изменениям и выстраивает отношения в рабочей среде. Эти факторы включают: самооценку, уровень притязаний, мотивацию, перфекционизм, направленность личности, саморегуляция, рефлексивность, позитивное мышление.

Целью нашего пилотного исследования стало выявление специфики профессионального самосознания у специалистов разных профессиональных групп, на примере психологов-консультантов и IT-специалистов. Данные группы профессий были выбраны не случайно, так как именно эти специалисты востребованы на современном рынке труда.

Профессия «психолог-консультант» относится к категории помогающих, где преобладает социальный интерес, интерес к другому человеку, к взаимодействию с другими людьми, желанию им помогать. Основным инструментом его работы – это вербальное и невербальное общение с клиентом в индивидуальной или групповой форме. Он должен демонстрировать умение слушать и задавать вопросы, поддерживать психологический контакт, помочь клиенту справиться с его внутренними проблемами и переживаниями [11, с. 45].

Профессиональная деятельность психолога предполагает оказание психологической помощи другим людям. Результатом профессиональной деятельности психолога является реконструированный внутренний мир клиента, обеспечивающий ему психологически комфортное состояние. Основным средством процесса преобразования выступает личность самого психолога с ее уникальностью и жизненной историей [32, с. 129].

Специфику профессиональной деятельности психолога-консультанта можно определить, если сравнить ее с деятельностью других категорий специалистов.

Второй группой для исследования (сравнения) стала группа IT-специалистов. Программист – это специалист, занимающийся разработкой и корректировкой программного обеспечения для компьютеров и других вычислительных устройств. Программирование как вид профессиональной деятельности требует высокой квалификации от специалиста и является сложной задачей. Как отмечает А.Б. Ваньков, профессиональный программист – это человек, который с большой преданностью подходит к своей работе, часто работая без усталости над созданием сложных алгоритмов, не отрываясь от экрана компьютера [5, с. 34].

Многие из задач, которые решают сотрудники IT-сферы, требуют решения проблем. Как отмечает В.С. Русанова, в частности, разработчикам программного обеспечения необходимо планировать стратегии, чтобы найти возможное решение данной проблемы или генерировать множество творческих и инновационных идей. Следовательно, среди многих навыков, необходимых для осуществления

профессиональной деятельности, программисты должны обладать высокими аналитическими навыками решения проблем и творческим подходом [27, с. 141].

Сетевой администратор, как и программист, в основном занимается настройкой и конфигурацией программных систем, а также решением проблем, возникающих как на серверах, так и на компьютерах сотрудников компании. В дополнение к работе с программным обеспечением, он управляет настройками сетевого оборудования, оптимизирует работу сетевых устройств и решает вопросы, связанные с использованием оборудования и взаимодействием с интернет-провайдером. Следовательно, для данной профессии важно критическое мышление [27, с. 142].

К деятельности сотрудников IT-сферы предъявляются высокие требования к их профессионализму. В частности, Е.А. Климов утверждает, что для людей, работающих в профессии типа «Человек - Техника», ключевыми являются такие качества, как деловитость, эмоциональная сдержанность, способность работать самостоятельно, иногда с минимальными контактами с коллегами, а также аккуратность и добросовестность. Представители этой профессии взаимодействуют с техникой, используют логическое и образное мышление для решения проблем и работы с объектами в пространстве. В профессии программиста наибольшее соответствие этому типу имеет должность сетевого администратора. Также Е.А. Климов выделяет профессии типа «Человек - Знаковая система», для которых важны такие качества, как аккуратность, эмоциональная устойчивость, усидчивость, систематичность и способность строго следовать многочисленным правилам. Программисты, сетевые администраторы и системные аналитики входят в эту категорию, так как все они используют искусственные языки программирования для разработки программ и сценариев [17, с. 87].

Сотрудники в сфере IT обладают рядом психологических особенностей, которые в значительной степени обусловлены спецификой их работы. Одной из ключевых черт является склонность к системному и логическому мышлению, а также умению решать сложные задачи, что связано с необходимостью разработки и оптимизации программного обеспечения. В то же время их профессиональная деятельность часто требует высокого уровня концентрации, усидчивости и внимания к деталям, что может приводить к переутомлению и стрессу [20, с. 108].

Важной особенностью является склонность к интроверсии, так как работа в IT-сфере часто предполагает длительное нахождение в одиночестве за компьютером. В связи с этим они могут быть менее ориентированы на межличностное общение и социальные взаимодействия. Однако это не исключает наличия хороших коммуникативных навыков, особенно в коллективе, где ценится способность к сотрудничеству в решении общих задач [21, с. 45].

Сотрудники в этой области часто имеют высокий уровень самоорганизации и дисциплины, что позволяет им справляться с большими объемами работы и соблюдением сроков. В то же время высокая степень ответственности и перфекционизма могут приводить к тревожности, особенно при необходимости постоянно осваивать новые технологии и работать с высокими требованиями к результату [26, с. 150].

В отличие от IT-специалистов, которые работают с техническими системами: кодом, алгоритмами, данными, психологи-консультанты работают с людьми: их эмоциями, переживаниями, внутренними конфликтами.

Таким образом, профессиональная деятельность психолога заключается в работе с актуальными психическими состояниями, переживаниями и другими

асpekтами внутреннего мира человека. Ключевыми качества психолога-консультанта являются: эмпатия, эмоциональный интеллект, терпение, толерантность к неопределённости, рефлексия, умение отделять личное от профессионального, коммуникабельность. Профессии психолога-консультанта и IT-специалиста существенно различаются по содержанию, требованиям к личности, уровню эмоциональной вовлеченности. Однако, обе профессии требуют высокой квалификации, адаптивности и постоянного развития, специфических личностных качеств, но выбор между ними зависит от индивидуальных предпочтений: работа с человеческими эмоциями или решение технических задач.

Мы предположили, что существуют различия в характеристиках профессионального самосознания у психологов-консультантов и IT-специалистов. В частности, для психологов-консультантов более характерна самоуверенность в профессии и самооценка личностного роста, гибкость и уровень саморегуляции поведения, а для IT-специалистов характерна внутренняя конфликтность и самопривязанность в профессии, но также выражены способности к планированию своей деятельности. Также, видимо существуют различия в структуре взаимосвязей между различными компонентами профессионального самосознания.

Теоретико-методологической базой исследования послужили: - подходы к изучения профессионального самосознания Л.Б. Шнейдер, К.В. Карпинского, А.М. Кольшко; подход к изучению личности Г.Н. Казанцевой, В.И. Моросановой.

Для решения задач исследования применялись следующие методики:

1. Методика изучения профессиональной идентичности (МИПИ) (Л.Б. Шнейдер).
2. Опросник профессионального самоотношения личности (К.В. Карпинский, А.М. Кольшко).
3. Методика «Диагностика общей самооценки личности» Г.Н. Казанцевой.
4. Опросник «Стиль саморегуляции поведения (В.И. Моросанова).

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы «STATISTICA» v. 12.0. Для выявления различий между группами использовался критерий U-Манна-Уитни. Для выявления взаимосвязи между переменными применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Эмпирической базой исследования стала выборка из 60 человек: 30 психологов-консультантов и 30 IT-специалистов в возрасте 28-40 лет. Стаж работы респондентов – от 1 года до 8 лет, из них 46,7% мужчин и 53,3% женщин. Среди опрошенных 40% имеют стаж от 1 до 4 лет и 60% – от 4 до 8 лет.

Процедура исследования: исследование проводилось в групповой форме в письменном виде. Респондентам были предложены бланки ответов для заполнения, вслух была зачитана инструкция. После заполнения опросников был собран и обработан эмпирический материал.

Результаты диагностики профессиональной идентичности у психологов-консультантов и IT-специалистов отражены на рисунке 1.

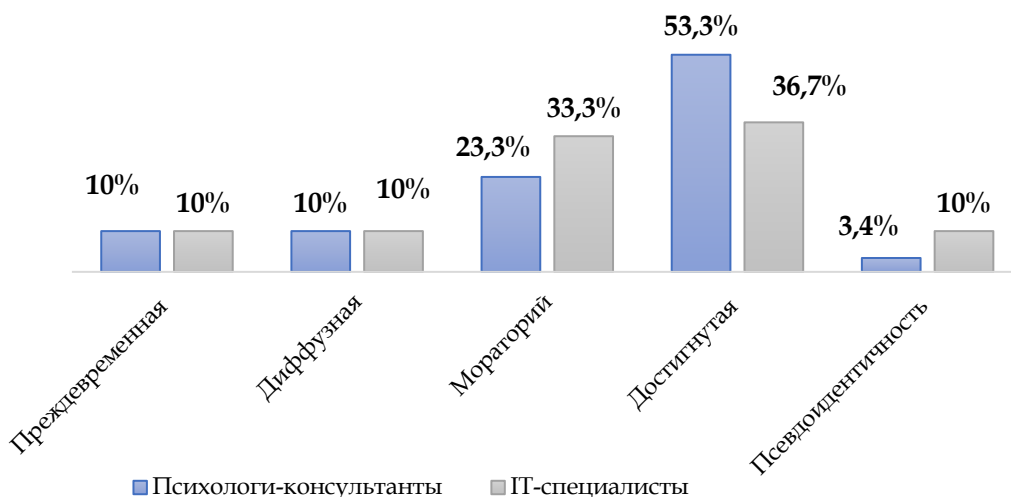

Рисунок 1. Статус профессиональной идентичности у психологов-консультантов и IT-специалистов

Как видно на рисунке 1, статус моратория выявлен у 23,3% психологов-консультантов и 33,3% IT-специалистов. Для этих респондентов характерна повышенная личностная тревожность на фоне высокого интеллекта, наличие жизненного и профессионального интереса. Они в связи с переживанием кризиса идентичности активно стремятся к дальнейшему профессиональному саморазвитию.

Достигнутая позитивная идентичность характерна для 53,3% психологов-консультантов и 36,7% IT-специалистов. Эти респонденты отличаются позитивным самоотношением к себе как профессионалу, положительно оценивают свои качества и отношения с социумом. В основе их идентичности лежат сформированные цели, ценности и убеждения, которые в совокупности обеспечивают смысл жизни. Их отличает развитая самореферентность, основанная на переживании уникальности собственному жизненному пути и личностных качеств, принадлежности социальной действительности.

Псевдоидентичность выявлена у 3,3% психологов-консультантов и 10% IT-специалистов. Эти сотрудники, оценивая себя как профессионала, отрицают собственную уникальность либо завышают свою значимость. Этому сопутствует ригидная Я-концепция, острое неприятие критики от других, низкая рефлексия.

Таким образом, большая часть психологов-консультантов и IT-специалистов характеризуются достигнутой позитивной идентичностью – они отличаются позитивным самоотношением к себе как профессионалу, положительно оценивают свои качества и отношения с социумом, имеют сформированные цели, ценности и убеждения, которые в совокупности обеспечивают смысл жизни.

С помощью критерия U-Манна-Уитни выявлены достоверные различия между показателями профессиональной идентичности у психологов-консультантов и IT-специалистов. Изучение достоверных различий показало, что статус профессиональной идентичности выше в группе психологов-консультантов ($U_{\text{эмп}} = 300$; $p \leq 0,05$).

Таким образом, у психологов-консультантов более развита самореферентность, основанная на переживании уникальности собственному жизненному пути и личностных качеств, принадлежности социальной действительности в форме конкретных ситуаций и взаимоотношений, позитивное отношение к себе как

профессионалу, оценка своих личностных качеств и отношений с социумом, ощущение себя частью своей профессиональной группы, ответственность за построение своего профессионального будущего, чем у IT-специалистов.

Результаты исследования профессионального самоотношения у психологов-консультантов и IT-специалистов представлены на рисунке 2.

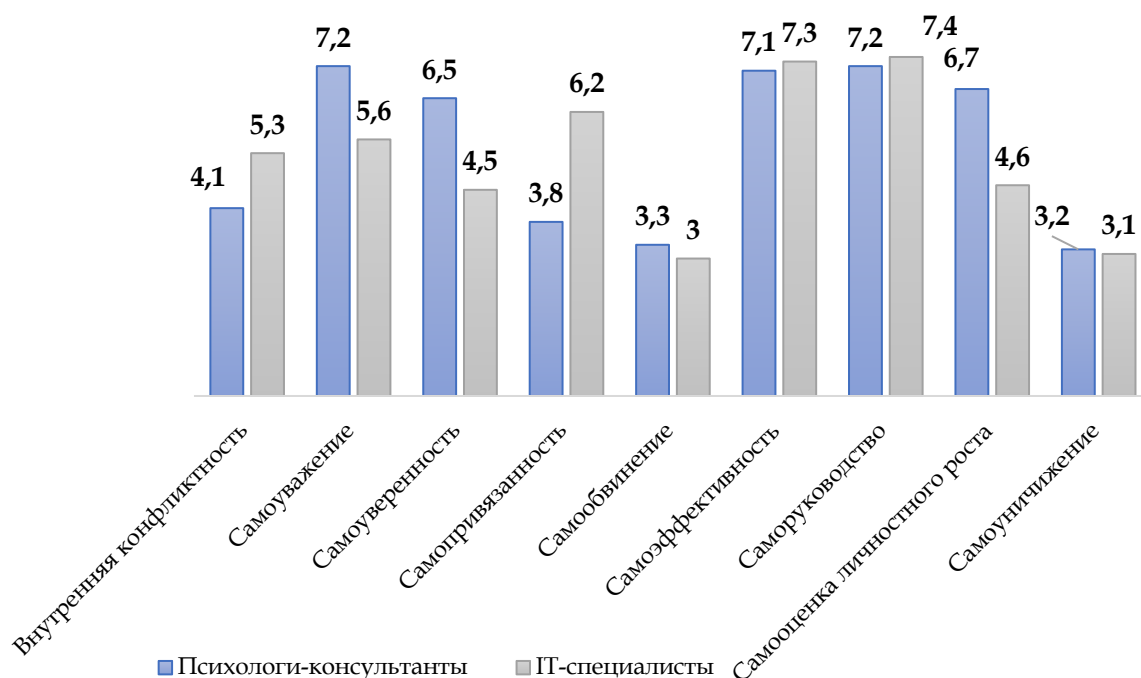

Рисунок 2. Выраженность профессионального самоотношения у психологов-консультантов и IT-специалистов (среднее значение)

Таким образом, у психологов-консультантов ярко выражено чувство глубокого уважения к себе, субъективной удовлетворенностью результатами становления и реализации в профессии, а также склонность осознавать свои личностные качества как предпосылки для профессиональных успехов, а профессиональные успехи превращать в импульсы прогрессивного личностного развития. У них умеренно выражено чувство внутренней противоречивости, отношение к себе как добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде, самооценка личностного роста в профессии. У психологов-консультантов слабо выражена самопривязанность, самообвинение и самоуничижение. У IT-специалистов умеренно выражено ощущение внутренней противоречивости, чувство уважения к себе, уверенность в собственной профессиональной компетентности, стремление сохранить самооценку, самозффективность и саморуководство, способность к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде, оценка готовности к личностному росту. Их также характеризует слабая самопривязанность, самообвинение и самоуничижение.

Сравним показатели профессионального самоотношения у психологов-консультантов и IT-специалистов с помощью критерия U-Манна-Уитни (таблица 1).

Таблица 1. Оценка различий между показателями профессионального самоотношения у психологов-консультантов и IT-специалистов

Шкалы	Среднее значение в группе психологов-консультантов	Среднее значение в группе IT-специалистов	Uэмп	уровень значимости
Внутренняя конфликтность	4,1	5,3	279,0	$p \leq 0,01$
Самоуважение	7,2	5,6	276,0	$p \leq 0,01$
Самоуверенность	6,5	4,5	220,0	$p \leq 0,01$
Самопривязанность	3,8	6,2	194,0	$p \leq 0,01$
Самообвинение	3,3	3	400,0	$p > 0,05$
Самозффективность	7,1	7,3	422,5	$p > 0,05$
Саморуководство	7,2	7,4	416,0	$p > 0,05$
Самооценка личностного роста	6,7	4,6	197,5	$p \leq 0,01$
Самоуничтожение	3,2	3,1	436,0	$p > 0,05$
Общий показатель	5,5	5,2	334,0	$p > 0,05$

Изучение достоверных различий показало:

- внутренняя конфликтность выше у IT-специалистов ($U_{\text{эмп}} = 279$; $p \leq 0,01$). Так, у IT-специалистов более выражено ощущение внутренней противоречивости, амбивалентности профессионального самоотношения, чем у психологов-консультантов;

- самоуважение выше у психологов-консультантов ($U_{\text{эмп}} = 276$; $p \leq 0,01$). У психологов-консультантов более выражено чувство глубокого уважения к себе, субъективной удовлетворенности результатами становления и реализации в профессии, чем у IT-специалистов;

- самоуверенность выше у психологов-консультантов ($U_{\text{эмп}} = 220$; $p \leq 0,01$). У психологов-консультантов более выражена уверенность в собственной профессиональной компетентности, умелости и опытности, чем у IT-специалистов;

- самопривязанность выше у IT-специалистов ($U_{\text{эмп}} = 194$; $p \leq 0,01$). Так, у IT-специалистов более выражено стремление сохранить самооценку и нежелание меняться в лучшую сторону, привязанность к своим личностным характеристикам, чем у психологов-консультантов;

- самооценка личностного роста выше у психологов-консультантов ($U_{\text{эмп}} = 197,50$; $p \leq 0,01$). Это означает, что у психологов-консультантов выше субъективная оценка позитивных изменений в профессии, чем у IT-специалистов.

Таким образом, сравнительный анализ показал: у психологов-консультантов более выражено самоуважение в профессии, самоуверенность в профессии и самооценка личностного роста, а у IT-специалистов внутренняя конфликтность и самопривязанность в профессии.

Результаты исследования самооценки у психологов-консультантов и IT-специалистов представлены на рисунке 3.

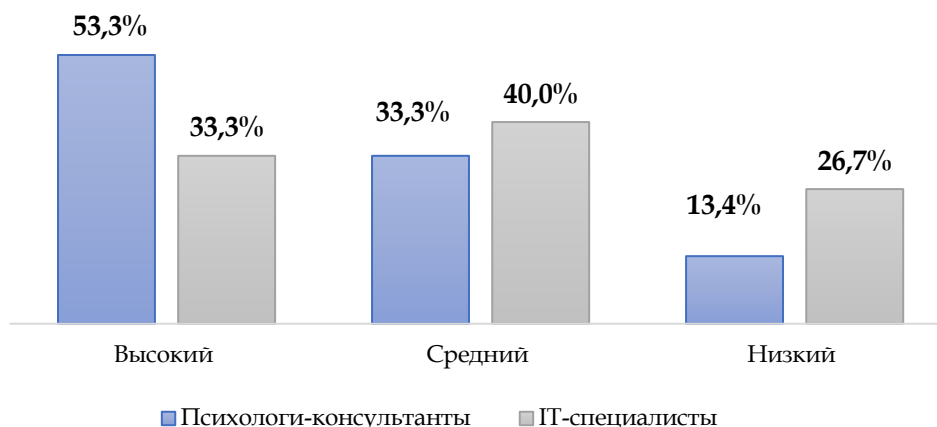

Рисунок 3. Уровень самооценки у психологов-консультантов и IT-специалистов

Из рисунка 3 видно, что высоким уровнем самооценки обладают 56% психологов-консультантов и 32% IT-специалистов. Они уверены в себе и своих способностях, правильно реагируют на замечания других и редко сомневаются в своих действиях, высоко оценивают свои качества. Высокая самооценка обеспечивает уверенность в себе, положительное самовосприятие и удовлетворенность собой, что в свою очередь способствует успешному взаимодействию с окружающими и эффективному выполнению профессиональных задач.

Средняя самооценка выявлена у 32% психологов-консультантов и 40% IT-специалистов. Они имеют адекватные представления о себе, нормативный уровень реалистической оценки своих возможностей, иногда сомневаются в своих действиях, дают умеренную оценку своим качествам.

Низкой самооценкой обладают 12% психологов-консультантов и 28% IT-специалистов. Они не уверены в себе и своих способностях, болезненно переносят критические замечания в свой адрес, считают себя хуже других, часто сомневаются в своих действиях, низко оценивают свои качества.

Таким образом, большая часть психологов-консультантов характеризуется высокой самооценкой – они уверены в себе и своих способностях, высоко оценивают свои качества и возможности, ставят перед собой цели, редко сомневаются в своих действиях, убеждены в правильности своего поведения, высоко оценивают свои качества. Для IT-специалистов характерна преимущественно средняя самооценка, отражающая умеренную оценку собственной личности, критичность по отношению к себе.

Для оценки достоверных различий между показателями самооценки у психологов-консультантов и IT-специалистов был использован критерий Манна-Уитни. Обнаружены достоверные различия между показателями самооценки у психологов-консультантов и IT-специалистов. Так, уровень самооценки выше у психологов-консультантов ($U=286,5$; $p \leq 0,01$).

Это свидетельствует о том, что у психологов-консультантов выше оценка своей личности, позитивное восприятие своих личностных характеристик и моделей поведения, уверенность в себе и своих способностях, самоуважение и самопринятие, чем у IT-специалистов.

Результаты диагностики саморегуляции поведения у психологов-консультантов и IT-специалистов показаны на рисунке 4.

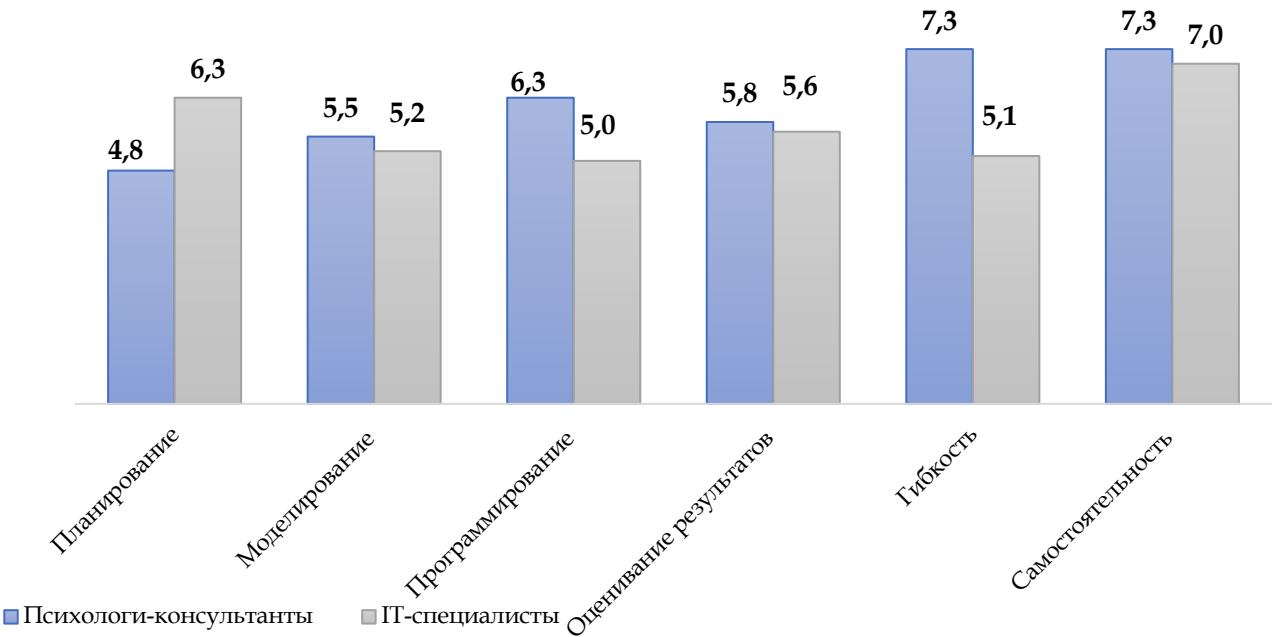

Рисунок 4. Показатели саморегуляции поведения у психологов-консультантов и IT-специалистов (среднее значение)

Из рисунка 4 следует, что для психологов-консультантов характерна высокая степень регуляторной автономности, способности проявлять самостоятельную активность при планировании действий, умении осуществлять самоорганизацию для достижения цели, контроль и оценку полученных результатов, способности к коррекции своего поведения и внешних условий его реализации. У них умеренно развиты способности к выдвижению и удержанию ориентиров и целей, потребности и способности к осознанному планированию своих действий, способности к осознанному программированию собственных моделей поведения, умение видеть расхождения между целями и результатами, а также анализировать возможные причины подобного расхождения. У IT-специалистов высоко развита гибкость, умеренно выражены все остальные регуляторные процессы.

Сравним показатели саморегуляции поведения у психологов-консультантов и IT-специалистов с помощью критерия U-Манна-Уитни (таблица 2).

Таблица 2. Оценка различий между показателями саморегуляции поведения у психологов-консультантов и IT-специалистов

Шкалы	Среднее значение в группе психологов-консультантов	Среднее значение в группе IT-специалистов	Uэмп	уровень значимости
Планирование	4,8	6,3	271,0	p≤0,01
Моделирование	5,5	5,2	419,5	p>0,05
Программирование	6,3	5,0	306,0	p≤0,01
Оценивание результатов	5,8	5,6	426,0	p>0,05
Гибкость	7,3	5,1	193,0	p≤0,01
Самостоятельность	7,3	7,0	252,5	p≤0,01

Общий показатель саморегуляции поведения	4,8	6,3	279,0	$p \leq 0,01$
--	-----	-----	-------	---------------

Изучение достоверных различий показало: у психологов-консультантов более развиты способности к программированию, гибкость, самостоятельность и уровень саморегуляции поведения, а у IT-специалистов – способности к планированию своей деятельности.

Для выявления взаимосвязи профессионального самосознания и личностных особенностей психолога-консультанта был осуществлен корреляционный анализ с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена (таблица 3).

Таблица 3. Статистически значимые показатели взаимосвязи профессионального самосознания и личностных особенностей психолога-консультанта

Взаимосвязь параметров	Коэффициент Спирмена	Уровень значимости
Уровень самооценки и Статус профессиональной идентичности	0,52	$p \leq 0,05$
Уровень самооценки и Самоуважение в профессии	0,55	$p \leq 0,05$
Уровень самооценки и Самоуверенность в профессии	0,50	$p \leq 0,05$
Уровень самооценки и Самоэффективность в профессии	0,53	$p \leq 0,05$
Уровень самооценки и Внутренняя конфликтность в профессии	-0,46	$p \leq 0,05$
Уровень самооценки и Самообвинение в профессии	-0,48	$p \leq 0,05$
Планирование и Самоуверенность в профессии	0,47	$p \leq 0,05$
Планирование и Саморуководство в профессии	0,45	$p \leq 0,05$
Планирование и Самооценка личностного роста	0,48	$p \leq 0,05$
Моделирование и Самоэффективность в профессии	0,51	$p \leq 0,05$
Моделирование и Саморуководство в профессии	0,44	$p \leq 0,05$
Моделирование и Самоуважение в профессии	0,47	$p \leq 0,05$
Программирование и Самооценка личностного роста	0,49	$p \leq 0,05$
Программирование и Самопривязанность в профессии	-0,46	$p \leq 0,05$
Оценивание результатов и Самоэффективность в профессии	0,51	$p \leq 0,05$
Оценивание результатов и Самоуважение в профессии	0,47	$p \leq 0,05$
Гибкость и Самоуверенность в профессии	0,49	$p \leq 0,05$
Гибкость и Саморуководство в профессии	0,48	$p \leq 0,05$
Гибкость и Самооценка личностного роста	0,50	$p \leq 0,05$
Гибкость и Самопривязанность в профессии	-0,45	$p \leq 0,05$
Самостоятельность и Самоуверенность в профессии	0,49	$p \leq 0,05$
Самостоятельность и Саморуководство в профессии	0,48	$p \leq 0,05$

В ходе корреляционного анализа были установлены следующие статистически значимые взаимосвязи:

«Уровень самооценки» положительно коррелирует со «статусом профессиональной идентичности» ($r = 0,52$; $p \leq 0,05$), «самоуважением в профессии» ($r = 0,55$; $p \leq 0,05$), «самоуверенностью в профессии» ($r = 0,50$; $p \leq 0,05$), «самоэффективностью в профессии» ($r = 0,53$; $p \leq 0,05$). Чем выше оценка своей личности, тем более развита

самореферентность, основанная на переживании уникальности собственному жизненному пути и личностных качеств, принадлежности социальной действительности, ощущение себя частью своей профессиональной группы, ответственность за построение своего профессионального будущего, субъективная удовлетворенность результатами реализации в профессии, уверенность в собственной профессиональной компетентности, а также вера в достижение профессионального успеха.

С другой стороны, «уровень самооценки» отрицательно коррелирует с «внутренней конфликтностью в профессии» ($r = -0,46$; $p \leq 0,05$), «самообвинением в профессии» ($r = -0,48$; $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что чем выше оценка своей личности, тем ниже ощущение внутренней противоречивости, амбивалентности профессионального самоотношения, склонность осмысливать себя в качестве преграды, помехи для продуктивной трудовой деятельности и карьерной самореализации.

«Планирование» положительно коррелирует с «самоуверенностью в профессии» ($r = 0,47$; $p \leq 0,05$), «саморуководством в профессии» ($r = 0,45$; $p \leq 0,05$), «самооценкой личностного роста» ($r = 0,48$; $p \leq 0,05$). Чем более развиты способности к выдвижению и удержанию ориентиров и целей, потребности и способности к осознанному планированию своих действий, умению автономно ставить реалистичные и устойчивые цели, тем выше уверенность в собственной профессиональной компетентности, отношение к себе как надежному, добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде, субъективная оценка позитивных изменений в профессии.

«Моделирование» положительно коррелирует с «самоэффективностью в профессии» ($r = 0,51$; $p \leq 0,05$), «саморуководством в профессии» ($r = 0,44$; $p \leq 0,05$), «самоуважением в профессии» ($r = 0,47$; $p \leq 0,05$). Чем более развиты способности определять ценные условия достижения целей в различных ситуациях, что предполагает соответствие программ действий и намеченных планов, а также достигнутых результатов выдвинутым целям, тем выше склонность осознавать свои личностные качества как предпосылки для профессиональных успехов, отношение к себе как надежному, добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей, чувство глубокого уважения к себе, субъективной удовлетворенностью результатами становления и реализации в профессии.

«Программирование» положительно коррелирует с «самооценкой личностного роста» ($r = 0,49$; $p \leq 0,05$), отрицательно – с «самопривязанностью в профессии» ($r = -0,46$; $p \leq 0,05$). Чем более развиты способности к осознанному программированию собственных моделей поведения, потребность анализировать способы действий для достижения желаемого результата, тем выше субъективная оценка позитивных изменений в профессии, и ниже стремление сохранить самооценку и нежелание меняться в лучшую сторону, привязанность к своим личностным характеристикам.

«Оценивание результатов» положительно коррелирует с «самоэффективностью в профессии» ($r = 0,51$; $p \leq 0,05$), «самоуважением в профессии» ($r = 0,47$; $p \leq 0,05$). Чем выше степень адекватности самооценки результатов поведения и себя как субъекта деятельности, сформированности личных критериев оценки результатов, тем выше склонность осознавать свои личностные качества как предпосылки для

профессиональных успехов, чувство глубокого уважения к себе, субъективная удовлетворенность результатами реализации в профессии.

«Гибкость» положительно коррелирует с «самоуверенностью в профессии» ($r=0,49$; $p\leq 0,05$), «саморуководством в профессии» ($r=0,48$; $p\leq 0,05$), «самооценкой личностного роста» ($r=0,50$; $p\leq 0,05$), отрицательно – с «самопривязанностью» ($r=-0,45$; $p\leq 0,05$). Чем более развиты способности к коррекции своего поведения и внешних условий его реализации, умение трансформировать внутренние предпосылки поведения цели, тем выше уверенность в собственной профессиональной компетентности, умелости, опытности, отношение к себе как надежному, добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде, субъективная оценка позитивных изменений в профессии, и менее выражено стремление сохранить самооценку и нежелание меняться в лучшую сторону, привязанность к своим личностным характеристикам.

«Самостоятельность» положительно коррелирует с «самоуверенностью в профессии» ($r=0,49$; $p\leq 0,05$), «саморуководством в профессии» ($r=0,48$; $p\leq 0,05$). Это может свидетельствовать о том, что чем выше степень регуляторной автономности, способности проявлять самостоятельную активность при планировании действий, умение осуществлять самоорганизацию для достижения цели, контроль и оценку полученных результатов, тем выше уверенность в собственной профессиональной компетентности, умелости, опытности, отношение к себе как надежному, добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде.

Рисунок 5. Корреляционная плеяда взаимосвязи самооценки и личностных особенностей у психологов-консультантов

Таким образом, в результате корреляционного анализа установлено: чем выше уровень самооценки, тем выше статус профессиональной идентичности, самоуважение, самоуверенность и самоэффективность в профессии. Уровень самооценки, возможно, снижает внутреннюю конфликтность и самообвинение в профессии. Чем более развиты способности к планированию, тем выше самоуверенность, саморукводство, самооценка личностного роста. Более развитые способности к моделированию повышают самоэффективность, саморукводство и самоуважение в профессии. Чем более развиты способности к программированию, тем выше самооценка личностного роста и ниже самопривязанность в профессии. Видимо, более развитые способности к оцениванию результатов повышают самоэффективность и самоуважение в профессии. Высокая гибкость содействует самоуверенности, саморукводству, самооценке личностного роста и препятствует самопривязанности в профессии. Более высокая самостоятельность повышает самоуверенность и саморукводство в профессии.

Также в ходе корреляционного анализа были установлены статистически значимые взаимосвязи профессионального самосознания и личностных особенностей ИТ-специалистов (таблица 4).

Таблица 4. Статистически значимые показатели взаимосвязи профессионального самосознания и личностных особенностей ИТ-специалистов

Взаимосвязь параметров	Коэффициент Спирмена	Уровень значимости
Уровень самооценки и Самоуважение в профессии	0,48	$p \leq 0,05$
Уровень самооценки и Самоуверенность в профессии	0,52	$p \leq 0,05$
Уровень самооценки и Самоэффективность в профессии	0,47	$p \leq 0,05$
Уровень самооценки и Самооценка личностного роста	0,50	$p \leq 0,05$
Планирование и Саморукводство в профессии	0,51	$p \leq 0,05$
Планирование и Самоуверенность в профессии	0,46	$p \leq 0,05$
Моделирование и Самоэффективность в профессии	0,48	$p \leq 0,05$
Моделирование и Самопривязанность в профессии	-0,45	$p \leq 0,05$
Программирование и Самоуверенность в профессии	0,54	$p \leq 0,05$
Программирование и Самопривязанность в профессии	-0,50	$p \leq 0,05$
Оценивание результатов и Самоэффективность в профессии	0,55	$p \leq 0,05$
Оценивание результатов и Самооценка личностного роста	0,49	$p \leq 0,05$
Гибкость и Саморукводство в профессии	0,48	$p \leq 0,05$
Гибкость и Самопривязанность в профессии	-0,53	$p \leq 0,05$
Самостоятельность и Саморукводство в профессии	0,51	$p \leq 0,05$

В ходе корреляционного анализа были установлены следующие статистически значимые взаимосвязи:

«Уровень самооценки» положительно коррелирует с «самоуважением в профессии» ($r = 0,48$; $p \leq 0,05$), «самоуверенностью в профессии» ($r = 0,52$; $p \leq 0,05$), «самоэффективностью в профессии» ($r = 0,47$; $p \leq 0,05$), «самооценкой личностного роста» ($r = 0,50$; $p \leq 0,05$). Чем выше оценка своей личности, тем выше субъективная удовлетворенность результатами реализации в профессии, уверенность в собственной

профессиональной компетентности, вера в достижение профессионального успеха, а также субъективная оценка позитивных изменений в профессии.

«Планирование» положительно коррелирует с «саморуководством в профессии» ($r = 0,45$; $p \leq 0,05$), «самоуверенностью в профессии» ($r = 0,46$; $p \leq 0,05$). Чем более развиты способности к выдвиганию и удержанию ориентиров и целей, потребности и способности к осознанному планированию своих действий, умению автономно ставить реалистичные и устойчивые цели, тем выше отношение к себе как надежному, добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде, уверенность в собственной профессиональной компетентности, умелости и опытности.

«Моделирование» положительно коррелирует с «самоэффективностью в профессии» ($r = 0,48$; $p \leq 0,05$), отрицательно – с «самопривязанностью в профессии» ($r = -0,45$; $p \leq 0,05$). Чем более развиты способности определять ценные условия достижения целей в различных ситуациях, что предполагает соответствие программ действий и намеченных планов, а также достигнутых результатов выдвинутым целям, тем выше склонность уверенность в собственной профессиональной компетентности, умелости и опытности, и ниже стремление сохранить самооценку и нежелание меняться в лучшую сторону, привязанность к своим личностным характеристикам.

«Программирование» положительно коррелирует с «самоуверенностью в профессии» ($r = 0,54$; $p \leq 0,05$), отрицательно – с «самопривязанностью в профессии» ($r = -0,50$; $p \leq 0,05$). Чем более развиты способности к осознанному программированию собственных моделей поведения, потребность анализировать способы действий для достижения желаемого результата, тем выше уверенность в собственной профессиональной компетентности, умелости и опытности, и ниже стремление сохранить самооценку и нежелание меняться в лучшую сторону, привязанность к своим личностным характеристикам.

«Оценивание результатов» положительно коррелирует с «самоэффективностью в профессии» ($r = 0,55$; $p \leq 0,05$), «самооценкой личностного роста» ($r = 0,49$; $p \leq 0,05$). Чем выше степень адекватности самооценки результатов поведения и себя как субъекта деятельности, сформированности личных критериев оценки результатов, тем выше склонность осознавать свои личностные качества как предпосылки для профессиональных успехов, чувство глубокого уважения к себе, субъективная оценка позитивных изменений в профессии.

«Гибкость» положительно коррелирует с «саморуководством в профессии» ($r = 0,48$; $p \leq 0,05$), отрицательно – с «самопривязанностью» ($r = -0,53$; $p \leq 0,05$). Чем более развиты способности к коррекции своего поведения и внешних условий его реализации, умение трансформировать внутренние предпосылки поведения цели, тем выше отношение к себе как надежному, добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде, и менее выражено стремление сохранить самооценку и нежелание меняться в лучшую сторону, привязанность к своим личностным характеристикам.

«Самостоятельность» положительно коррелирует с «саморуководством в профессии» ($r = 0,51$; $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что чем выше степень регуляторной автономности, способности проявлять самостоятельную активность при планировании действий, умение осуществлять самоорганизацию для достижения цели, контроль и оценку полученных результатов, тем выше отношение к себе как надежному, добросовестному и ответственному работнику, способному к преодолению препятствий и достижению сложных целей в труде.

Рисунок 6. Корреляционная плеяда взаимосвязи самооценки и личностных особенностей у IT-специалистов

Таким образом, в результате корреляционного анализа установлено: чем выше уровень самооценки, тем выше самоуважение, самоуверенность, самооэффективность в профессии, а также самооценка личностного роста. Чем более развиты способности к планированию, тем выше саморуководство и самоуверенность в профессии. Чем более развиты навыки моделирования, тем выше самооэффективность в профессии и ниже самопривязанность. Чем более развиты способности к программированию, тем выше самоуверенность и ниже самопривязанность в профессии. Чем выше навыки оценивания результатов, тем выше самооэффективность и самооценка личностного роста. Чем выше гибкость, тем выше саморуководство и ниже самопривязанность в профессии. Чем выше самостоятельность, тем выше саморуководство в профессии.

В целом, уровень самооценки и развитые процессы саморегуляции у IT-специалистов скорее всего, повышают позитивное профессиональное самоотношение, снижают самопривязанность в профессии.

На данном этапе исследования построены не все плеяды связей между разными характеристиками профессионального самосознания, но и эти данные позволяют предварительно сформулировать рекомендации психологам и IT-специалистам по формированию профессионального самосознания (для представителей данной выборки).

Психологам рекомендуется направить усилия на решение следующих задач:

- преодолеть ощущение внутренней противоречивости, амбивалентности профессионального самоотношения;
- формировать чувство глубокого уважения к себе, субъективной удовлетворенности результатами становления и реализации в профессии;

- повышать уверенность собственной профессиональной компетентности, умелости и опытности;
- повышать оценку собственной личности, способностей и возможностей;
- развивать способности к выдвижению и удержанию ориентиров и целей, потребности и способности к осознанному планированию своих действий;
- развивать способности к осознанному программированию собственных моделей поведения, потребность анализировать способы действий для достижения желаемого результата, умение самостоятельно разрабатывать детализированные программы поведения;
- развивать способности к коррекции своего поведения и внешних условий его реализации, отказ от ригидного поведения, умение трансформировать внутренние предпосылки поведения;
- развивать способности проявлять самостоятельную активность при планировании действий, умении осуществлять самоорганизацию для достижения цели, контроль и оценку полученных результатов.

Для этого можно порекомендовать следующие пути формирования профессионального самосознания:

- составление плана профессионального саморазвития, который предполагает определение целей и постановку определенных задач, способов их достижения;
- участие в супервизии – совместной сессии психолога-консультанта (супервизанта) и опытного специалиста (супервизора), на которой первый получает помощь и рекомендации от старшего коллеги по повышению качества услуг в области консультирования клиентов, а также разрешения трудностей в работе психолога;
- регулярное посещение мастер-классов и курсов по овладению новыми методами саморазвития;
- формирование позитивного мышления, позволяющего создавать положительные аффирмации через переформулирование негативных мыслей в позитивные утверждения, хвалить себя даже за маленькие победы на пути достижения важных для себя целей, видеть в профессиональных трудностях возможность для личностного роста, действовать несмотря на страх и неуверенность в себе, изменить фокус с «я не могу», на «как я могу»;
- овладение навыками саморегуляции для развития способностей к планированию, программированию и коррекции своей профессиональной деятельности.

IT-специалистам можно порекомендовать посещение психологических консультаций, как в групповой, так и индивидуальной форме с целью повышения самооценки, самоуважения, самоуверенности, самоэффективности в профессии, а также самооценки личностного роста. Также это возможно благодаря участию в психологических тренингов, где благодаря обратной связи, групповой поддержки, отработки определенных навыков достигаются положительные результаты.

С целью развития способностей в планированию, навыков моделирования, способностей к программированию и оценке результатов, а также развития гибкости рекомендуется овладеть методами развития саморегуляции посредством участия в коррекционно-развивающих занятиях или же путем самообразования. Развитые навыки саморегуляции внесут свой вклад в формирование позитивного профессионального самосознания.

Выводы:

1. В результате сравнительного анализа установлено: 1) у психологов-консультантов выше степень сформированности профессиональной идентичности, более выражено самоуважение в профессии, самоуверенность в профессии и самооценка личностного роста, уровень самооценки, более развиты способности к программированию, гибкость, самостоятельность и уровень саморегуляции поведения; 2) у IT-специалистов более выражена внутренняя конфликтность и самопривязанность в профессии, способности к планированию своей деятельности.

2. В результате корреляционного анализа установлено: чем выше уровень самооценки, тем выше статус профессиональной идентичности, самоуважения, самоуверенности и самоэффективности в профессии. Уровень самооценки, видимо, снижает внутреннюю конфликтность и самообвинение в профессии. Чем более развиты способности к планированию, тем выше самоуверенность, саморуководство, самооценка личностного роста. Более развитые способности к моделированию повышают самоэффективность, саморуководство и самоуважение в профессии. Чем более развиты способности к программированию, тем выше самооценка личностного роста и ниже самопривязанность в профессии. Более развитые способности к оцениванию результатов повышают самоэффективность и самоуважение в профессии. Высокая гибкость содействует самоуверенности, саморуководству, самооценке личностного роста и препятствует самопривязанности в профессии. Более высокая самостоятельность повышает самоуверенность и саморуководство в профессии.

Перспективы дальнейшего изучения темы мы видим в выявлении особенностей полной структуры взаимосвязей между компонентами профессионального самосознания в зависимости от уровня развития личностных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ангеловский, А.А. Профессиональное самосознание личности: понятие и структура / А.А. Ангеловский // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 2. – С. 116-125.
2. Аникин, А. Н. Социально-психологическое содержание Образа-Я / А. Н. Аникин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10, № 6-1. – С. 119-132.
3. Белкина, В. Н. Профессиональное самосознание как психолого-педагогическая категория / В. Н. Белкина, А.А. Криулева // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 207-211.
4. Бороздинец, Н.М. Профессиональное самосознание: структура и содержание / Н.М. Бороздинец // Вестник университета. – 2013. – № 23. – С. 228-231.
5. Ваньков, А. Б. Психологические аспекты развития субъектности специалиста в области программирования / А. Б. Ваньков, Ю. М. Мартынюк, Н. Н. Хабаров, Б. П. Ваньков // Ученые записки. – 2019. – №4 (52). – С. 32-38
6. Вахрамеева, Т. С. Развитие саморегуляции в профессиональной деятельности воспитателей / Т. С. Вахрамеева // Актуальные вопросы современной науки: теория, методология, практика, инноватика. – Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. – С. 97-100.
7. Верещан, Н. Н. Взаимосвязь перфекционизма и самооотношения студентов с разной академической успеваемостью / Н. Н. Верещан // X юбилейные Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2022. – С. 12-19.
8. Вострикова, А. В. Профессиональная социализация студентов / А. В. Вострикова, Ю. В. Шмарион // Проектное управление социально-экономическим развитием региона. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – С. 50-52.
9. Ганина, К. В. Связь мотивации и самооценки профессиональной деятельности работников образования: онлайн-контекст / К. В. Ганина, Д. В. Зайцев // Актуальные проблемы психологии и прикладной социологии. – Саратов: Издательство «КУБиК», 2020. – С. 18-24.

10. Деркач, А.А. Акмеологические основы профессионального самосознания личности / А.А. Деркач, О. В. Москаленко. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. – 330 с.
11. Джавхари, М. Концепция консультирования психолога в психологии / М. Джавхари // Научные горизонты. – 2020. – № 2(30). – С. 40-48.
12. Елдышова, О.А. Профессиональное самосознание как психологическая составляющая профессионального становления / О.А. Елдышова // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 7. – С. 101-102.
13. Кадырова, М. Ш. Профессиональная идентичность / М. Ш. Кадырова // Мировая наука. – 2020. – № 3(36). – С. 240-243.
14. Камицына, М. С. Особенности профессионального самосознания студентов-психологов на разных курсах обучения в вузе / М. С. Камицына, Е. М. Корж // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. – Москва: Московский психолого-социальный университет, 2022. – С. 643-648.
15. Карпинский, К. В. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики / К. В. Карпинский, А. М. Колышко. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2010. – 140 с.
16. Качалова, Н. Г. Профессиональное самосознание, самооценка и успешность профессиональной деятельности / Н. Г. Качалова // Профессиональное образование: проблемы, исследования, инновации. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2018. – С. 348-353.
17. Климов, Е.А. Введение в психологию труда / Е.А. Климов. – М.: Академия, 2004. – 336 с.
18. Куба, Е. А. Самосознание как элемент профессионального самоопределения личности в юношеском возрасте / Е. А. Куба, А. И. Жигар, М. В. Овчинников // Современный учитель - взгляд в будущее. – Екатеринбург: [б.и.], 2022. – С. 309-312.
19. Курочкина, И. А. Образ профессионального Я студентов в системе непрерывного образования / И. А. Курочкина // Непрерывное образование: теория и практика реализации. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019. – С. 101-104.
20. Кучева, Н. А. Феноменология трудностей профессионализации ИТ - специалистов / Н. А. Кучева // Проблемы внедрения результатов инновационных исследований и пути их решения. – Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2023. – С. 106-109.
21. Лапишина, А. А. Психологические особенности личности программиста / А. А. Лапишина, Д. В. Малиновская // Компьютерное проектирование и технология производства электронных систем. – Минск, 2014. – С. 41-49.
22. Леонтьев, Д. А. Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе / Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. – Кострома, 2010. – С. 40-42.
23. Лисичкина, Ю. В. Роль саморегуляции в формировании «Я - перспективного» молодых работников свободной занятости / Ю. В. Лисичкина // Социально-гуманитарные технологии. – 2021. – № 1(17). – С. 74-80.
24. Полчанинова, О.Н. Психологические детерминанты профессионального самосознания педагога: автореф дис. ... канд. психол. наук / О.Н. Полчанинова. – М., 2005. – 26 с.
25. Рикель, А.М. Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 1 / А.М. Рикель // Психологические исследования. – 2011. – № 2(16). – С. 1-10.
26. Рубцова, Н. Е. Психологические особенности субъектов труда в профессиях информационного типа / Н. Е. Рубцова, Г. И. Ефремова // Психолого-педагогический поиск. – 2021. – № 3(59). – С. 147-163.
27. Русанова, В. С. Психологический портрет личности программиста / В. С. Русанова // Психолого-педагогические аспекты личности и межличностных отношений. – Казань: Омега-Сайнс, 2018. – С. 140-143.
28. Смык, А. А. Профессиональное самосознание: подходы к сущности понятия / А. А. Смык // Збірник наукових прац Академії післядипломної адукації. – 2021. – № 19. – С. 471-485.
29. Тихонова, А. А. Особенности профессиональной мотивации студентов-психологов на разных этапах вузовского обучения / А. А. Тихонова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 2(82). – С. 84-89.
30. Хуторная, М. Л. Особенности профессионального самосознания / М. Л. Хуторная, А. В. Бабаева, В. Д. Черных // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2018. – № 2(19). – С. 85-91.

31. Шнейдер, Л.Б. *Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг* / Л.Б. Шнейдер. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2004. – 363 с.
32. Эмирбекова, Г. Д. *Профессия XXI века-психолог* / Г. Д. Эмирбекова, С. М. Алисултанова // *Актуальные вопросы психологического состояния общества как фактора общего благополучия.* – Махачкала: Дербентский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»; ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алф), 2021. – С. 124-130.
33. Bekhet, A. *Measuring use of Positive Thinking Skills Scale: Psychometric testing of a new scale* // *West. J. Nurs. Res.* – 2013. – № 35. – P. 1074–1093.
34. Burke, P. J. *Identity theory.* – New York: Oxford University Press, 2009. – 562 p.
35. Park, I-J, *The relationships of self-esteem, future time perspective, positive affect, social support, and career decision: A longitudinal multilevel study* // *Frontiers in Psychology.* – 2018. – №9(514). – P. 1–14.
36. Porfeli, E.J. *A multi-dimensional measure of vocational identity status* // *J. Adolesc.* – 2011. – № 34. P. 853–871.
37. Schuh, S. C. *Soziale Identität und stress / Social identity and stress* // in *Handbuch Stress und Kultur*, eds. Ringeisen T., T., Genkova P., Leong F. T. L. – Wiesbaden: Springer, 2021. – P. 139–154.

ОБ АВТОРЕ:**Капранова Марина Валерьевна,**кандидат психологических наук, доцент,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования "Российский государственный
гуманитарный университет", Москва, Россия**ABOUT THE AUTHOR:****Kapranova Marina V.,**PhD {Psychology}, Associate Professor,
Federal state autonomous educational institution of
higher education «Russian state university for the
humanities», Moscow, Russia**УДК 159.99***Капранова М.В.***Психологические аспекты карьерного
развития в современных условиях
трансформации занятости**

Статья посвящена анализу психологических оснований карьерного развития в условиях динамично меняющегося рынка труда. Рассматриваются изменения карьерных ориентаций, особенности мотивации современных специалистов и потенциальные внутриличностные конфликты, сопровождающие профессиональную траекторию. Выявлены ключевые тенденции изменения карьерных мотивов и связанных психологических рисков. Показано, что программы сопровождения карьерного развития требуют обновления с учётом современных метакомпетенций, возрастающей индивидуализации и изменившихся ценностных ориентиров.

Ключевые слова: карьера, карьерное развитие, мотивация, карьерное сопровождение; психологическое благополучие.

Для цитирования: Капранова М.В. Психологические аспекты карьерного развития в современных условиях трансформации занятости // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 117-124.

**PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CAREER DEVELOPMENT IN
THE CONTEXT OF MODERN EMPLOYMENT
TRANSFORMATION***Kapranova M.V.*

The article examines psychological factors of career development in the context of a rapidly transforming labor market. It analyzes shifts in career orientations, motivational trends, and intrapersonal conflicts accompanying professional development. The study identifies differences in motivational structures, the relative impact of internal and external drivers, and specific defense mechanisms associated with career-related decisions. The findings indicate the need to expand psychological support programs from traditional career planning to approaches aimed at strengthening personal resources, enhancing psychological safety, improving reflective skills, and addressing motivational conflicts. The results contribute to the development of updated career counseling and coaching models that integrate both professional and personal goals.

Keywords: career, career development, motivation, career counseling, psychological well-being.

For citation: Kapranova M.V. Psychological aspects of career development in the context of modern employment transformation. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 117-124. (In Russ.)

Психология карьеры, как один из разделов психологии труда, является постоянным предметом для научных и профессиональных дискуссий. Знакомство студентов с научными исследованиями карьеры, как правило, начинается с работ Д. Сьюпера, где упорядоченно рассматривается последовательное прохождение

личностью нормативных стадий профессиональной зрелости. Удобная для анализа стандартизированная картина традиционной карьеры, заложенная в этом подходе, при попытках ее наложения на современные условия реальной трудовой деятельности, оказывается нерелевантной.

Рост гибких форм занятости, в том числе проектной работы, самозанятости, временных контрактов, удалённых форм труда, снижает прогностичность оценок карьерных перспектив. В этих условиях субъектам труда приходится формировать адаптивные, нелинейные, гибкие карьерные стратегии, ориентированные на способность быстро перестраиваться, развивать новые компетенции и регулярно пересматривать профессиональные цели. В современных условиях всё меньше специалистов мыслят карьеру как движение «по ступенькам» вверх; вместо этого они развивают способность быстро перестраиваться, осваивать новые компетенции, адаптироваться к изменениям и регулярно пересматривать свои профессиональные цели.

Сверхдинамичное обновление технологий, автоматизация рутинных функций и изменение структуры профессиональной деятельности, а также следующие за ними изменения требований к квалификации приводят к тому, что карьерная стратегия воспринимается не столько траекторией продвижения, сколько стратегией постоянного обновления ресурсов, своего рода «способом выживания» в среде высокой конкуренции, где надо «соперничать» не только с людьми, но еще и с технологиями, алгоритмами и цифровыми системами. В этих условиях ценятся не конкретные должностные позиции, а профессиональная мобильность, способность к переобучению, устойчивость к неопределённости и психологическая адаптивность.

Отдельное влияние на карьерное поведение оказывают экономические кризисы, организационные реструктуризации, нестабильность рынков. Риски потери работы становятся более вероятными, что ведёт к необходимости создания «страховых стратегий» — диверсификации источников дохода, освоению дополнительных профессиональных ролей, созданию финансовых резервов и расширению сети профессиональных контактов. Работники вынуждены выстраивать карьерные стратегии, учитывающие риски потери работы, необходимость временных переходов, создание «подушек безопасности». Всё это усиливает значимость карьерной адаптивности, психологической устойчивости и личностных ресурсов.

Платформенная экономика (Gig economy) формирует новую модель профессионального опыта, в которой работник менее привязан к организации и чаще задействован в проектных или краткосрочных задачах. В такой среде развивается «портфельная карьера» — набор проектов, компетенций, ролей и сфер деятельности, которые индивид сочетает и обновляет в зависимости от текущих условий. Для портфельной карьеры характерны высокая мобильность, диверсификация, адаптивность и ориентация на собственные интересы, а не только на требования работодателя.

Организации не рассматриваются как гаранты долгосрочного карьерного роста. Они всё чаще сосредотачивают внимание на гибкой занятости, а инвестирование в развитие сотрудников приобретает избирательный характер. Работнику приходится самостоятельно выстраивать карьеру, используя внешние коммуникации, профессиональные сообщества, альтернативные формы развития (фриланс, переходы между компаниями, межпроектная мобильность). В подобных условиях карьера воспринимается как часть жизненного пути, управляемая не организацией, а индивидом, которому важно гармонично интегрировать ее с другими личными

целями и интересами. Этот взгляд лег в основу концепции «Protean Career» Д. Холла, которая демонстрирует, что психологический успех и автономия являются для современного человека более важными, чем внешние атрибуты статуса.

Трансформация занятости влияет и на ценности:

- растёт значимость баланса между работой и личной жизнью;
- усиливается роль психологического благополучия;
- «успех» понимается не как статус, а как возможность жить в соответствии с собственными смыслами.

Поэтому карьерные стратегии смещаются в сторону индивидуализированных, смыслообразующих, ценностно нагруженных траекторий, а не следования общепринятым карьерным стандартам.

Очевидно, что под влиянием обозначенных условий классические модели карьерного роста, основанные на линейности и предсказуемости, фактически утратили актуальность. Эволюция рынка труда, ускорение технологических изменений, рост нестабильных форм занятости – это лишь немногие факторы, которые напрямую влияют на появление новых требований к оценке профессионального развития и содержанию индивидуального выбора карьерных стратегий.

Исследователями признается невозможность унификации показателей карьерного роста, фокус психологических исследований карьеры смещается в сторону субъективных оценок успешности, благополучия личности, ресурсов саморегуляции и способности гибко адаптироваться к внешним требованиям.

Теория построения карьеры (Career Construction Theory, CCT) М. Савикаса сопоставляет процессы профессионального развития и самореализации личности. CCT рассматривает карьеру как нарратив, в котором человек конструирует свою профессиональную идентичность, связывает мотивацию, личный опыт и адаптивные ресурсы. Согласно этой теории, человек активно интерпретирует свой путь, создаёт жизненную историю и принимает профессиональные решения в соответствии с собственными ценностями и смыслами [6].

П. Хеслин, обсуждая концептуальность карьерного успеха, подчеркивает его мультифакторный характер. При этом даже такие традиционные корпоративные показатели, как зарплата или продвижение по должностной лестнице, не являются достаточными для оценки карьерного успеха. Карьерный успех может оцениваться по разным критериям, среди которых баланс между работой и личной жизнью, чувство смысла и цели в работе, результаты социального сравнения достижений и ожиданий других, когда, субъективная оценка карьерного успеха зависит, например, от того, какие должностные позиции занимают бывшие коллеги или представители референтной группы [4].

Эта позиция согласуется с подходом Н. Джисберса и И. Мура, согласно которому карьера выступает процессом жизненного саморазвития, интегрирующего различные роли и жизненные контексты. В этой логике мотивационная природа карьерного движения определяется стремлением личности к самоактуализации, а не к социальным атрибутам статуса [3].

К.В. Карпинский и Т.В. Гижук определяют удовлетворенность карьерой как «оценочное переживание, которое «подытоживает» достижения личности на профессиональном поприще и связанные с ними прямые и косвенные выгоды в других (внепрофессиональных) сферах индивидуальной жизни. В карьерной удовлетворенности «суммируется» вся совокупность жизненных приобретений,

удобств и привилегий, достигнутых путем усердной профессиональной деятельности» [2].

Таким образом, карьера становится частью жизненного баланса, ее оценка – интегральным уровнем психологического благополучия.

Недостаточность стандартных индикаторов карьеры констатируется и психодиагностической практикой, причем сложности обнаруживаются даже при попытке сфокусироваться исключительно на субъективных показателях. Удовлетворенность карьерой чаще всего оценивается с использованием методик самооценки, как, например, «Шкала удовлетворенности карьерой», разработанная Гринхаусом и др. (1990), и в русскоязычном варианте «Шкала удовлетворенности карьерой» К.В. Карпинского и Т.В. Гижук (2016). Приходится отметить, что стандартизация оценочного инструмента значительно облегчает диагностику карьерных показателей, однако не обеспечивает достоверную субъективную оценку карьеры. Источники снижения валидности подобных инструментов связаны, в первую очередь, с увеличением числа людей, работающих на контрактной основе, ведущих свой собственный бизнес или имеющих культурные ориентиры, исключающие ценность карьерного роста. Валидность методик для этих выборок снижается в силу нерелевантности стимульных конструкций восприятию карьерного успеха.

Еще одним важным предметом научных изысканий в психологии карьеры являются психологические конфликты, возникающие на пересечении профессиональных амбиций, возможностей и внешних ожиданий. Это конфликты профессиональной идентичности, ресурсные конфликты, конфликты карьерных ролей. Э.Деси и Р.Райан показывают, что конфликты возникают тогда, когда амбиции, ориентированные на внешний результат (например, статус и доход) противоречат внутренним психологическим потребностям. Эти противоречия способны инициировать кризисы мотивации, снижать профессиональную вовлечённость и способствовать эмоциональному выгоранию.

Таким образом, современные исследования карьерного развития всё чаще пересматривают традиционную ориентацию на вертикальное продвижение и принимают смещение ценностных приоритетов, особенно у молодёжи: значимость семьи, личного времени и благоприятных условий жизни нередко превосходит стремление к карьерной иерархии и статусному продвижению. Это подтверждают и данные ВЦИОМ (2022), и более ранние выводы Ш. Шварца о снижении роли карьерной мотивации в её традиционном понимании.

Достоверность теоретических положений подтверждается эмпирическими данными, полученными нами в исследовании, включающем результаты диагностики IT-специалистов в возрасте 18–28 лет, находящихся на этапе профессионального становления, и сотрудников, включенных в кадровый резерв (30–44 лет), имеющих подтверждённые показатели высокой профессиональной эффективности, позволило выявить интересные тенденции [1].

Согласно методики «Якоря карьеры» Э.Шейна молодые IT-специалисты имеют среди наиболее выраженных следующие карьерные ориентации:

- Ориентация на стабильность — высокая значимость надёжных условий труда и предсказуемости профессионального пути.
- Ориентация на профессиональную компетентность — стремление к развитию экспертности.
- Интеграция стилей жизни — ценность гармонии между работой и личными интересами.

При этом ориентации на управление, предпринимательство и вертикальное продвижение выражены слабо.

Такая иерархия карьерных ориентаций указывает на переосмысление традиционных карьерных целей: статусные достижения и вертикальное продвижение утрачивают доминирующее значение. Молодые специалисты стремятся не к власти или управленческим позициям, а к поддержанию баланса между профессиональной и личной жизнью, а также к содержательности и автономности труда. Это согласуется с современными представлениями о карьерной адаптивности и психологическом благополучии как значимых факторах профессионального развития в актуальных социо-экономических условиях.

Заметим, что полученные эмпирические результаты нельзя трактовать как доказательство сниженного стремления молодых людей к профессиональному развитию. Правильнее говорить о переосмыслении целей профессионального развития, которое значительно трансформирует характер профессионального поведения и отношения к карьере. Сохранение времени для личных интересов, здоровья, семьи, образования и социальных взаимодействий рассматривается сегодня субъектами профессиональной деятельности не как вторичная задача, а как необходимое условие устойчивого функционирования и психологического благополучия.

Ценность баланса напрямую связана с ещё одним важным для молодых работников фактором — стремлением к автономии, которая понимается не только как независимость в принятии решений, но и как возможность влиять на организацию собственной работы, выбирать методы, определять темп и глубину вовлечённости. Молодые специалисты предпочитают такие форматы занятости, которые обеспечивают гибкость, уменьшают контроль, допускают индивидуальные способы выполнения задач и позволяют согласовывать профессиональные цели с личными.

Таким образом, для современных молодых работников профессиональная успешность теряет значение как лишь карьерное продвижение или накопление внешних атрибутов статуса. Она всё чаще определяется качеством опыта: тем, насколько работа интегрирована в жизнь гармоничным образом, соответствует индивидуальным ценностям и предоставляет возможности для роста. Эта тенденция требует переосмысления организационных практик и управления персоналом, поскольку традиционные модели карьерного развития и мотивации перестают отвечать высказываемым ожиданиям.

В отличие от молодых работников, сотрудники, включенные в кадровый резерв, демонстрируют иные тенденции. Использование методики попарных сравнений Ф. Герцберга показало выраженную асимметрию показателей в сторону высоких оценок значимости карьерного продвижения. При этом внутренние профессиональные ориентиры, связанные с содержанием труда, получили лишь умеренные значения. Данная диспропорция указывает на то, что в восприятии карьерно ориентированных сотрудников ключевым фактором выступают внешние показатели успеха, а не само содержание профессиональной деятельности.

Дополнительный анализ вскрыл две интересные корреляционные особенности.

1) положительная связь между карьерной мотивацией и финансовыми стимулами ($r = 0,41$) подчёркивает, что ориентация на продвижение по службе сопряжена с ожиданием материальных выгод и повышением статуса;

2) отрицательная корреляция между карьерной мотивацией и значимостью отношений с руководителем ($r = -0,497$) позволяет предположить, что, чем сильнее

выражено стремление к карьерному росту, тем меньшее значение испытуемые придают качеству взаимодействия с непосредственным начальством. Это может свидетельствовать о конфликтной позиции или эмоциональной дистанции, возникающей в условиях повышенной конкуренции или напряжённого социального окружения.

То есть при принятии ценности должностного повышения внутренние мотивы, значимость содержания работы не выступают на первый план в мотивационной иерархии. Можно говорить, что карьерное решение детерминируется в этом случае внешними мотивами, причем продвижение рассматривается не как закономерный результат профессионального развития и конструктивного взаимодействия с организационным окружением, а как своего рода форма самоутверждения в условиях напряжённых или конфликтных отношений. Карьерный рост начинает выполнять компенсаторную функцию, позволяя сотрудникам укреплять собственную значимость и снижать внутреннюю тревогу, связанную с неоднозначными социальными контактами.

Помимо особенностей мотивационной структуры, у этой группы испытуемых выявлены высокие показатели напряжённости защитных психологических механизмов, особенно рационализации и отрицания. Такое сочетание указывает на потенциальную уязвимость к внутренним противоречиям и конфликтам мотивационного характера. Повышенная активность механизмов защиты может отражать стремление минимизировать эмоциональный дискомфорт, связанный с неопределённостью карьерных перспектив или внутренней несогласованностью мотивов.

Установлена связь между мотивацией к карьере и тенденцией к отрицанию тревожащей информации ($r=0,31$), что может служить способом защиты от внутреннего конфликта и угрозы Я-концепции. Данная взаимосвязь позволяет предположить, что отрицание становится одним из способов защиты Я-концепции от информации, способной спровоцировать сомнения в собственных возможностях или успешности выбранной стратегии профессионального поведения. Отрицая или минимизируя воздействие потенциально фрустрирующих факторов, сотрудники как бы поддерживают внутреннее ощущение устойчивости, необходимое для последовательного движения вверх по карьерной лестнице.

Особого внимания заслуживает группа участников кадрового резерва, у которых наблюдается низкая внутренняя заинтересованность в карьерном росте при высокой формальной включённости в программы развития. Эти сотрудники демонстрируют усиленную значимость содержания труда, что может свидетельствовать о несоответствии между организационными ожиданиями и индивидуальными ценностями. Такая диссоциация приводит к снижению вовлечённости и психологической удовлетворённости и является иллюстрацией риска мотивационных конфликтов, описанных в современных теориях карьеры.

Это является своего рода иллюстрацией выводов Э. Дэси и Р. Райана о рассогласовании мотивов, инициирующем внутренние психологические проблемы, ключевой из которых видится конфликт ролей. Личность, переживающая этот конфликт, понимает, что на него возлагают ожидания, ждут его готовности к карьерному росту, тогда как личные ценности не предполагают стремления «подняться выше». Это провоцирует сомнения собственном соответствии должности, формирует чувство собственной «нетипичности» и чувство вины за неспособность соответствовать ожиданиям.

Вторая проблема может быть связана с переживанием угрозы утратить доверие со стороны руководителя и коллег. Поскольку карьерная мотивация воспринимается как маркер амбициозности, «силы личности», отказ от такого стремления может интерпретироваться ошибочно, как боязнь брать на себя ответственность, недостаток инициативности и в целом – «слабость личности». Такие переживания затрудняют самоутверждение личности и вызывают сомнения в собственной компетентности.

Кроме того, существует риск эмоционального выгорания, когда увлеченность содержанием труда, глубокая погруженность в рабочие процессы не подкрепляются релевантной мотивацией. Тогда нагрузка воспринимается как чрезмерная, а личностные ресурсы – ограниченные.

Таким образом, психологические проблемы участников кадрового резерва с низкой внутренней заинтересованностью в карьерном росте появляются на стыке личностных ценностей и управленческих ожиданий, требуя тонкой психологической настройки и поддержки со стороны организационной среды.

Приведенный анализ психодиагностических результатов двух выборок позволяет сделать вывод о существовании как минимум двух различных психологических тенденций карьерной динамики:

1. Снижение ориентации на вертикальную карьеру у молодых специалистов и усиление значимости баланса, стабильности и профессиональной компетентности в этой группе.

2. Высокая зависимость карьерных решений от внешней мотивации у сотрудников, составляющих кадровый резерв, сопровождаемая выраженной психологической напряженностью и конфликтностью.

Эти данные подтверждают необходимость обновленного взгляда на программы карьерного сопровождения. Современные подходы должны учитывать не только профессиональные цели, но и жизненные ценности, смысловые ориентиры, психологическое благополучие и индивидуальные риски. Так при работе с кадровым резервом важно не только усиливать внутреннюю мотивацию, но и помогать осознавать собственные карьерные смыслы, снижать зависимость от внешних факторов и развивать навыки саморегуляции.

Учитывая обе тенденции, эффективное карьерное сопровождение должно быть адресным и гибким, осуществляемым с опорой на глубокое понимание мотивационных особенностей сотрудников, чтобы обеспечить устойчивое и осознанное развитие профессионального потенциала.

Эффективное сопровождение карьерного развития должно включать:

- работу с внутренними противоречиями и мотивационными конфликтами;
- развитие рефлексивных навыков и способности к самоменеджменту;
- помощь в формировании устойчивых, адаптивных личностных границ;
- предотвращение фрустрации внутренних мотивов;
- расширение образовательных и консультативных стратегий за пределы традиционного карьерного планирования.

Теоретико-эмпирический анализ некоторых аспектов психологического содержания карьерного развития приводит к пониманию зависимости карьерных стратегий от сложных динамичных систем, в которые вовлечены и внешние, и внутренние факторы. Карьерный путь невозможно полностью изолировать от социального контекста, однако психологическая безопасность и осмысленная автономность личности становятся ключевыми условиями успешного развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Капранова, М. В. К постановке задач психологического сопровождения карьерного развития / М. В. Капранова // Социально-гуманитарные технологии. – 2025. – № 3(35). – С. 90-95.
2. Карпинский К. В., Гижук Т. В. Шкала удовлетворенности карьерой: разработка и психометрическая апробация // Теоретическая и экспериментальная психология, 2016. №4. - С. 101-116.
3. Deci E. L., Ryan R. M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // *Psychological Inquiry*. 2000. Vol. 11, No. 4. P. 227–268.
4. Heslin, P. A. (2005). Conceptualizing and evaluating career success. *Journal of Organizational Behavior*, 26(2), 113–136.
5. Hall, D. T., Yip, J., & Doiron, K. (2018). Protean careers at work: Self-direction and values orientation in psychological success. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 5, 129–156.
6. Savickas, M. L., & Porfeli, E. J. (2012). Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries. *Journal of Vocational Behavior*, 80(3), 661–673.

ОБ АВТОРЕ:**Чижова Дарья Денисовна,**адъюнкт факультета научно-педагогических
и научных кадров,Федеральное государственное казённое
образовательное учреждение высшего
образования «Московский Ордена почёта
университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»,
Москва, Россия**ABOUT THE AUTHOR:****Chizhova Daria D.,**postgraduate of the Faculty of Scientific,
Pedagogical and Scientific Personnel,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after Kikot, Moscow, Russia**УДК 159.99**

Чижова Д.Д.

**Предикторы профессиональной
успешности инспектора по делам
несовершеннолетних: ключевые
качества, определяющие
результативность**

Актуальность работы обусловлена высокой социальной значимостью деятельности инспектора ПДН и необходимостью совершенствования системы отбора и оценки кадров в органах внутренних дел. Целью исследования являлось определение структуры профессионально важных качеств (ПВК), выступающих предикторами объективной и субъективной эффективности сотрудников. В качестве критериев профессиональной успешности использовались комплексный показатель служебной эффективности и уровень профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессионально важные качества, предикторы успешности, профессиональная результативность, социальный интеллект, отбор кадров.

Для цитирования: Чижова Д.Д. Предикторы профессиональной успешности инспектора по делам несовершеннолетних: ключевые качества, определяющие результативность // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 125-133.

**PREDICTORS OF PROFESSIONAL SUCCESS FOR A MINORITY
INSPECTOR: KEY QUALITIES THAT DETERMINE
EFFECTIVENESS**

Chizhova D.D.

The relevance of the work is due to the high social significance of the PD inspector's activities and the need to improve the personnel selection and evaluation system in the internal affairs bodies. The purpose of the study was to determine the structure of professionally important qualities (PVCs) that act as predictors of objective and subjective effectiveness of employees. A comprehensive indicator of performance and the level of professional burnout were used as criteria for professional success.

Keywords: professionally important qualities, predictors of success, professional effectiveness, social intelligence, personnel selection.

For citation: Chizhova D.D. Predictors of professional success for a minority inspector: key qualities that determine effectiveness. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 125-133. (In Russ.)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление ключевых предикторов профессиональной успешности инспекторов по делам несовершеннолетних (далее – ПДН). Методологическую основу составил интегративный подход, включающий психодиагностическое тестирование,

экспертный опрос и анализ статистических данных о результативности службы. В исследовании приняли участие 87 инспекторов ПДН со стажем работы от 1 года до 15 лет. Для диагностики личностных характеристик применялись: опросник «Большая пятерка» (Р. Маккрей, П. Коста), методика диагностики эмоционального интеллекта (ЭМИн Д.В. Люсина), тест смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев), опросник социального интеллекта (Дж. Гилфорд, адаптация Е.С. Михайловой), а также авторская анкета оценки ПВК для экспертов. В качестве критериев профессиональной успешности использовались комплексный показатель служебной эффективности (на основе статистических отчетов: снижение рецидивной преступности среди подучётных несовершеннолетних, количество успешно закрытых учётно-профилактических карточек и учётно-профилактических дел) и уровень профессионального выгорания (МБИ). С помощью регрессионного анализа установлено, что наибольший вклад в объективную эффективность вносят такие предикторы, как социальный интеллект ($\beta = 0,42$, $p \leq 0,01$), осмысленность профессиональной деятельности ($\beta = 0,38$, $p \leq 0,01$) и добросовестность ($\beta = 0,35$, $p \leq 0,01$). Эмоциональный интеллект является ключевым предиктором, препятствующим развитию синдрома эмоционального выгорания ($\beta = -0,51$, $p \leq 0,001$). Выявлена структурная неоднородность ПВК для инспекторов с разным стажем работы: для начинающих свой профессиональный путь сотрудников (1-3 года) критически важны стрессоустойчивость и правовые знания, тогда как для специалистов со стажем работы более 5 лет на первый план выходят коммуникативная гибкость и педагогическая интуиция. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных данных для разработки валидных методик профессионального отбора, создания индивидуальных программ психологического сопровождения и повышения квалификации инспекторов ПДН, что в конечном итоге направлено на оптимизацию системы профилактики подростковой девиантности и делинквентности.

Деятельность инспектора ПДН представляет собой уникальный вид профессиональной службы в системе органов внутренних дел, находящийся на стыке правоохранительной, социальной и педагогической функций. Специфика работы обусловлена необходимостью постоянного взаимодействия с несовершеннолетними, находящимися в сложной жизненной ситуации, их родителями или законными представителями, а также с широким кругом учреждений системы профилактики [9]. Эффективность работы инспектора ПДН напрямую определяет результативность всей системы предупреждения подростковой преступности и безнадзорности [1, с. 45].

В современных условиях, характеризующихся ростом сложности и многообразия форм девиантного поведения среди молодежи, повышаются требования к профессиональной компетентности и личностному потенциалу сотрудников ПДН. В этой связи особую актуальность приобретает проблема выявления ключевых предикторов профессиональной успешности, то есть таких устойчивых личностных и профессиональных характеристик, которые позволяют с высокой долей вероятности прогнозировать результативность и долгосрочную профессиональную сохранность специалиста [2, с. 78].

Несмотря на наличие ряда работ, посвященных профессионально важным качествам (далее – ПВК) сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) (исследования А.И. Киреева, В.Л. Цветкова, Н.А. Кузьмичевой, О.В. Соловьевой), проблема предикторов успешности инспекторов ПДН остается недостаточно изученной. Существующие профессиограммы зачастую носят описательный характер и не выявляют структурно-иерархические связи между отдельными качествами и

объективными показателями эффективности. Также в работах не изучалась взаимосвязь системообразующих качеств различных компонентов профессиограммы. Кроме того, в большинстве исследований не учитывается дифференциация ПВК в зависимости от этапа профессиональной карьеры инспектора.

Целью настоящего исследования является выявление и структурный анализ ключевых профессионально важных качеств, выступающих предикторами профессиональной успешности инспектора ПДН.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести теоретический анализ и определить круг потенциальных предикторов профессиональной успешности инспектора ПДН.
2. Разработать комплексную методику оценки профессиональной успешности, интегрирующую объективные и субъективные критерии.
3. Эмпирически выявить структуру и иерархию ПВК, определяющих результативность деятельности.
4. Установить взаимосвязь между выявленными предикторами и стажем профессиональной деятельности.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в 2024-2025 гг. и носило комплексный характер, сочетая констатирующий и корреляционный дизайны. Для сбора данных применялся психодиагностический инструментарий, метод экспертной оценки и анализ служебной документации.

Выборка. В исследовании приняли участие 87 инспекторов ПДН из различных регионов Центрального федерального округа РФ (67 женщин, 20 мужчин). Возраст респондентов — от 23 до 47 лет (средний возраст — 32,4 года). Выборка была стратифицирована по стажу работы: 1 группа — от 1 до 3 лет ($n=28$), 2 группа — от 3 до 5 лет ($n=25$), 3 группа — свыше 5 лет ($n=34$). Критерии включения: стаж работы в должности инспектора ПДН не менее 1 года, добровольное информированное согласие на участие.

Методы и методики.

Для диагностики личностных предикторов использовался следующий инструментарий:

1. Пятифакторный опросник личности «Большая пятерка» (NEO-FFI) в адаптации А.Б. Хромова. Оценивались такие факторы, как нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, доброжелательность, добросовестность.
2. Методика диагностики эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина. Позволяет оценить межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, а также способность к управлению эмоциями.
3. Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева. Диагностирует общий показатель осмысленности жизни и частные аспекты (цели, процесс, результативность жизни, локус контроля).
4. Методика диагностики социального интеллекта (Дж. Гилфорд, адаптация Е.С. Михайловой). Направлена на оценку способности понимать и прогнозировать поведение людей в различных ситуациях.

Для оценки профессиональной успешности применялся комплекс критериев.

Объективный критерий: интегральный показатель служебной эффективности (ИПСЭ), рассчитанный на основе формализованных данных за последний год: процент снижения рецидивной преступности среди несовершеннолетних, находящихся на профилактическом учете; количество успешно проведенных

профилактических мероприятий; доля закрытых учетно-профилактических карточек (далее- УПК) и дел (далее – УПД) с положительным результатом. Под положительным результатом в данном случае понимаются все основания закрытия УПК и УПД [5], за исключением такого основания, как достижение несовершеннолетним возраста 18-ти лет.

Субъективный критерий: уровень профессионального выгорания, измеряемый с помощью Опросника выгорания MBI (Maslach Burnout Inventory) в адаптации Н.Е. Водопьяновой. Высокие показатели по шкалам «Эмоциональное истощение» и «Деперсонализация» рассматривались как индикатор негативной динамики профессиональной успешности.

Экспертный критерий: авторская анкета оценки ПВК, которая заполнялась непосредственными начальниками участников исследования (n=15 экспертов). Эксперты оценивали выраженность 20 профессионально важных качеств у каждого инспектора по 10-балльной шкале.

Процедура исследования включала несколько этапов: получение разрешения от руководства ОМВД; сбор согласий участников; индивидуальное психодиагностическое тестирование; сбор статистических данных и заполнение анкет экспертных оценок; статистическая обработка и интерпретация результатов.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics 23.0. Применялись: описательная статистика, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона и Спирмена), множественный регрессионный анализ, факторный анализ (метод главных компонент с варимакс-вращением), t-критерий Стьюдента для сравнения независимых выборок.

Результаты и обсуждение. Прежде чем перейти к анализу взаимосвязей, была проведена оценка выраженности ключевых личностных характеристик в общей выборке. Средние значения и стандартные отклонения представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Описательная статистика диагностируемых личностных характеристик.

Психологическая переменная	Среднее значение (М)	Стандартное отклонение (SD)
Добросовестность (NEO-FFI)	48,3	6,1
Эмоциональный интеллект (ЭМИн)	112,5	11,8
Социальный интеллект	105,2	13,4
Общая осмысленность жизни (СЖО)	106,8	15,2
Эмоциональное истощение (MBI)	24,7	7,9
Редукция личных достижений (MBI)	21,5	6,3

По представленным результатам, выборка в целом характеризуется средним и выше среднего уровнем развития диагностируемых качеств, однако по шкалам MBI наблюдается достаточно высокий разброс данных, что указывает на наличие как благополучных, так и «групп риска» по синдрому выгорания.

Корреляционный анализ: выявление первичных взаимосвязей. На первом этапе анализа для выявления первичных связей между личностными характеристиками и критериями успешности был проведен корреляционный анализ (коэффициент Спирмена). Результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Корреляционные связи между ПВК и показателями профессиональной успешности.

Психологическая переменная	Интегральный показатель служебной эффективности (ИПСЭ)	Эмоциональное истощение (МВИ)	Редукция личных достижений (МВИ)
Добросовестность	0,51**	-0,32*	-0,29*
Эмоциональный интеллект	0,43**	-0,58**	-0,49**
Социальный интеллект	0,62**	-0,25*	-0,18
Осмысленность жизни	0,55**	-0,45**	-0,52**
Нейротизм	-0,41**	0,49**	0,44**

Примечание: * - $p \leq 0,05$; ** - $p \leq 0,01$.

Данные результатов исследования подтверждают наличие статистически значимых связей между всеми диагностируемыми ПВК и критериями успешности. Наиболее сильные положительные связи с объективной эффективностью (ИПСЭ) демонстрируют социальный интеллект ($r=0,62$) и осмысленность жизни ($r=0,55$). Это позволяет рассматривать их в качестве ключевых кандидатов в предикторы. Обращает на себя внимание сильная отрицательная связь эмоционального интеллекта с показателями выгорания, особенно с эмоциональным истощением ($r=-0,58$), что свидетельствует о его протекторной функции.

Множественный регрессионный анализ: выявление ключевых предикторов. Для определения того, какой вклад каждая из переменных вносит независимо от других, был применен пошаговый множественный регрессионный анализ.

Модель 1: Предикторы объективной эффективности (ИПСЭ).

В качестве зависимой переменной выступил интегральный показатель служебной эффективности. В регрессионную модель вошли три значимых предиктора, совместно объясняющие 68% дисперсии ($R^2 = 0,68$, скорр. $R^2 = 0,66$). Модель является статистически значимой: $F(3, 83) = 14,32$, $p \leq 0,001$. Результаты регрессионного анализа представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа для предсказания ИПСЭ.

Предиктор	β	t	p	Zero-order r	Part correlation
Социальный интеллект	0,42	4,87	0,001	0,62	0,40
Осмысленность жизни	0,38	4,15	0,002	0,55	0,36
Добросовестность	0,35	3,91	0,003	0,51	0,33
Константа	-	2,45	0,016	-	-

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент.

Анализ β -коэффициентов показывает, что наибольший независимый вклад в прогнозирование объективной эффективности вносят:

- социальный интеллект ($\beta = 0,42$). Это подтверждает центральную гипотезу о том, что способность понимать невербальные сигналы, прогнозировать поведение и адаптировать тактику общения является фундаментальной для результативности. Инспектор ПДН с высоким социальным интеллектом может точно «считывать»

истинные намерения подростка, отличая демонстративное поведение от реальной угрозы, и находить адекватный и наиболее подходящий тон для общения как с агрессивным подростком, так и с его зачастую негативно настроенными родителями;

- осмысленность профессиональной деятельности ($\beta = 0,38$). Данный результат указывает на то, что эффективность работы определяется не только навыками, но и глубокой личностной вовлеченностью. Инспектора ПДН, видящие в своей работе социальную миссию по спасению подростков от криминального пути, проявляют большую настойчивость, инициативу и творческий подход в поиске решений, даже в условиях бюрократических ограничений и эмоционального выгорания коллег;

- добросовестность ($\beta = 0,35$). Высокий уровень самодисциплины, организованности и ответственности обеспечивает систематичность и надежность в работе. Такой инспектор тщательно ведет документацию, не упускает из виду сроки проведения профилактических мероприятий и добросовестно выполняет все процессуальные требования, что является необходимой основой для любой успешной интервенции.

Модель 2: Предикторы профессионального выгорания (Эмоциональное истощение). Была построена регрессионная модель с зависимой переменной «Эмоциональное истощение». Модель является статистически значимой ($F(2, 84) = 11,87$, $p \leq 0,001$) и объясняет 54% дисперсии ($R^2 = 0,54$, скорр. $R^2 = 0,52$). Результаты представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа для предсказания эмоционального истощения.

Предиктор	β	t	p
Эмоциональный интеллект	-0,51	-5,12	0,001
Нейротизм	0,28	2,89	0,005
Константа	-	12,45	0,001

Ключевым предиктором, препятствующим выгоранию, является эмоциональный интеллект ($\beta = -0,51$). Это означает, что инспектора, способные к точной идентификации своих и чужих эмоций, их пониманию и управлению, обладают мощным внутренним ресурсом для противостояния хроническому профессиональному стрессу. Они эффективно «отходят» от негатива после рабочего дня, не пропускают агрессию и страдания через себя, сохраняя эмоциональную стабильность. Нейротизм, как личностная тревожность и эмоциональная лабильность, закономерно усиливает истощение.

Сравнительный анализ групп с разным профессиональным стажем. Для выявления динамики значимости ПВК были сформированы и сравнены три группы инспекторов. Результаты однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и попарных сравнений по t-критерию выявили значимые различия ($p \leq 0,05$).

Группа 1 (стаж 1-3 года, $n=28$). Ключевыми предикторами успешности, показавшими наибольшие корреляции с ИПСЭ, являются: стрессоустойчивость ($r = 0,58$, $p \leq 0,01$) и правовая грамотность ($r = 0,52$, $p \leq 0,01$). На этапе профессиональной адаптации сотрудник сталкивается с шоком от реальности бытия семей, находящихся в социально-опасном положении, высокой ответственностью и частыми конфликтными ситуациями. Его основная задача — привыкнуть к реальности бытия,

не совершить процессуальных ошибок (например, нарушение срока рассмотрения материалов) и научиться противостоять психологическому давлению. Правовые знания являются его основным инструментом и опорой.

Группа 2 (стаж 3-5 лет, $n=25$). В этой группе значимость правовых знаний снижается ($r = 0,35$, $p \leq 0,05$), а на первый план выходит коммуникативная компетентность ($r = 0,49$, $p \leq 0,01$) и эмпатия ($r = 0,41$, $p \leq 0,05$). Инспектор уже уверен в своих правовых знаниях и начинает фокусироваться на качестве взаимодействия, понимая, что формальный подход часто не работает.

Группа 3 (стаж свыше 5 лет, $n=34$). Для опытных специалистов определяющими становятся качества, позволяющие осуществлять тонкую «настройку» на конкретного человека: коммуникативная гибкость ($r = 0,61$, $p \leq 0,01$) и педагогическая интуиция, которая операционализировалась через высокие баллы по шкалам социального интеллекта и открытости опыту. Эти инспекторы работают не по шаблону, а импровизируют, находя уникальные ключи к каждому подростку. Их эффективность определяется не столько соблюдением инструкций, сколько способностью стать значимым взрослым, авторитетом, что невозможно без высокоразвитых социально-психологических навыков.

При этом результаты не исключают того факта, что и у молодых специалистов проявляется индивидуальный подход к несовершеннолетним и гибкость в процессе взаимодействия с ними и их законными представителями.

Факторная структура профессионально важных качеств. Для выявления латентной структуры ПВК был проведен эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент с варимакс-вращением). Анализ Кайзера-Мейера-Олкина (КМО=0,79) и критерий сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 345,12$, $p \leq 0,001$) подтвердили адекватность данных для факторизации. В результате было выделено три независимых фактора, объясняющих 71,3% общей дисперсии (Таблица 5).

Таблица 5. Факторная структура профессионально важных качеств инспектора ПДН.

Переменная	Фактор 1: Социально-коммуникативная компетентность	Фактор 2: Личностная надежность и осмысленность	Фактор 3: Эмоциональная саморегуляция
Социальный интеллект	0,87	0,12	0,08
Коммуникативная гибкость	0,82	0,21	0,15
Эмпатия	0,75	0,25	0,30
Добросовестность	0,14	0,91	0,09
Осмысленность жизни	0,28	0,84	0,22
Открытость опыту	0,31	0,72	0,18
Эмоциональный интеллект	0,25	0,17	0,88
Стрессоустойчивость	0,19	0,24	0,81
Нейротизм	0,11	-0,33	-0,76
Доля объясняемой дисперсии, %	31,4%	23,1%	16,8%

Выделенная факторная структура имеет четкую содержательную интерпретацию:

Фактор 1 «Социально-коммуникативная компетентность» объединяет качества, отвечающие за эффективное взаимодействие с внешним миром. Это операциональное ядро профессии.

Фактор 2 «Личностная надежность и осмысленность» отражает мотивационно-ценностный стержень и деловую надежность специалиста. Этот фактор задает направление и устойчивость профессиональной деятельности.

Фактор 3 «Эмоциональная саморегуляция» представляет собой систему внутренней психогигиены, защищающую личность от деформаций и выгорания.

Полученные результаты в целом согласуются с работами отечественных авторов, подчеркивающих значимость коммуникативных и ценностно-смысловых качеств для сотрудников ОВД [1, 6]. Однако исследование вносит уточняющий вклад.

Так, в отличие от исследования А.И. Киреева [1], где доминирующая роль отводится правосознанию и стрессоустойчивости, данные этого исследования показывают, что для инспектора ПДН, в отличие от, например, дознавателя, социальный интеллект является более значимым предиктором, чем чисто правовые знания. Это объясняется спецификой контингента: работа с несформировавшейся личностью требует не столько карательных, сколько воспитательных и диагностических компетенций.

Выявленная динамическая структура ПВК перекликается с идеями В.Л. Цветкова о стадийности профессионального становления [6], но мы эмпирически подтвердили, что для инспекторов ПДН эта динамика имеет особый характер: от «юриста-исполнителя» к «социальному педагогу-психологу».

Сильная связь осмысленности жизни с эффективностью поддерживает концепцию Д.А. Леонтьева [4] о смысле как о системообразующем факторе деятельности. В контексте нашей работы это означает, что борьба с профессиональным цинизмом и выгоранием должна вестись не только через тренинги навыков, но и через помощь в обретении и сохранении личностного смысла в трудной и часто недооцененной обществом работе.

Таким образом, предложенная трехфакторная модель («Компетентность – Надежность – Саморегуляция») комплексно описывает психологический портрет успешного инспектора ПДН и может служить основой для разработки целостной системы оценки, отбора и сопровождения кадров.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Киреев А.И. Психология профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: монография. – М.: Юнити-Дана, 2019. – 287 с.
2. Соловьева О.В. Профессиональный стресс и выгорание у сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 78-95.
3. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2021. – С. 29-36.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд. – М.: Смысл, 2022. – 511 с.
5. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 (ред. от 31.12.2018) «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158962/ (дата обращения: 18.10.2025)
6. Цветков В.Л., Петров В.Е. Профессионально важные качества личности юриста: структурно-функциональный анализ // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 112-118.

7. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (с изм. на 01.04.2025 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737405> (дата обращения: 18.10.2025)
8. Maslach, C., Jackson, S.E., Leiter, M.P. *Maslach Burnout Inventory Manual* (4th ed.). – Menlo Park, CA: Mind Garden, 2018.
9. McCrae, R.R., & Costa, P.T. Jr. *The five-factor theory of personality* // *Handbook of personality: Theory and research* (3rd ed.) / O.P. John, R.W. Robins, & L.A. Pervin (Eds.). – N.Y.: Guilford Press, 2020. – P. 159-181.

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОБ АВТОРАХ:

Гончарова Валерия Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков №1,
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Кондина Анна Сергеевна,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков №1,
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Маслова Елизавета Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков №1,
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Минасян Ева Тиграновна,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков №1,
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Kondina Anna S.,
PhD {Pedagogical Science}, Associate professor
of the Department of Foreign Languages №1,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Russian University of
Economics named after G.V. Plekhanov», Moscow,
Russia

Goncharova Valeria V.,
PhD {Pedagogical Science}, Associate professor
of the Department of Foreign Languages №1,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Russian University of
Economics named after G.V. Plekhanov», Moscow,
Russia

Maslova Elizaveta G.,
PhD {Philological Science}, Associate professor
of the Department of Foreign Languages №1,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Russian University of
Economics named after G.V. Plekhanov», Moscow,
Russia

Minasyan Eva T.,
PhD {Pedagogical Science}, Associate professor
of the Department of Foreign Languages №1,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Russian University of
Economics named after G.V. Plekhanov», Moscow,
Russia

УДК 378

Гончарова В.В., Кондина А.С., Маслова Е.Г.,
Минасян Е.Т.

Использование методического потенциала современных медиатекстов в иноязычной подготовке организационных психологов

Необходимость внедрения новых подходов в преподавание дисциплины «Иностранный язык профессионального общения» определяет актуальность исследования. Значительное внимание уделяется выбору современных дидактических материалов, таких как медиатексты, которые активно используются преподавателями иностранных языков в качестве дополнительного источника информации при разработке средств обучения будущих психологов иностранному языку. Методы исследования включают в себя анализ литературы по вопросам изучения и интерпретации медиатекстов; изучение современных подходов к иноязычному обучению в неязыковых вузах, а также англоязычных медиаресурсов для конкретизации содержания в рамках организации обучения работы с медиатекстами на занятиях по иностранному языку. Авторы дают определение медиатекста, выделяют его лексические и функциональные характеристики. Особое внимание в статье уделяется методу КТП-анализа (контекст - текст - подтекст), который предлагается для использования при организации работы с медиатекстами в рамках иноязычной подготовки будущих психологов. Данный метод предоставляет возможность всестороннего анализа содержания любого медиатекста, принимая во внимание внеязыковой контекст, а также явный текст и подразумеваемый текст. В исследовании представлена модель работы с медиатекстом на основе метода КТП-анализа с учетом этапов организации учебной деятельности на занятиях по иностранному языку. В рамках данной модели выделены и охарактеризованы три сегмента, а также предложен вариант дополнения тематического содержания дисциплины «Иностранный язык профессионального общения» для студентов третьего курса по разделу «Человеческий капитал».

Ключевые слова: информационные технологии, медиатекст, языкознание, метод КТП-анализа (контекст-текст-подтекст), иностранный язык профессионального общения.

Для цитирования: Гончарова В.В., Кондина А.С., Маслова Е.Г., Минасян Е.Т. Использование методического потенциала современных медиатекстов в иноязычной подготовке организационных психологов // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 134-152.

APPLYING METHODOLOGICAL POTENTIAL OF MODERN MEDIA TEXTS TO ORGANISATIONAL PSYCHOLOGISTS' LANGUAGE TRAINING

Kondina A.S., Goncharova V.V., Maslova E.G., Minasyan E.T.

The need to introduce new approaches in teaching the discipline 'Foreign language of professional communication' determines the relevance of the study. The article emphasizes the importance of choosing modern business materials, such as media texts, which are actively used by foreign language teachers as an additional source of information. The research methods include the analysis of literature on the study and interpretation of media texts; the study of modern approaches to foreign language teaching in non-language universities, as well as English-language media resources to determine the content within the framework of the organization of teaching work with media texts. The authors define a media text, highlight its lexical and functional characteristics. Special attention in the article is paid to the CTS method (context - text - subtext), which is used to work on the content of a media text in the language training of future psychologists. This method provides a comprehensive analysis of any media text, taking into account the extra-linguistic context, as well as explicit text and implicit text. The study showed how to use the CTP method to interpret media texts taking into account the stages of learning activities in foreign language classes. This model's framework identifies and characterizes three segments, and it suggests a way to enhance the discipline's thematic material for third-year students in the "Human Capital" section.

Keywords: information technology, media text, linguistics, CTS model (context-text-subtext), business language learning.

For citation: Kondina A.S., Goncharova V.V., Maslova E.G., Minasyan E.T. Applying methodological potential of modern media texts to organisational psychologists' language training. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 134-152. (In Russ.)

Введение

На сегодняшний день профессионально-ориентированное иноязычное образование нацелено на подготовку специалистов, способных решать задачи в рамках своей специализации в ходе профессиональной коммуникации. Материалы иноязычных СМИ в качестве дополнительного источника информации традиционно остаются наиболее востребованными и широко применяемыми преподавателями иностранного языка, что представляется вполне обоснованным, поскольку медиатекст отражает развитие общества и определяют дидактические подходы, используемые при выделении компонентов содержания обучения иностранным языкам. Влияние глобальной информационной среды ощущается не только в общественно-политической, социально-экономической и культурной областях; медиасфера является важной частью образовательных процессов, а ее потенциал и значимость не раз отмечались исследователями и практиками иноязычного образования [1-5].

В процессе обучения студентов-психологов деловому иностранному языку возникает необходимость в инструментах, которые помогут правильно интерпретировать языковые явления международной деловой культуры. Однако, недостаточный уровень владения иностранным языком студентов-психологов в сочетании с сокращением количества часов, отведенных на дисциплину «Иностранный язык профессионального общения» отражается на процессе осмысления медиатекстов, представленных в печатном, аудио- и видеοформатах. Цель

данного исследования состоит в том, чтобы разработать методику работы с медиатекстами при подготовке будущих специалистов по направлению «Психология управления», которая обеспечивала бы полное и адекватное понимание изучаемого материала.

Согласно поставленной цели, обозначим задачи исследования:

1. Дать характеристику деловых медиатекстов и определить особенности их использования на занятиях по иностранному языку.
2. Разработать технологию реализации работы с медиатекстами на основе метода КТП анализа и интерпретации в процессе преподавания английского языка будущим психологам.

Методика и методология исследования: анализ литературы по вопросу изучения и интерпретации медиатекстов; анализ современных подходов к иноязычному обучению в неязыковом вузе; анализ медиаресурсов на английском языке для определения содержания в рамках организации обучения работы с медиатекстами на занятиях по иностранному языку.

Практическая значимость данной статьи заключается в том, что представленная в статье метод КТП-анализа медиатекстов может быть использована преподавателями дисциплины «Иностранный язык профессионального общения» и «Иностранный язык делового общения» в вузе.

Основная цель обучения организационных психологов английскому языку состоит в том, чтобы преподавать язык для конкретных целей, связанных с содержанием профессионального образования. В настоящее время учебники по иностранным языкам включают специально отобранные и адаптированные медиатексты, однако для более глубокого изучения языка и особенностей делового общения необходимо использовать неадаптированные источники информации.

Определяя отличия медиатекста от делового текста, многие зарубежные исследователи отмечают более широкий набор характеристик медиатекстов по сравнению с понятием «текст». Питер Гаррет и Алан Белл в книге «Approaches to media discourse» дают свое определение медиатексту: «разновидность текста для широкой аудитории, в котором используются вербальные, визуальные и аудиовизуальные элементы речи» [12, с. 187]. Авторы считают, что средства массовой информации играют важную роль в области языкознания и коммуникации по нескольким причинам. Во-первых, СМИ влияют на использование языка и отношение людей к нему. Во-вторых, они отображают социальные значения, стереотипы, например, в деловой лексике. В-третьих, они формируют и отражают культуру, политику и социальную жизнь. И, наконец, СМИ предоставляют доступные данные для исследования и преподавания [12, с. 191]. Отечественные исследователи (Т. Г. Добросклонская, А.В. Кудрина, И. В. Рогозина, Н. И. Сметанина, Г. Я. Солганик) в качестве основных выделяют следующие признаки медиатекста: медийность, массовость, многомерность и многоплановость, особое языковое наполнение, динамический характер и т. д. [4 с. 11; 10 с. 38].

Обратимся к значению термина «медиатекст» в определении Н. А. Кузьминой, которая характеризует его как «динамическую сложную единицу высшего порядка, используемую для речевого общения в сфере массовых коммуникаций» [9, с. 56]. Таким образом, понятие медиатекста как сложного коммуникативного целого, включающего в себя вербальные и невербальные элементы, формирует деловой образ мира. В рамках подготовки организационных психологов в работе с медиатекстом значимым представляется не столько сам языковой материал, сколько его корректная

интерпретация. Вернемся к теоретической основе А. В. Кудриной, которая предлагает выделять следующие лексические характеристики делового медиатекста [8 с. 454]:

- 1) Преобладание англицизмов и отсутствие в русском языке их однозначного перевода.
- 2) Неоднозначное восприятие деловых терминов разными аудиториями.
- 3) Отсутствие пояснений к деловым терминам в текстах.
- 4) Манипулятивность, стереотипность, клишированность.
- 5) Частое использование фразеологизмов и метафор, что делает тексты более убедительными для широкой аудитории.

Таким образом, деловые медиатексты имеют свои уникальные характеристики, обуславливающие их восприятие и использование в коммуникации.

Анализ работ, посвященный изучению медиатекста в преподавании иностранного языка студентам неязыкового вуза, позволяет обозначить следующие функциональные особенности при работе с ним:

- *Многоуровневость*. Любой медиатекст имеет многоуровневую структуру, что способствует необходимости его глубокого восприятия.

- *Эксплицитность*. Содержит простые и понятные формулировки, избегая многозначности и неясности. Лексические и синтаксические единицы представляют поверхностную информацию о зафиксированных публикацией событиях или объектах.

- *Прагматичность*. Ролевые отношения между адресатом и адресантом. В нашем случае, направленность на большую аудиторию. В бизнес психологии темы, предлагаемые ведущими бизнес коучами и блогерами, звучат примерно так: «Психология удачи, психология победы и поражения»; «Защита от манипуляций в общении», «Гендерные роли и их влияние на успех в компании» и т. д. Данное содержание формирует новую прагматическую цель – изложение знаний в контексте научной психологии с использованием научно-популярного стиля и языковых средств.

- *Интертекстуальность*. В любой медиатекст входят цитаты и ссылки, которые должны актуализировать текст, чтобы повысить достоверность, придавая ему дополнительную значимость через контекстуальные связи с другими текстами. Отсылки и заимствования из других текстов с одной стороны расширяют смысловое наполнение медиатекста, а с другой – могут вызвать затруднение и непонимание при недостатке знания источников [6 с. 178]. В этом случае студентам следует повышать уровень читательской грамотности (интертекстуальной компетентности) для того, чтобы интегрировать современные идеи с культурным наследием.

- *Имплицитность*. Транслирует фоновую оценочную информацию [10, с. 37]. Исследователи особо подчеркивают, что на протяжении 30 лет в России сформировалась деловая картина мира, отражающая прагматизм, стремление к выгоде и рациональное восприятие. Основу этой картины составляет образ, управляемый рациональным сознанием и направленный на приумножение капитала и достижение успеха, поддерживаемый в сотрудничестве с психологами [9 с. 256]. Таким образом, поверхностное восприятие на уровне анализа отдельных лексических единиц может значительно исказить смысл текста. В исследовании А. И. Барышевой особо подчеркивается, что на скрытый подтекст (имплицитность) оказывают влияние много факторов из которых можно выделить замысел автора, интерпретативные возможности читателя, а также языковые средства создания текста [1, с. 20].

Учитывая эти нюансы, рекомендуется обратить внимание студентов на функциональные особенности медиатекста и предоставить схему его анализа.

Представим метод работы над содержанием медиатекста на основе контекст-текст-подтекст анализа, далее КТП анализ [2 с. 79; 11 с.39]. Метод КТП анализа был использован в исследовании И. В. Цыкунова при обучении иностранцев русскому языку. По его мнению, любой медиатекст можно оценить по трем основным аспектам: с учетом внеязыкового контекста, как явный текст и как скрытый текст. Мы разделяем точку зрения И.В. Цыкунова, что без учета этих трех аспектов полноценная интерпретация текста будет не совсем верной [11 с. 40]. Опираясь на данный метод и характеристики медиатекста мы представляем схему работы с медиатекстом на основе метода КТП анализа. В данную схему вошли три сегмента (предметный, регулятивный и методический).

В предметном сегменте отметим, что наша целевая аудитория - студенты третьего курса по направлению 37.03.01 «Психология управления», которые за три года обучения уже освоили базовый словарь деловой лексики для чтения профессионально-ориентированных текстов в рамках своей специальности. Для более эффективного иноязычного развития этих студентов и поддержания их интереса к изучению иностранного языка в рамках дисциплины «Иностранный язык профессионального общения» важен строгий критериальный отбор публикаций. Такие публикации должны отвечать следующим требованиям: достаточный объем (возможность углубленной интерпретации); яркие лингвистические характеристики (исследование модальности текста); значимое авторство (представляющее интерес с лингвистической точки зрения), культурно-историческая значимость [9]. Такими особенностями, как правило, отличается профессионально-ориентированная периодика. Главное, чтобы медиатекст представлял собой развернутое высказывание со всеми характеристиками полноценного текста (структурой, законченностью, полнотой).

Наряду с преимуществами изучения медиатекста, следует обозначить проблемы внедрения предлагаемого метода КТП-анализа в образовательную практику неязыкового вуза. К ним относятся недостаточный уровень владения иностранным языком у студентов-психологов для извлечения необходимой информации из медиатекста и последующей интерпретации этой информации для решения учебных задач.

В этой связи отметим, что медиатексты должны соответствовать темам, изучаемым в программе «Иностранный язык профессионального общения». Это способствует актуализации уже полученных знаний по лексике и грамматике, а также обновлению содержания обучения. Для обновления содержания дисциплины мы рекомендуем следующие источники:

- специальные учебные пособия (*The handbook of Business English Dialogue in Authentic Contexts* [14], *Stretch Opportunities: skills and language for your future career*[15], *English for psychology: A coursebook for Higher Educational Studies*[13], *Business Psychology* [13] и др.).

- материалы сети Интернет (<https://www.psychologistworld.com>, <https://www.psychologytoday.com> и др.).

- видеоресурсы (выступления TED и т.д.).

- профессионально-ориентированная периодика (*HR Magazine*, *Management Today*, *Harvard Business Review*, *Personnel Today*, *The HR Director*).

В *методический сегмент* мы определили типичные форматы работы студентов на занятии с учетом необходимости развития у студентов определенных навыков. По словам И. В. Цыкунова, обучение методике считается законченным, когда студенты могут самостоятельно провести анализ медиатекста [11 с. 41]. Мы дополнили данную методику, разработав пошаговую технологию интеграции медиатекста в курс иностранного языка, которую включили в *регулятивный сегмент* модели. Схема реализации процесса работы с медиатекстом представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Модель КТП анализа при работе с медиатекстом

Этап работы	Методы и приемы организации работы	Формат работы
Презентационный	Работа с контекстом (К) 1. Характеристика К (участвующие стороны, ключевые события, прагматические намерения участников). 2. Выявление экстралингвистических особенностей медиатекста (тема, жанр, время и место публикации, форма воспроизведения).	Групповая / индивидуальная работа
Аналитический	Работа с текстом (Т) Выполнение перевода. Контроль понимания лексического материала включает в себя объяснение значений незнакомых слов и выделение лексических единиц, отражающих личное отношение автора. Наличие или отсутствие цитат, отсылок на другие тексты, пословицы, поговорки и т.д. Работа с подтекстом (П) Интерпретация текста через имплицитно выраженные языковые единицы текста. Эти единицы активизируют ассоциации, возникающие в сознании читателей (убеждения, постулаты, угрозы и т.д.) [11].	Групповая / Парная / индивидуальная работа
Интерактивный	Дискуссия или дебаты по итогам прочитанного. Составление диалогов на заданную тематику.	Групповая / парная работа
Рефлексивный	Составление эссе или аннотации по теме медиатекста.	Индивидуальная работа

Представим вариант дополнения тематического содержания дисциплины для студентов третьего курса по разделу «Человеческий капитал». В рамках данного раздела студенты изучают такие темы, как: «Лидерство», «Мотивация и поощрение персонала», «Обучение и развитие персонала» и др. Лексический анализ статьи из журнала HR, посвященной проблеме построения компетентной команды топ-менеджеров, демонстрирует богатый потенциал аутентичного текста и возможность его применения для решения одновременно нескольких учебных задач. Выборка лексических единиц показывает, что, с одной стороны, данный текст подходит для

отработки и повторения лексики ключевых для психолога тем (качества личности, психология характера и т. д.), с другой – сама тематика текста показывает его деловой потенциал для обсуждения проблем управления, коучинга, организационного дизайна и т. д.

На презентационном этапе студенты знакомятся с аутентичным материалом, определяют авторство, стиль, референтность. В данной статье нужно обратить внимание на теорию эффективного лидерства и выделить несколько ключевых понятий, на которых строится данная теория:

- *emotional intelligence* (лидер с высоким уровнем эмоционального интеллекта сможет быстрее справиться с трудными ситуациями и поддержать высокую производительность в команде);

- *self-awareness* (умение сохранять спокойствие и сосредоточенность в стрессовых условиях),

- *resilience* (устойчивость является способностью быстро восстанавливать силы после неудач и сохранять фокус на поставленных целях, что помогает лидерам уверенно преодолевать вызовы и вдохновлять своих сотрудников);

- *empathy* (эмпатия играет важную роль в создании доверия и сотрудничества в команде, что является основой успешного лидерства). На этом этапе осуществляется преподавателем отбор лексического материала для дальнейшей работы. Выделенные слова проходят контекстуальный анализ. Студентам в парах или мини группах предоставляется задание на объяснение значения слов и словосочетаний или подбор синонимических соответствий. В контексте статьи слова

- *neuroscience-based coaching* (нейрокоучинг - развитие личностного потенциала),
- *talent pool* (развитие и удержание лучших кадров),
- *agility* (сообразительность – способность быстро найти решение) требуют дополнительных пояснений.

В этой связи студенты могут прочитать дополнительную информацию на сайте <https://www.psychologytoday.com>, или просмотреть видео с ютуб канала. Можно дать задание составить комментарий, иллюстрирующий прагматическое значение слов или нарисовать интеллектуальную карту (*mind map*) для изучения сочетаемости рассматриваемых понятий. Следующим этапом является аналитическая работа с текстом. Студенты могут работать как индивидуально, так и в группе, делаясь мнениями. Примером работы с подтекстом является многозначность понятия *positive culture* (позитивная культура). Его можно определить как социальная культура (общественные ценности, направленные на улучшения качества жизни в обществе), либо культура в образовании (учащиеся получают поддержку в обучении), положительный опыт (укрепление ментального здоровья) или атмосфера в организации, характеризующаяся доверительными отношениями. В контексте статьи фразу “HR must prioritize the ‘three Cs of coaching’: compassion, curiosity and courage. These are key traits that leaders should embody to foster a **positive culture** and effectively lead their teams.” можно интерпретировать как девиз современных сотрудников-тренеров в сфере подбора персонала, которые убеждают нас в том, что чуткое отношение к сотрудникам, поиск новых идей и оправданный риск являются основой для создания **здоровой корпоративной культуры** и эффективного управления.

На заключительном этапе студенты могут закрепить полученные знания, проанализировав биографии успешных лидеров в роли наставников и перечислив те деловые качества, которые составляют психологию лидерства, приведя необходимые

аргументы в финальном эссе или выступить в роли нарратора, проанализировав свой опыт в качестве лидера.

Таким образом, совокупность сегментов определяют этапы технологии внедрения в методический аппарат организации работы студентов с деловым медиатекстом. Это позволяет более продуктивно совершенствовать языковые навыки студентов в рамках своей специализации, а также развивать их способность к критическому восприятию транслируемой СМИ информации.

Далее предлагаем рассмотреть медиа текст из программы примере TED TALKS. Видео на тему «The Power of Vulnerability», где спикером выступает Brené Brown. Это выступление подробно раскрывает тему уязвимости и её роли в межличностных отношениях и психологии, при этом затрагивает культурные различия в восприятии эмоций и искренности, что важны для студентов-психологов с разным межкультурным опытом. Данный медиатекст в видео формате помогает студентам-психологам понять, как культурные нормы формируют эмоциональное поведение и коммуникацию, что крайне важно для развития межкультурной компетенции в профессиональной сфере. Это выступление подходит для обсуждения в учебном курсе, направленном на психологов, поскольку способствует осмыслению влияния культуры на эмоциональные процессы и межличностные отношения.

Рисунок 1. QR code к видео на тему «The Power of Vulnerability»

Фрагмент скрипта к видео на тему The Power of Vulnerability»:

... I'm going to tell you a little bit about my TED talk. The morning after I gave the talk, I woke up feeling vulnerable in the worst way. But I understood something important: vulnerability is the core of shame, fear, and struggle for worthiness, but it is also the birthplace of joy, creativity, belonging, and love.

We all have that feeling: "I'm not good enough" – not thin enough, rich enough, beautiful enough, smart enough, promoted enough. That feeling is underpinned by vulnerability. For connection to happen, we have to let ourselves be seen, really seen.

I hate vulnerability. So I thought, I will fight it. I spent a year trying to deconstruct shame, to understand vulnerability, and to outsmart it. But that was a long battle with myself. Vulnerability pushed, I pushed back. I lost the fight, but won my life back.

Then I studied people who live wholeheartedly – they embraced vulnerability. They believed their vulnerability made them beautiful. They did not say vulnerability was comfortable; they said it was necessary. It means being willing to say "I love you" first, to do

things without guarantees, to wait for uncertain results, to invest in relationships that might not work out.

I thought that was betrayal because I was trained to control and predict. But life with vulnerability means stopping control and prediction.

Empathy is the antidote to shame. If shame is put in a Petri dish with secrecy, silence, and judgment, it thrives. But add empathy and it cannot survive.

The two most powerful words when we struggle: “me too.”

If we want to find our way back to each other, vulnerability is the path. It’s tempting to wait to be perfect and bulletproof before entering the arena of life, but that never happens. What we want is the courage to dare greatly, to be seen as we are.

Thank you very much.

Рисунок 2. QR Code полного формата скрипта к видео на тему The Power of Vulnerability»

Далее в таблице 2 предлагается формат комплексной работы с медиатекстом на основе модели КТП-анализа (контекст – текст – подтекст) на примере видео «The Power of Vulnerability». Применение модели КТП-анализа в преподавании иностранного языка через медиатексты является методологически обоснованным и эффективно интегрируется в учебный процесс, что положительно сказывается на качестве языкового и профессионального образования в вузе.

Таблица 2. «Формат работы с медиатекстом по методу КТП»

Этап работы	Методы и приёмы организации работы	Формат работы	Цитаты из видео	Ключевая лексика
Презентационный	Ознакомление с биографией и контекстом выступления	Групповая / индивидуальная	«Vulnerability is the birthplace of joy, creativity, belonging, and love.»	Vulnerability – уязвимость

Работа с контекстом – К	Обсуждение жанра, времени, места публикации, целевой аудитории и основных прагматических целей	Аналитическая беседа, презентация	«Connection is why we're here.»	Shame – стыд
Аналитический	Просмотр видео и выполнение перевода ключевых фраз	Парная / индивидуальная	«The perfect storm of shame: secrecy, silence, and judgment.»	Empathy – эмпатия
(Работа с текстом - Т)	Разбор и объяснение ключевой лексики: vulnerability, shame, empathy, wholeheartedness	Работа с субтитрами, словарём	«What we need in order to dare greatly is the courage to be vulnerable.»	Wholeheartedness – искренность, полнота жизни
	Анализ цитат, структурных языковых единиц и невербальных средств коммуникации			Courage – мужество
Аналитический	Интерпретация скрытого смысла и подтекста (культурные и эмоциональные аспекты)	Групповая / парная / индивидуальная	«Vulnerability is not weakness; it's our most accurate measure of courage.»	Connection – связь
(Работа с подтекстом - П)	Обсуждение культурных различий в восприятии уязвимости, ассоциаций и убеждений	Дискуссии, рефлексия	«Empathy is the antidote to shame.»	Fear – страх
Интерактивный	Организация дебатов и дискуссий на	Групповая / парная	«The two most powerful	Authenticity – аутентичность

	темы уязвимости, культурных барьеров в общении		words when we struggle? Me too.»	
	Составление диалогов и ролевых игр, моделирующих ситуации			Vulnerable – уязвимый
Рефлексивный	Написание эссе или аннотаций по теме уязвимости в профессиональном и межличностном общении	Индивидуальная	«Owning our story and loving ourselves through that process is the bravest thing that we'll ever do.»	Self-acceptance – самопринятие
	Анализ личных историй с элементами уязвимости с культурным и психологическим акцентом			Bravery – смелость

Презентационный этап

Рекомендуется начать с цитаты Бренэ Браун: "Vulnerability is not winning or losing; it's having the courage to show up and be seen when you can't control the outcome." Это активизирует студентов для обсуждения и концентрирует внимание на спикере.

Работа с контекстом (К):

Цель: развить понимание жанра, времени и места публикации, целевой аудитории и прагматических целей видеотекста «The Power of Vulnerability», а также навыки аналитического обсуждения.

Задания:

- Просмотреть видео, обратить внимание на автора, место и время выступления, целевую аудиторию.
- Обсудить жанр, социокультурный контекст и основные коммуникативные цели выступления.
- Сформулировать короткий абзац на английском о связи уязвимости и стыда, используя цитату "Connection is why we're here" и ключевое слово "shame".
- Подготовить краткое саммари биографии Бренэ Браун, отражающее смысл видео.

Рекомендация: учитывать невербальные особенности речи и культурные аспекты восприятия уязвимости и стыда.

Аналитический этап (Т):

Цель: обеспечить глубокое понимание и интерпретацию ключевых психологических концепций видео, развитие навыков перевода специализированной лексики и критический анализ влияния уязвимости, стыда и эмпатии на психологическое благополучие и межличностные отношения.

Задания:

- Сопоставить психологические термины с их значениями: empathy, vulnerability, shame, secrecy, judgment.
- Записать и перевести ключевые цитаты: "The perfect storm of shame: secrecy, silence, and judgment.", "Empathy is connection.", "Vulnerability is the birthplace of innovation, creativity, and change."
- Обсудить значение "the perfect storm of shame"; роль эмпатии; значение понимания уязвимости для психического здоровья.
- Написать рефлексию (100-150 слов) по теме уязвимости и психологического благополучия.

Работа с подтекстом (П):

Цель: проанализировать культурно-эмоциональные подтексты уязвимости и вариативность её восприятия через призму ключевых психологических концептов.

Задания:

- Рассмотреть фразу "Vulnerability is not weakness; it's our most accurate measure of courage." с эмоциональной и культурной точки зрения.
- Обсудить концепцию "connection" в контексте уязвимости.
- Проанализировать утверждение "Empathy is the antidote to shame."
- Исследовать культурные различия в восприятии уязвимости и связанные с ней страхи.
- Сформулировать письменное или устное резюме ключевых идей.

Интерактивный этап:

Цель: развивать коммуникативные навыки через дебаты и диалоги, исследовать культурные барьеры в выражении уязвимости и практиковать ключевую лексику (аутентичность, уязвимость).

Задания:

- В парах или группах обсудить тезис "The two most powerful words when we struggle? Me too."
- Разработать и отыграть диалоги и ролевые игры, моделирующие выражение уязвимости в разных культурных контекстах и преодоление барьеров коммуникации.
- Особое внимание уделить правильному использованию лексики "vulnerable" и "authenticity."

Рефлексивный этап:

Цель: развивать навыки рефлексивного письма через анализ личного опыта уязвимости с культурным и психологическим акцентом.

Задания:

- Написать эссе или аннотацию на тему: "Owning our story and loving ourselves through that process is the bravest thing that we'll ever do."

- Проанализировать проявления уязвимости в личном или профессиональном общении.
- Включить культурно-психологический анализ и использовать ключевые термины: самопринятие (self-acceptance) и смелость (bravery).

В ходе выполнения презентационного этапа урока студенты получили возможность активно включиться в изучение темы через цитату Бренэ Браун, что стимулировало их интерес и внимание к спикеру. Работа с контекстом позволила сформировать глубокое понимание жанра, даты и места публикации, а также целевой аудитории видеотекста «The Power of Vulnerability». Аналитическое обсуждение и выполнение заданий способствовали развитию навыков критического мышления, умения анализировать социокультурный контекст и выявлять коммуникативные цели автора. Таким образом, презентационный этап стал фундаментом для последующего эффективного погружения в тему и подготовки к более глубокому лексическому и коммуникативному анализу.

Далее представлен фрагмент текста статьи «Emotional Intelligence», к которой предлагается анализ согласно структуры КТП анализа и подробная разработка занятия.

...Emotional intelligence refers to the ability to identify and manage one's own emotions, as well as the emotions of others. Emotional intelligence is generally said to include a few skills: namely emotional awareness, or the ability to identify and name one's own emotions; the ability to harness those emotions and apply them to tasks like thinking and problem solving; and the ability to manage emotions, which includes both regulating one's own emotions when necessary and helping others to do the same.

The Roots of Emotional Intelligence

The theory of emotional intelligence was introduced by Peter Salovey and John D. Mayer in the 1990s, and further developed and brought to the lay public by Daniel Goleman. The concept, also known as emotional quotient or EQ, has gained wide acceptance. However, some psychologists argue that because EQ cannot be captured via psychometric tests (as can, for example, general intelligence), it lacks true explanatory power.

How self-aware is an emotionally intelligent person?

The emotionally intelligent are highly conscious of their own emotional states, even negative ones—from frustration or sadness to something more subtle. They are able to identify and understand what they are feeling, and being able to name an emotion helps manage that emotion. Because of this, the emotionally intelligent have high self-confidence and are realistic about themselves.

Do the emotionally intelligent have a better handle on self-regulation?

A person high in EQ is not impulsive or hasty with their actions. They think before they do. This translates into steady emotion regulation, or the ability to reduce how intense an emotion feels. Taking anger or anxiety down a notch is called *down-regulation*. The emotionally intelligent are able to shift gears and lighten mood, both internally and externally.

Are the emotionally intelligent tuned into the emotions of others?

Such people are especially tuned into the emotions that others experience. It's understandable that sensitivity to emotional signals both from within oneself and from one's social environment could make one a better friend, parent, leader, or romantic partner. Being in tune with others is less work for others.

Are the emotionally intelligent more empathic?

This person is able to recognize and understand the emotions of others, a skill tied to empathy. The person with a high EQ can hear and understand another person's point of view clearly. The empathic are generally supportive of the people in their lives, and they easily modulate their emotions to match the mood of another person as well.

Is emotional intelligence a valid construct?

This is a subject of active debate within the field. Some personality psychologists argue that emotional intelligence can be more parsimoniously described by traits such as agreeableness, and even charisma. A highly charismatic person, for example, is socially adept and can quickly read a room. ...
[<https://www.psychologytoday.com/us/basics/emotional-intelligence>]

Далее подробная разработка урока для студентов психологического факультета по изучению английского языка на основе реального медиатекста с сайта Psychologist World построенная по этапам КТП -анализа. (Таблица 3)

Таблица 3. Разработка урока на основе медиатекста Psychologist World

Этап работы	Методы и приемы организации работы	Формат работы	Пример лексики на английском
Презентационный	- Ознакомление с медиатекстом (статья/видео с Psychologist World)	Групповая / Индивидуальная	Author, publication date, target audience, genre, purpose
(Работа с контекстом)	- Обсуждение: кто автор, где и когда опубликовано, для кого, цель текста		
	- Анализ жанра и коммуникативных целей		
Аналитический	- Работа с ключевой лексикой (emotional intelligence, self-awareness, empathy, self-regulation)	Групповая / Парная / Индивидуальная	Emotional intelligence, self-awareness, empathy, self-regulation, social skills
(Работа с текстом и	- Перевод и объяснение значений. Анализ авторского отношения		

подтекстом)	- Обсуждение скрытых смыслов, культурных и психологических подтекстов		
Интерактивный	- Дебаты по теме "Emotional intelligence is more important than IQ"	Групповая / Парная	Vulnerable, authenticity, connection, empathy
	- Ролевые игры: консультация психолога с клиентом, применение лексики		
	- Обсуждение культурных различий		
Рефлексивный	- Написание эссе: "How Emotional Intelligence Influences Personal and Professional Life"	Индивидуальная	Self-acceptance, bravery, emotional well-being
	- Использование ключевой лексики и реальных примеров		

1. Презентационный этап (Работа с контекстом - К)

Цель: сформировать у студентов понимание жанра медиатекста, времени и места публикации, целевой аудитории и прагматических целей автора.

Методы и приемы:

- Joint reading or watching the selected media text (for example, the article or video "What is Emotional Intelligence?" or another psychological topic from the site).

- Analytical discussion: determining who the author is, when and where the text was published, who the target audience is, and what key events or issues are highlighted.

- Identifying genre features (popular science article, lecture, interview).

Format: group or individual work.

Example questions:

- Who is the author and what is his/her qualification?
- What genre is the text presented in?
- Who is the target audience?
- What are the main goals and communicative tasks of the author?

2. Аналитический этап (Работа с текстом - Т и Работа с подтекстом - П)

Цель: развить навыки лексического анализа, перевода и понимания авторского отношения; раскрыть скрытые значения и эмоционально-культурные подтексты.

Методы и приемы:

- Work with key vocabulary: explaining terms (e.g., emotional intelligence, self-awareness, empathy), translating and using them in context.
- Analyzing quotes, metaphors, cultural references, and specific language constructions.
- Discussing the influence of emotional and cultural background on text perception.

Format: group, pair, or individual work. Tasks:

- Translate key sentences.
- Discuss the author's stance on the topic.
- Identify and interpret implicit messages and emotions.

3. Интерактивный этап

Цель: развить коммуникативные навыки через активное обсуждение и моделирование реальных ситуаций на основе тем медиатекста.

Методы и приемы:

- Preparing dialogues or role plays focusing on using learned vocabulary and discussed concepts. Format: group or pair work. Example tasks:
 - Discuss the statement: "Emotional intelligence is more important than IQ in professional success."
 - Model a psychologist-client conversation using the text vocabulary.

4. Рефлексивный этап

Цель: стимулировать критическое мышление и письменные навыки на основе личного осмысления темы медиатекста.

Методы и приемы:

- Writing essays or annotations using vocabulary and ideas from the studied material.
- Identifying personal experience and its connection with the discussed psychological concepts. Format: individual work. Tasks:
 - Write an essay on the topic "How Emotional Intelligence Influences Personal and Professional Life."
 - Justify your conclusions with examples from the text and personal experience.

В рамках данной разработки урока учтены все этапы комплексного научного подхода к анализу медиатекста, что обеспечивает системное и глубокое овладение учебным материалом.

На презентационном этапе формируется целостное понимание жанра, временного и пространственного контекста, целевой аудитории и прагматических намерений автора, что позволяет студенческой аудитории адекватно воспринимать и осмысливать содержание медиатекста.

В аналитическом этапе происходит углубленный разбор ключевой лексики, перевод и интерпретация цитат, а также выявление культурно-эмоциональных подтекстов, что способствует развитию критического мышления и способностей к межкультурному анализу.

Интерактивный этап направлен на активизацию коммуникативных компетенций через моделирование реальных коммуникационных ситуаций, включая дискуссии и ролевые игры, что значительно расширяет практическое применение учебного материала.

Рефлексивный этап стимулирует развитие навыков самостоятельного критического анализа и письменной речи, побуждая студентов связывать теоретические знания с личным опытом и социально-культурным контекстом.

Таким образом, последовательное выполнение всех этапов урока обеспечивает формирование медиаграмотности, лексико-грамматической компетенции и критического восприятия учебного контента, что соответствует современным требованиям научного и образовательного процесса.

На основании проведенного анализа теоретических источников, практических материалов, а также с учётом педагогического и научного опыта, авторы приходят к **выводу** о том, что медиатексты, отражая развитие общества, формируют дидактические подходы в иноязычном обучении, особенно в профессиональной сфере психологии управления.

Особенность медиатекстов — их сложная структура, использование вербальных и невербальных элементов, а также наличие многопланового и имплицитного содержания.

Уровень владения иностранным языком студентов-психологов и ограниченное количество учебных часов создают вызовы при работе с аутентичными медиатекстами.

Метод КТП-анализа (контекст-текст-подтекст) является эффективным инструментом для глубокого понимания и интерпретации медиатекстов, позволяя учитывать культурный, лингвистический и эмоциональный контексты.

Важна адаптация рабочих материалов к профессиональной тематике студентов, использование неадаптированных источников с расширенным и ярким лексическим и прагматическим наполнением.

Так, на основании результатов проведенного исследования, авторами статьи предложены **практические рекомендации** работы с текстами КТП-анализа (контекст-текст-подтекст):

1. Интеграция КТП-анализа в учебный процесс необходима для развития критического восприятия иноязычной информации, выделения явного и скрытого содержания.

2. Отбор медиатекстов, отвечающих критериям тематической релевантности, лингвистической яркости и культурной значимости, например, следует проводить из профессиональной периодики и авторитетных онлайн-ресурсов.

3. Разработка четкой поэтапной методики, включающей презентацию контекста, работу с текстом (лексика, переводы), анализ подтекста, интерактивные дискуссии и рефлексии.

4. Акцент на развитие интертекстуальной и культурной грамотности для понимания и анализа цитат, отсылок и культурных особенностей медиатекстов.

5. Использование аутентичных видео- и аудиоматериалов (TED Talks, профессиональные выступления), способствующих развитию не только языковых, но и межкультурных компетенций.

6. Комплексный подход к лексике, выделение и объяснение ключевых терминов с учетом их неоднозначности и управленческой специфики.

7. Внедрение интерактивных форм работы, таких как ролевые игры и дебаты, для практического закрепления материала и развития коммуникативной компетенции.

8. Систематическая рефлексия и творческое осмысление (эссе, аннотации), способствующие развитию личного отношения и межкультурного понимания.

Таким образом, следует отметить, что данная методика способствует не только совершенствованию языковых навыков, но и формированию профессиональной языковой компетенции с учетом психологических и культурных аспектов делового общения.

Заключение

В рамках данной методики обучения иностранному языку представлен системный и научно обоснованный подход к работе с медиатекстами посредством КТП-анализа, который предусматривает поэтапное освоение учебных материалов, согласованное с логикой учебной деятельности студентов.

На первом, презентационном уровне (Работа с контекстом – К), акцент делается на формировании у обучающихся всестороннего понимания медиатекста через анализ исторического, социального и культурного контекста, характеристик автора, времени и места публикации, а также целевой аудитории и прагматических целей текста. Данный этап направлен на активизацию фоновых знаний и развитие умения выявлять жанровые и коммуникативные особенности медийного продукта.

Второй, аналитический уровень (Работа с текстом – Т и подтекстом – П) предполагает глубокий лексико-грамматический разбор, перевод и интерпретацию ключевых терминов и выражений, выявление скрытых смыслов, эмоциональных и культурных подтекстов, что способствует развитию критического мышления и межкультурной компетенции.

Третий, интерактивный уровень ориентирован на практическое применение усвоенного материала посредством коммуникативных упражнений, моделирующих реальные ситуации: дискуссий, ролевых игр и дебатов, что формирует у студентов способности к эффективному межличностному общению в профессиональной среде.

Наконец, рефлексивный уровень стимулирует развитие умений самостоятельного анализа и письменного высказывания, побуждая студентов к интеграции теоретических знаний с личным опытом и культурным контекстом, что укрепляет их навыки критического осмысления и рефлексии.

Таким образом, предложенная модель КТП-анализа медиатекстов является комплексной и последовательной системой, обеспечивающей всестороннее и глубинное освоение иностранного языка в рамках профессиональной подготовки будущих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барышева А.И. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015 № 8 (50). С. 18-20
2. Голякова Л. А. Подтекст в иерархической системе контекстов художественного произведения // Вестник Пермского университета. 2012 № 4(20) с. 75–80
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления // Т. Добросклонская, 2020.
4. Засурский Я. Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 3-6
5. Зубкова Е.В. Business Psychology: учебник / Е.В. Зубкова, О.А. Данько, Д.В. Еныгин, В.О. Мидова, Москва: Русайнс, 2023. - 138 с.
6. Казак М. Ю., Махова А. А. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2011 № 24 (119). Выпуск 12. С. 176 - 181
7. Кондина А.С., Минасян Е.Т. Нарративно-цифровой подход в языковом образовании при формировании профессиональной самоидентификации студентов // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 6 (141). С. 47-54

8. Кудрина А. В. Экономический медиатекст и деловая репутация // *Культура и цивилизация*. 2017. Том 7. № 2А. С. 449–459
9. Кузьмина Н. А. *Современный медиатекст: учебное пособие* отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск. 2011. 414 с.
10. Меркиш Н. Е. Использование культурного потенциала лексики медиатекстов в иноязычном обучении // *Язык и культура*. 2017 № 3(39). С. 226–336
11. Цыкунов И. В. *Методика изучения и интерпретации медиатекстов в контексте обучения РКИ* // *Язык и текст*. 2015. Том 2. №2. С. 36–43
12. Bell A., Garrett P. (1998). *Approaches to Media Discourse*. 304 p.
13. *English for psychology: A coursebook for Higher Education Studies: учебное пособие* / Н.В. Кузнецова, Е.В. Кутинова, В.В. Гончарова, А.С. Кондина. – Москва : ГУП, 2023. – 152 с.
14. Goncharova V., Maslova E., Midova V., etc. *The handbook of Business English Dialogue in Authentic Contexts*, "Van Aryan" Publishing House, Yerevan, Armenia, 2023, 152 p.
15. *Stretch opportunities: skills and language for your future career. Расширяя возможности: язык и навыки для будущей карьеры: учебное пособие* / В.В. Гончарова, Е.Г.Маслова, В.О. Мидова и [др.]; Москва: Русайнс, 2024 - 98с.

ОБ АВТОРЕ:

Квач Ирина Валериевна,
старший преподаватель кафедры
инженерной и машинной геометрии и
графики,
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Балтийский государственный
технический университет «ВОЕНМЕХ»
им. Д.Ф. Устинова», Санкт-Петербург, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Kvach Irina V.,
Senior Lecturer of the Department of
Engineering and Machine Geometry and
Graphics,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education "Baltic State Technical University
"VOENMEH" named after D.F. Ustinov", Saint-
Petersburg, Russia

УДК 378

Квач И.В.

Формирование инженерного стиля мышления в процессе изучения начертательной геометрии

В статье обосновывается фундаментальная роль начертательной геометрии в формировании системного инженерного мышления в условиях цифровой трансформации промышленности. Дисциплина рассматривается как когнитивный тренажер, развивающий пространственное воображение, алгоритмическое мышление и проекционную культуру. Проанализированы психологические аспекты усвоения курса и преодоления когнитивных барьеров с помощью современных технологий. Предложены методические подходы, интегрирующие классические методы Монжа с CAD-технологиями, проектным и проблемным обучением. Показано, что синтез традиционных и цифровых методов создает дидактическую среду для развития ключевых компонентов инженерного мышления.

Ключевые слова: начертательная геометрия, инженерное мышление, пространственное воображение, когнитивный тренажер, CAD-технологии, проекционное предвидение, методика преподавания, инженерное образование, цифровая трансформация.

Для цитирования: Квач И.В. Формирование инженерного стиля мышления в процессе изучения начертательной геометрии // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 153-161.

FORMATION OF AN ENGINEERING STYLE OF THINKING IN THE PROCESS OF STUDYING DESCRIPTIVE GEOMETRY

Kvach I.V.

The article substantiates the fundamental role of descriptive geometry in forming systemic engineering thinking within the context of industry's digital transformation. The discipline is considered as a cognitive trainer that develops spatial imagination, algorithmic thinking and projection culture. The psychological aspects of course assimilation and overcoming cognitive barriers through modern technologies are analyzed. Methodological approaches integrating classical Monge's methods with CAD technologies, project-based and problem-based learning are proposed. It is shown that the synthesis of traditional and digital methods creates a didactic environment for developing key components of engineering thinking.

Keywords: descriptive geometry, engineering thinking, spatial imagination, cognitive trainer, CAD technologies, projection foresight, teaching methodology, engineering education, digital transformation.

For citation: Kvach I.V. Formation of an engineering style of thinking in the process of studying descriptive geometry. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 153-161. (In Russ.)

Современные вызовы в области промышленной инженерии предъявляют повышенные требования к качеству профессиональной подготовки специалистов.

Геометрографическая подготовка инженера должна быть универсальной и гибкой, чтобы отвечать расширяющемуся списку универсальных компетенций и

задачам производственного сектора [6]. В условиях быстрого прототипирования, широкого внедрения CAD/CAM/CAE-систем фундаментальные дисциплины, такие как начертательная геометрия, зачастую подвергаются переоценке своей значимости. Однако именно она закладывает когнитивный фундамент, без которого невозможно становление полноценного инженерного стиля мышления. Следует согласиться, что «под влиянием информатизации или, как часто теперь говорится, цифровизации развернулась глубокая модернизация всей геометро-графической подготовки инженеров» [1, с.11].

Инженерный стиль мышления понимается нами как комплекс интеллектуальных способностей, включающий умение мысленно оперировать пространственными образами, проводить их анализ и синтез, мыслить алгоритмически и проекционно, предвидеть результат на основе теоретических предпосылок и строго следовать нормам и правилам. Формирование этого стиля является центральной задачей курса начертательной геометрии.

Начертательная геометрия как когнитивный тренажер.

Курс начертательной геометрии представляет собой уникальный когнитивный тренажер, системно формирующий у будущего инженера базовые мыслительные операции. Его ядром является оперирование абстрактными проекционными моделями, что требует от студента постоянного перехода от двумерного чертежа к мысленному трехмерному образу и обратно. Этот процесс напрямую развивает способность к анализу и синтезу геометрических форм, когда сложный объект мысленно расчленяется на простейшие примитивы – цилиндры, конусы, призмы, а затем заново синтезируется с учетом всех линий пересечения и сопряжения. Подобная умственная деятельность является прямой аналогией инженерного проектирования, где конструкция также создается из стандартных элементов и узлов. Важнейшим качеством, которое интенсивно развивает дисциплина, выступает алгоритмичность мышления.

Решение типовых задач – будь то определение натуральной величины отрезка или нахождение линии пересечения двух поверхностей – подчиняется строгому алгоритму, будь то метод замены плоскостей проекций или способ вспомогательных секущих плоскостей. Такой подход учит разбивать сложную, на первый взгляд, проблему на последовательность простых и логичных шагов, воспитывая дисциплину ума и структурность мыслительного процесса. Кроме того, начертательная геометрия воспитывает навык проекционного предвидения – способности предсказывать результат построения или свойства объекта еще до его физического воплощения.

Студент, работая лишь с двумя проекциями, должен точно представить не только третью, но и все скрытые элементы формы, что формирует интуицию, критически необходимую инженеру для прогнозирования поведения детали под нагрузкой или в процессе изготовления.

Таким образом, через формальный язык линий и проекций дисциплина закладывает глубокий фундамент инженерной логики, пространственного интеллекта и культуры точного мысленного эксперимента, выступая незаменимым полигоном для отработки ключевых когнитивных навыков.

Курс начертательной геометрии выстраивает у студентов систему мысленных операций, идентичных инженерной деятельности:

- От абстракции к конкретному: студент работает не с реальным объектом, а с его абстрактной проекционной моделью (комплексный чертеж). Это требует умения мысленно "собирать" целое из проекционных частей и, наоборот, "расчленять" объект

на простейшие геометрические формы. Данный навык напрямую переносится на задачи конструирования и анализа технических устройств.

- **Алгоритмическое мышление:** решение типовых позиционных и метрических задач в начертательной геометрии представляет собой четкую последовательность действий. Например, нахождение линии пересечения двух поверхностей требует применения метода введения вспомогательных секущих плоскостей. Это воспитывает дисциплину, учит разбивать сложную проблему на последовательность простых шагов.

- **Проекционное предвидение:** инженер, создавая чертеж детали, должен мысленно представить не только ее внешний вид, но и технологию изготовления, возможные нагрузки. Аналогично, студент, решая задачу по построению третьей проекции по двум заданным, должен предвидеть все особенности формы объекта, включая невидимые контуры и линии пересечения поверхностей.

Навыки решения задач начертательной геометрии в частности и общетехнических дисциплин в целом, позволяют будущему инженеру лучше ориентироваться в профессии, находить различные технические и физические величины [8, с.91].

Ключевые компоненты инженерного мышления, формируемые дисциплиной.

Ключевые компоненты инженерного мышления, формируемые дисциплиной, образуют комплекс взаимосвязанных качеств, развитие которых выходит далеко за рамки сугубо графической подготовки. Центральным среди них, безусловно, является пространственное воображение — способность мысленно создавать, вращать, рассекать и видоизменять трёхмерные объекты, оперируя их плоскими проекциями. Этот навык служит основой для чтения и создания чертежей, превращая абстрактный комплексный чертёж в ясный умственный образ детали или узла.

Развитие пространственного мышления при изучении начертательной геометрии обеспечивает «наглядно-образный подход с применением новых средств наглядности» который должен превалировать при преподавании дисциплины [7, с.162].

Параллельно закладывается фундамент алгоритмического мышления, поскольку решение любой позиционной или метрической задачи подчиняется строгому, логически выверенному порядку действий. Этот структурный подход воспитывает дисциплину, приучая будущего инженера к последовательному и системному решению проблем. Не менее важен формируемый компонент проекционной культуры, включающий в себя понимание неразрывной связи между объёмным объектом и его условным, регламентированным стандартами изображением.

Эта культура простирается от безукоснительного соблюдения правил ГОСТов ЕСКД до осознания того, что каждая линия на чертеже несёт однозначную информацию для изготовления или контроля, что воспитывает ответственность, точность и техническую грамотность.

В совокупности эти компоненты — пространственное мышление, аналитико-синтетический подход, алгоритмичность и проекционная культура — создают тот самый когнитивный каркас, на который в дальнейшем нанизываются знания из специальных инженерных дисциплин, обеспечивая не просто умение чертить, а способность профессионально мыслить.

- **Пространственное воображение:** это базовый компонент, без которого невозможно изучение курса. Мысленное вращение объектов, их сечение, представление разверток – все это активно развивается в процессе выполнения графических работ.

- **Точность и стандартизация:** работа по строго установленным ГОСТам (ЕСКД) формирует у будущего инженера понимание важности унификации, точности и однозначности в технической документации. Ошибка в проведении линии или неверное обозначение на учебном чертеже являются моделью будущей, гораздо более «дорогостоящей», ошибки в рабочей документации.

- **Анализ и синтез геометрических форм:** любой сложный инженерный объект может быть разложен на простые геометрические. Начертательная геометрия учит проводить этот анализ и, осуществлять синтез – мысленно комбинировать эти формы, предсказывая результат их пересечения и сопряжения.

Современные методические подходы.

Современные методические подходы к преподаванию начертательной геометрии характеризуются переходом от репродуктивного освоения методов проецирования к активному использованию цифровых инструментов, ориентированных на формирование целостного инженерного мышления.

Ключевым направлением стала интеграция классических методов Монжа с возможностями трехмерного компьютерного моделирования. Использование CAD-систем, таких как Kompas-3D, позволяет создать динамическую связь между абстрактным комплексным чертежом и его наглядным объемным представлением. С одной стороны, студент может выполнить традиционное построение на чертеже, а затем верифицировать его правильность, создав 3D-модель.

С другой – практика автоматического получения проекций из готовой модели помогает понять «генетическую» связь между реальным объектом и его условными изображениями, закрепляя понимание логики проекционного отображения. Такой синтез классики и цифровизации не отменяет необходимости развития пространственного воображения, а выводит его на новый уровень, делая процесс интерактивным и исследовательским.

Другим значимым подходом является внедрение проектно-ориентированного обучения, при котором разрозненные задания уступают место сквозным проектным работам. Студентам предлагается спроектировать несложное техническое устройство или узел, пройдя все этапы – от эскизного замысла и начертательно-геометрического анализа формы, до оформления полного пакета конструкторской документации.

Этот метод не только мотивирует учащихся, показывая практическую значимость изучаемого материала, но и моделирует реальную инженерную деятельность, где графические построения являются не самоцелью, а средством решения прикладной задачи. В рамках такого подхода естественным образом формируются навыки коллективной работы, распределения задач и критической оценки предлагаемых решений, что соответствует принципам современной инженерии.

Необходимо учитывать, что «преподаватель высшего учебного заведения должен постоянно работать над усовершенствованием методов преподавания своего предмета, используя современные технологии, только в этом случае студенту будет интересно на его лекциях и практических занятиях, что способствует крепким и надежным знаниям предмета» [2, с.412].

Таким образом, современные методические подходы трансформируют начертательную геометрию из дисциплины, направленной преимущественно на освоение способов изображения и построения трёхмерных объектов на двухмерной плоскости чертежа и методов решения задач геометрического (чертёжного) характера с этими изображениями, в активную среду для развития системного инженерного мышления, где традиционные методы обогащаются цифровыми технологиями, а учебные задачи максимально приближены к реальным профессиональным вызовам.

Для усиления формирующей роли начертательной геометрии необходима модернизация традиционных методов преподавания:

- Интеграция с 3D-моделированием: использование CAD-систем (например, Kompas-3D) позволяет мгновенно визуализировать абстрактные проекционные построения. Студент может самостоятельно построить 3D-модель по комплексному чертежу и проверить правильность своего пространственного представления. Обратная задача – получение чертежа из 3D-модели – закрепляет понимание связи между объемным образом и его плоскими проекциями.

- Проектно-ориентированное обучение: вместо решения разрозненных задач, студентам можно предложить выполнить сквозной проект: от эскизной идеи и начертательно-геометрического анализа формы до создания полного комплекта чертежей простого устройства. Это приближает учебный процесс к реальной инженерной деятельности.

Психологические аспекты формирования пространственных представлений и роль новых технологий в их развитии.

Формирование пространственных представлений в процессе изучения начертательной геометрии представляет собой сложный психологический процесс, связанный с переводом двумерной проекционной информации в мысленные трехмерные образы.

С психологической точки зрения этот процесс требует одновременной работы образного и логического компонентов мышления, что создает существенные трудности для значительной части студентов. Ключевой проблемой является преодоление "когнитивного барьера", возникающего при необходимости оперировать абстрактными проекционными моделями, лишенными привычных визуальных признаков реальных объектов. Традиционные методы обучения, основанные исключительно на работе с бумажными чертежами, иногда не позволяют эффективно преодолеть этот барьер, поскольку не предоставляют достаточной обратной связи для проверки правильности формируемых ментальных образов. Именно здесь современные технологии играют решающую роль, выступая своего рода "когнитивным протезом", позволяющим сделать невидимые мыслительные процессы зримыми и проверяемыми.

Интерактивные 3D-модели и системы виртуальной реальности предоставляют возможность постепенного усложнения пространственных задач – от простого вращения стандартных геометрических тел до сложных операций мысленного сечения и преобразования форм. Особенно важным психологическим аспектом является возможность мгновенной верификации собственных пространственных представлений, когда студент может самостоятельно построить гипотезу о форме объекта и немедленно проверить ее, создав соответствующую 3D-модель.

Такой подход принципиально меняет мотивационную структуру учебной деятельности, трансформируя потенциально фрустрирующий опыт столкновения с

пространственными трудностями в увлекательный процесс исследования и открытия. Технологии дополненной реальности позволяют наложить проекционные изображения на реальные физические модели, создавая плавный переход от конкретного к абстрактному, что соответствует естественным механизмам формирования пространственного мышления в онтогенезе.

Кроме того, компьютерные тренажеры могут адаптироваться к индивидуальным особенностям восприятия разных студентов, предлагая альтернативные способы визуализации одной и той же геометрической задачи — например, через цветовое кодирование различных типов линий или анимированное поэтапное построение.

Таким образом, современные технологии не просто облегчают усвоение учебного материала, а активно влияют на психологические механизмы формирования пространственных представлений, обеспечивая более глубокое и устойчивое развитие соответствующих когнитивных структур, что в конечном итоге закладывает прочный фундамент для становления целостного инженерного мышления.

Актуальные проблемы и барьеры модернизации курса начертательной геометрии.

Несмотря на очевидную необходимость модернизации курса начертательной геометрии, его практическое обновление сталкивается с комплексом системных проблем. Одной из наиболее существенных является противоречие между традиционным содержанием курса, складывавшегося десятилетиями, и даже столетиями (в России курс начертательной геометрии впервые ввели в учебную программу Петербургского института корпуса инженеров путей сообщения в 1810 году [3]) и современными требованиями производства.

Существующие учебные программы зачастую перегружены рутинными графическими заданиями, не учитывающими возможности современных CAD-систем, что приводит к дисбалансу между временем, затрачиваемым на освоение устаревших приемов, и развитием стратегического инженерного мышления.

Значительным барьером выступает недостаточная материально-техническая база многих образовательных учреждений, не позволяющая обеспечить полноценное внедрение ресурсоемких программных комплексов и интерактивного оборудования. Не менее острой проблемой является кадровый дефицит — часть преподавательского состава, обладая высокими компетенциями в классических методах черчения, испытывает трудности с освоением цифровых технологий и интеграцией их в учебный процесс. Это усугубляется отсутствием эффективной системы повышения квалификации, ориентированной именно на методические аспекты преподавания начертательной геометрии в новых условиях.

Содержательным вызовом остается поиск оптимального соотношения между фундаментальной классической подготовкой и прикладными цифровыми компетенциями, поскольку прямая замена традиционных чертежных навыков работой в CAD-среде неизбежно ведет к потере глубины понимания проекционных принципов. Кроме того, наблюдаются трудности методического характера — отсутствие адаптированных учебно-методических комплексов, сочетающих традиционные и инновационные подходы, а также проверенных методик оценки сформированности новых компетенций. Психологическим барьером для студентов становится необходимость одновременного освоения абстрактного языка начертательной геометрии и сложного интерфейса профессиональных программных пакетов, что создает когнитивную перегрузку.

Все эти проблемы усугубляются постоянным сокращением аудиторных часов, выделяемых на графические дисциплины в новых образовательных стандартах, в результате чего преподаватели вынуждены выбирать между глубиной освоения материала и необходимостью формального выполнения учебного плана.

Таким образом, успешная модернизация курса требует не просто технического переоснащения, а системного пересмотра содержания, методов обучения и подходов к подготовке преподавательских кадров.

Мотивационный компонент в обучении начертательной геометрии.

Существенным аспектом современного преподавания начертательной геометрии является формирование устойчивой мотивации у студентов, которая традиционно представляет собой серьезную педагогическую проблему.

Хотелось бы отметить ряд особенностей дисциплины, отрицательно влияющих на мотивацию обучения: это весьма трудоемкий предмет, временные затраты на выполнение заданий по этому предмету в два – три раза превышает нормативные; изучение предмета начертательной геометрии приходится на сложный период адаптации студентов к новым условиям обучения; содержание учебного материала курса начертательной геометрии не обладает очевидной для студентов практической значимостью для дальнейшей их профессиональной деятельности; работа студентов строго индивидуализирована как по методам обучения, так и по контрольным процедурам [5].

Изначальная абстрактность дисциплины, оторванность ее содержания от реальной инженерной практики в восприятии учащихся и сложность формирования пространственных образов часто приводят к снижению интереса и формальному отношению к изучению курса.

Однако именно мотивационная составляющая становится ключевым фактором, определяющим эффективность всего процесса обучения. Современные исследования в области педагогической психологии показывают, что преодоление "мотивационного кризиса" возможно через перестройку содержания и методов обучения с акцентом на практическую значимость и профессиональную ориентированность учебного материала. Важнейшим мотивирующим фактором выступает демонстрация непосредственной связи между решением учебных задач по начертательной геометрии и будущей профессиональной деятельностью, когда каждое построение и алгоритм воспринимаются не как абстрактное упражнение, а как элемент реального проектирования. Значительный мотивационный потенциал заложен в использовании цифровых технологий, которые преобразуют рутинный процесс черчения в увлекательную творческую деятельность по созданию и визуализации трехмерных моделей.

Возможность мгновенно увидеть результат своих построений в виде объемной компьютерной модели, проверить правильность решения практической задачи и самостоятельно обнаружить ошибки создает положительную обратную связь и усиливает познавательный интерес. Особое значение имеет внедрение проектных методов обучения, когда студенты получают возможность работать над целостными практико-ориентированными заданиями, имитирующими реальные инженерные проблемы. Участие в таких проектах формирует понимание системной значимости начертательной геометрии в общей цепочке инженерной подготовки, когда графические построения становятся не самоцелью, а средством решения профессиональных задач.

Дополнительным мотивационным ресурсом выступает организация коллективной работы над сложными проектами, что способствует формированию профессионального сообщества и создает здоровую конкурентную среду.

Не менее важным является и постепенный переход от жестко регламентированных заданий к задачам с элементами творчества и вариативности решений, что позволяет учесть индивидуальные особенности студентов и предоставляет пространство для самостоятельного поиска и экспериментов. Для эффективного формирования компетенций при изучении начертательной геометрии, важным компонентом является объёмная база заданий, некоторые авторы указывают, что подлежат изучению студентами, «решению и тщательной проработке порядка 500 задач» [4, с.87].

Таким образом, целенаправленное формирование мотивационной среды в процессе изучения начертательной геометрии, основанное на принципах практической ориентированности и творческой самореализации, позволяет не только повысить эффективность освоения учебного материала, но и заложить основы профессиональной идентичности будущего инженера.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о системообразующей роли начертательной геометрии в современном инженерном образовании, и в формировании инженерного стиля мышления. В условиях цифровой трансформации промышленности дисциплина не только сохраняет свою актуальность, но и приобретает новое звучание как уникальный когнитивный тренажер, формирующий фундаментальные основы инженерного мышления. Анализ психологических механизмов усвоения курса выявил необходимость целенаправленного преодоления когнитивных барьеров через интеграцию традиционных методов и современных цифровых технологий.

Разработанные методические подходы, показывают, что только в сочетании классических принципов Монжа с частичным внедрением наглядных CAD-технологий, проектным и проблемным обучением можно достичь высокой эффективности в развитии ключевых компонентов инженерного мышления: пространственного воображения, алгоритмичности, аналитико-синтетического подхода и проекционной культуры.

Внедряя новые цифровые технологии в процесс обучения, ни в коем случае нельзя отказываться от многолетнего успешного опыта преподавания начертательной геометрии в отечественных вузах, предложенные подходы должны дополнять, облегчать процесс освоения дисциплины, мотивировать будущих инженеров. Особое значение имеет мотивационный аспект обучения, где переход от абстрактных заданий к практико-ориентированным проектам создает условия для формирования профессиональной идентичности будущего инженера.

Однако успешная реализация этих подходов требует преодоления системных проблем модернизации курса, включая обновление содержания, укрепление материально-технической базы, подготовку преподавательских кадров и разработку новых оценочных средств. Перспективы дальнейших исследований видятся в создании адаптивных обучающих систем на основе искусственного интеллекта, разработке дифференцированных методик преподавания с учетом индивидуальных когнитивных особенностей студентов, а также в проведении исследований взаимосвязи между уровнем развития пространственного мышления и профессиональной успешностью выпускников инженерных специальностей.

Целостное восприятие начертательной геометрии как фундаментальной основы инженерного образования и формирования системного инженерного мышления открывает новые возможности для подготовки конкурентоспособных специалистов, способных решать сложные профессиональные задачи в условиях стремительного технологического развития.

Дальнейшая работа в этом направлении будет способствовать не только совершенствованию графической подготовки, но и формированию нового поколения инженеров, обладающих системным мышлением и готовностью к инновационной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Красовская, Н. И. Роль начертательной геометрии в развитии пространственного мышления студентов / Н. И. Красовская, А. В. Сычева, Н. В. Бауэр // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 7. – С. 8-12. – DOI 10.25586/RNU.HET.19.07.P.08. – EDN EOMZTJ.
2. Маринина, О. Н. Методы педагогики начертательной геометрии / О. Н. Маринина // Актуальные проблемы строительства, ЖКХ и техносферной безопасности : Материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-технической конференции молодых исследователей, Волгоград, 22–27 апреля 2024 года. – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2024. – С. 411-412. – EDN AKPLHY.
3. Основатели начертательной геометрии. – Текст : электронный // Научная электронная библиотека : [сайт]. – URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=12281> (дата обращения: 02.10.2025).
4. Особенности преподавания начертательной геометрии / А. Кошилиева, Д. Гурдова, А. Керимов, А. Ыбадуллаев // Академическая публицистика. – 2023. – № 10-2. – С. 85-87. – EDN AGSOHS.
5. Пянзина, Ю. А. Реконструкция содержания учебного материала курса "Начертательная геометрия" при введении проблемного обучения / Ю. А. Пянзина // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2008. – № 1. – С. 202-206. – EDN RUMIWZ.
6. Тихонов-Бугров, Д. Е. Стандартизация, унификация, параметризация в курсе "Инженерная и компьютерная графика" / Д. Е. Тихонов-Бугров, М. В. Ракитская, В. В. Шкварцов // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2017. – Т. 2. – С. 69-71. – EDN YSZXAT.
7. Тончева, Н. Н. Развитие пространственного мышления при изучении начертательной геометрии и инженерной графики / Н. Н. Тончева, В. А. Гончарова, А. А. Сычева // Автомобильный транспорт: эксплуатация, сервис, подготовка кадров : Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 95-летию Университета Яковлева, Чебоксары, 17 апреля 2025 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2025. – С. 159-166. – EDN QFHGCL.
8. Черкасова, Е. Ю. Применение методов начертательной геометрии для решения физических задач / Е. Ю. Черкасова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2022. – № 12. – С. 88-91. – DOI 10.17513/mjprfi.13489. – EDN LQTRGU.

ОБ АВТОРЕ:**Квач Сергей Сергеевич,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Е5 экологии и производственной безопасности,

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», Санкт-Петербург, Россия

ABOUT THE AUTHOR:**Kvach Sergey S.,**

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Ecology and Industrial Safety E5,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov", Saint-Petersburg, Russia

УДК 378

Квач С.С.

Дисциплина «Правоведение» в системе подготовки инженеров оборонно-промышленного комплекса: содержательный и методический аспекты

В статье обоснована необходимость трансформации содержания и методики преподавания дисциплины «Правоведение» для подготовки инженеров оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Выявлена специфика правовой подготовки, заключающаяся в формировании профессиональных компетенций, позволяющих действовать в условиях современного правового регулирования и повышенных рисков. Предложена модульная структура курса, включающая как классические правовые дисциплины, так и специализированные модули: публично-правовые основы деятельности ОПК, правовой режим информации, регулирование

военно-технического сотрудничества и экспортного контроля, гражданско-правовые аспекты создания вооружения и военной техники, юридическую ответственность инженера. Рассмотрены инновационные методические подходы, направленные на формирование правового мышления: кейс-метод, деловые игры, проектная деятельность, привлечение практикующих специалистов. Сделан вывод о том, что реализация предложенной концепции будет способствовать подготовке высококвалифицированных инженерных кадров, обладающих правовой культурой, необходимой для обеспечения национальной безопасности и технологического суверенитета.

Ключевые слова: правоведение, инженерное образование, оборонно-промышленный комплекс, государственный оборонный заказ, правовой режим информации, военно-техническое сотрудничество, экспортный контроль, юридическая ответственность.

Для цитирования: Квач С.С. Дисциплина «Правоведение» в системе подготовки инженеров оборонно-промышленного комплекса: содержательный и методический аспекты // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 162-171.

THE DISCIPLINE "LAW STUDIES" IN THE SYSTEM OF TRAINING ENGINEERS FOR THE DEFENSE INDUSTRY: CONTENT AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Kvach S.S.

The article substantiates the need to transform the content and teaching methods of the discipline "Jurisprudence" for engineers of the military-industrial complex (MIC). The article reveals the specifics of legal training, which consists in the formation of professional competencies that allow acting in conditions of strict legal regulation and increased risks. The modular structure of the course is proposed, which includes both classical legal disciplines and specialized modules: the public law foundations of the defense industry, the legal regime of information, regulation of military-technical cooperation and export control, civil law aspects of the creation of weapons and military equipment, the legal responsibility of the engineer. Innovative methodological approaches aimed at the formation of legal thinking are considered: the case method, business games, project activities, and the involvement of practicing specialists. It is concluded that the implementation of the proposed concept will contribute to the training of highly

qualified engineering personnel with the legal culture necessary to ensure national security and technological sovereignty.

Keywords: Law, engineering education, military-industrial complex, state defense order, legal regime of information, military-technical cooperation, export control, and legal liability.

For citation: Kvach S.S. The discipline "Law studies" in the system of training engineers for the defense industry: content and methodological aspects. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 162-171. (In Russ.)

Введение.

Современный этап развития оборонно-промышленного комплекса России (ОПК) характеризуется высокой технологичностью, сложностью кооперационных связей и ужесточением международных правовых режимов. Деятельность инженера в сфере ОПК сегодня не ограничивается решением сугубо технических задач. Она неразрывно связана с соблюдением широкого спектра правовых норм, нарушение которых влечет за собой не только дисциплинарную, административную и уголовную ответственность самого специалиста, но и создает риски для национальной безопасности государства.

В этой связи традиционный курс «Правоведение», читаемый в большинстве технических вузов, оказывается недостаточным для комплексной подготовки будущих инженеров ОПК. Возникает объективная необходимость в разработке специализированной программы, которая бы органично интегрировала правовые знания в контекст их профессиональной деятельности.

Целью настоящей статьи является анализ содержательного наполнения и методических основ преподавания дисциплины «Правоведение» для студентов инженерных специальностей, ориентированных на работу в ОПК.

1. Специфика правовой подготовки инженера ОПК: от общих знаний к профессиональным компетенциям.

Как указывают современные авторы, на сегодняшний день «основные высокотехнологичные процессы и высококвалифицированный персонал сосредоточен в оборонно-промышленном комплексе» [1, с.34].

Специфика же правовой подготовки инженера ОПК заключается в ее принципиальном отличии от общей задачи формирования правовой культуры студента. Если для большинства специальностей курс «Правоведения» призван обеспечить базовую юридическую грамотность в гражданской жизни, то для будущего создателя вооружения и военной техники правовые знания трансформируются в прямой профессиональный инструмент, интегрированный в каждый этап его деятельности. Основная задача здесь смещается от усвоения абстрактных норм к выработке конкретных профессиональных компетенций, позволяющих действовать в строго регламентированном правовом поле, где цена ошибки многократно возрастает.

Инженер ОПК должен не просто знать о существовании Уголовного кодекса, а четко осознавать, какие именно его действия при конструировании узла, оформлении технической документации или общении с иностранными коллегами могут подпасть под статьи о государственной измене или разглашении государственной тайны.

Таким образом, правовая подготовка становится не дополнительным, а сквозным элементом его профессионального мировоззрения. Она формирует у специалиста особое «правовое мышление», которое позволяет максимально четко идентифицировать риски еще на стадии проектирования, а не постфактум

сталкиваться с последствиями их нарушения. Это мышление базируется на понимании системной взаимосвязи между техническим решением, его документальным оформлением и теми правовыми режимами — государственной тайны, экспортного контроля, интеллектуальной собственности — которые оно активизирует.

Следовательно, результатом обучения должна стать способность выпускника не только создавать высокотехнологичные продукты, но и делать это в правовом коридоре, определенном национальными интересами и международными обязательствами государства, что в конечном итоге превращает юридическую грамотность в неотъемлемый компонент оборонной состоятельности страны.

Основная задача дисциплины «Правоведение» для данной категории студентов смещается с формирования общей правовой культуры на выработку конкретных профессиональных компетенций. К ним можно отнести:

- Способность идентифицировать правовые риски в процессе конструкторской, технологической и испытательной деятельности.
- Знание и соблюдение режима государственной, служебной и коммерческой тайны.
- Умение работать в условиях действия систем экспортного контроля и международных санкционных режимов.
- Понимание правовых основ оборота вооружений,
- Знание основ административной и уголовной ответственности за преступления в сфере оборонного заказа и против военной службы.

Таким образом, правовая подготовка становится не вспомогательным, а сквозным элементом инженерного образования в интересах ОПК.

2. Ключевые содержательные модули дисциплины «Правоведение» для инженеров ОПК.

Содержательное наполнение дисциплины «Правоведение» для инженеров ОПК, безусловно, включает в себя и классические фундаментальные модули, составляющие основу правовой культуры любого специалиста. Однако их изучение не является самоцелью и подчиняется главной задаче — показать непосредственную связь общих правовых норм с профессиональной деятельностью в оборонно-промышленном комплексе.

Так, модуль «Теория государства и права» формирует у студентов системное понимание таких ключевых для ОПК категорий, как «законность», «юридическая ответственность», «нормативный правовой акт» и «правоприменение», без чего невозможно осознать место и роль строго регламентированной деятельности по созданию вооружения в правовой системе государства.

Изучение конституционного права выходит за рамки простого перечисления прав и свобод человека, акцентируясь на основах конституционного строя, принципах федеративного устройства и разграничении предметов ведения, что определяет полномочия федеральных органов власти в области обороны и управления ОПК.

Значительное внимание уделяется административному праву, поскольку именно административно-правовые отношения являются основной формой взаимодействия инженера с органами государственной власти — от лицензирующих и надзорных органов до структур, осуществляющих контроль в области защиты государственной тайны.

Гражданско-правовой модуль, в свою очередь, преподносится не как абстрактный свод правил о сделках, а как правовая основа хозяйственной

деятельности предприятий ОПК, охватывающая правовой статус юридических лиц, особенности заключения государственных контрактов, а также специфику регулирования интеллектуальной собственности, когда инженерный результат становится объектом исключительных прав.

Наконец, уголовно-правовой блок сосредотачивается не на общем курсе преступлений, а на детальном анализе составов, непосредственно связанных со сферой обороны и безопасности, таких как государственная измена, шпионаж, разглашение государственной тайны и другие, что подчеркивает высочайший уровень персональной ответственности.

Таким образом, даже классические правовые модули в рамках данной дисциплины получают целевую ориентацию, наполняясь конкретным профессиональным смыслом и создавая прочный фундамент для последующего изучения специализированных отраслевых регламентов.

Содержательное наполнение дисциплины «Правоведение» для инженеров ОПК требует выхода за рамки традиционного курса и должно быть дополнено специальной частью, структурированной в ряд ключевых модулей, отражающих специфику их будущей профессиональной среды.

Центральным звеном становится модуль, посвященный публично-правовым основам деятельности оборонно-промышленного комплекса, где подробно раскрывается правовой механизм государственного оборонного заказа, включая особенности контрактной системы, бюджетного финансирования и ответственности за неисполнение контрактных обязательств.

Неотъемлемой и логически связанной с ним частью курса является модуль, рассматривающий правовой режим информации, где особый акцент делается на законодательстве о государственной тайне, порядке допуска работников к секретным сведениям и комплексной системе защиты информации, что формирует у будущего инженера понимание не технических, а юридических и организационных аспектов информационной безопасности.

Важнейшее значение приобретает модуль, охватывающий сложную сферу регулирования военно-технического сотрудничества и экспортного контроля, в рамках которого студенты должны усвоить не только национальные правила, но и логику международных режимов нераспространения, научиться идентифицировать контролируемые товары и технологии и осознавать свою личную роль в обеспечении экспортного соответствия.

Гражданско-правовой блок при этом трансформируется из общего в сугубо прикладной, фокусируясь на правовом режиме результатов интеллектуальной деятельности, специфике патентования в сфере ВВТ и особенностях лицензионных договоров, что позволяет инженеру видеть в создаваемом объекте не только техническую, но и коммерческую ценность, защищенную законом. Завершающим, системообразующим элементом курса выступает модуль, детализирующий все виды юридической ответственности инженера ОПК — от дисциплинарной до уголовной, с обязательным разбором судебной практики по преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, что призвано сформировать устойчивое понимание неотвратимости наказания и личной ответственности за принимаемые профессиональные решения.

Таким образом, предлагается структурировать специальную часть курса вокруг следующих тематических модулей, выходящих за рамки стандартного курса:

Модуль 1. Публично-правовые основы деятельности ОПК.

Модуль, посвященный публично-правовым основам деятельности оборонно-промышленного комплекса, является системообразующим в курсе «Правоведения» для инженеров, поскольку именно он формирует понимание правовой среды, в которой функционирует отрасль.

Его содержание выстраивается вокруг концепции государственного оборонного заказа (ГОЗ) как основного механизма взаимодействия между государством-заказчиком и предприятием-исполнителем. Изучение Федерального закона «О государственном оборонном заказе» [2] позволяет будущим специалистам усвоить не только формальные процедуры размещения заказа и заключения контракта, но и глубинную логику ценообразования, включая методы определения цены и особенности возмещения затрат, что напрямую влияет на экономическую устойчивость организации.

В рамках модуля раскрывается особый правовой статус субъектов ОПК, их права и обязанности в условиях действия специального законодательства, а также система государственного управления комплексом, включая роль уполномоченных федеральных органов.

Значительное внимание уделяется административно-правовым аспектам, таким как порядок проведения контрольных и надзорных мероприятий со стороны органов государственной власти, обеспечивающих соблюдение требований контрактов и законодательства.

При этом ключевой акцент делается на практических последствиях нарушения установленных норм, будь то неисполнение условий государственного контракта или предоставление недостоверной отчетности, что влечет за собой применение строгих мер административной и финансовой ответственности.

Таким образом, данный модуль дает инженеру целостное представление о том, как публично-правовое регулирование пронизывает все этапы жизненного цикла продукции — от разработки технического задания до поставки готового образца вооружения, формируя основу для последующего изучения более узких вопросов, связанных с защитой информации и экспортным контролем.

Модуль 2. Правовой режим информации в ОПК.

Модуль, рассматривающий правовой режим информации в оборонно-промышленном комплексе, занимает центральное место в правовой подготовке инженера, поскольку именно здесь формируется понимание информации не просто как данных, а как объекта строгой правовой регламентации, от соблюдения которой напрямую зависит национальная безопасность. Его изучение начинается с фундаментального разграничения видов тайн, где особое внимание уделяется государственной тайне как высшей форме защиты сведений; детально анализируются критерии отнесения информации к данной категории, правовые основания и процедуры засекречивания, а также весь комплекс организационных мер, направленных на ее охрану.

При этом ключевое значение приобретает не просто ознакомление с нормами Закона РФ «О государственной тайне» [3], а формирование у будущего специалиста четкого алгоритма действий в повседневной профессиональной деятельности — от порядка работы с документами, имеющими гриф секретности, до правил проведения совещаний и использования защищенных средств связи.

Важнейшим элементом модуля является рассмотрение института допуска к государственной тайне, включающего процедуру оформления, виды допуска и те правовые ограничения, которые накладываются на сотрудника, получившего такой

доступ, что подчеркивает персональный характер ответственности. Параллельно раскрывается правовая природа служебной и коммерческой тайны, их соотношение с государственной тайной и меры по их защите в рамках внутреннего режима предприятия.

Особый блок посвящен вопросам информационной безопасности, понимаемой не в техническом, а в организационно-правовом ключе, где разбираются требования к лицензированию деятельности по защите конфиденциальной информации и правовые последствия ее разглашения, утраты или иного нарушения режима. Таким образом, данный модуль формирует у инженера ОПК устойчивое правосознание, при котором любое действие с информацией — будь то запись в лабораторном журнале, обсуждение проекта или передача данных — изначально оценивается через призму потенциальных правовых рисков и требований установленного законом режима.

Модуль 3. Регулирование военно-технического сотрудничества (ВТС) и экспортного контроля.

Модуль, посвященный регулированию военно-технического сотрудничества и экспортного контроля, формирует у будущего инженера ОПК понимание международно-правового контекста его деятельности, выходящего далеко за национальные границы. Его изучение начинается с анализа основ военно-технического сотрудничества как инструмента внешней политики и обеспечения обороноспособности страны, где раскрывается роль ключевых участников — уполномоченных федеральных органов и специализированных посреднических организаций.

Центральное место в модуле занимает комплексная система экспортного контроля, представляющая собой совокупность правовых механизмов, направленных на предотвращение незаконного распространения вооружений, военных технологий и продукции двойного назначения.

В рамках этого блока детально рассматриваются не только национальные нормативные акты, такие как Федеральный закон «Об экспортном контроле» [4], но и международные режимы, включая Вассенаарские договоренности [5, с.170] и Режим контроля за ракетными технологиями [6], что позволяет студентам понять глобальные истоки и логику внутренних правовых ограничений.

Практико-ориентированная часть модуля фокусируется на процедурных аспектах: классификации товаров и технологий по единым Товарным номенклатурам, организации и проведении экспертиз внешнеэкономических сделок, а также получении необходимых лицензий и разрешений. Особый акцент делается на роли инженера-разработчика в этом процессе, поскольку именно его компетенция является ключевой для корректной идентификации контролируемых характеристик создаваемой продукции и подготовки технического обоснования для экспортно-контрольных документов.

При этом подчеркивается, что нарушения в сфере ВТС и экспортного контроля влекут за собой не только административную и уголовную ответственность конкретного сотрудника, но и создают серьезные риски для международного престижа и внешнеполитических позиций государства.

Таким образом, данный модуль закладывает основы для формирования у специалиста глобального правового мышления, необходимого для работы в условиях международной кооперации и жестких ограничительных режимов.

Модуль 4. Гражданско-правовые аспекты создания ВВТ.

Гражданско-правовой модуль в подготовке инженера ОПК приобретает сугубо прикладной характер, выходя далеко за рамки общих положений о сделках и обязательствах.

Его ядро составляет правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, поскольку создаваемые образцы вооружения и военной техники представляют собой не просто материальные объекты, а концентрацию уникальных технических решений, ноу-хау и изобретений.

В этом контексте детальному анализу подвергается специфика возникновения и оформления прав на РИД, созданные в рамках выполнения государственного оборонного заказа, с учетом преобладающей доли государственного финансирования.

Особое внимание уделяется практическим аспектам патентного права: инженер должен понимать не только процедуру получения патента, но и стратегические соображения, связанные с выбором между патентной защитой и сохранением разработки в режиме ноу-хау, что напрямую влияет на ее защиту от несанкционированного распространения.

Существенной составляющей модуля является договорное регулирование, где изучаются особенности таких специфических договоров, как договор на выполнение опытно-конструкторских работ, лицензионные соглашения на использование секретных изобретений, а также договоры о передаче прав на РИД.

При этом ключевой акцент делается на тех гражданско-правовых последствиях, которые могут наступить для инженера и предприятия в случае некорректного оформления прав на разработанную технологию или нарушения исключительных прав третьих лиц, что чревато не только крупными финансовыми потерями, но и срывами сроков выполнения госконтракта.

Таким образом, данный модуль формирует у будущего специалиста понимание двойственной природы продукта его труда — как объекта материального мира и как объекта исключительных прав, грамотное управление которыми является залогом технологического суверенитета и конкурентного преимущества оборонно-промышленного комплекса.

Модуль 5. Юридическая ответственность инженера ОПК.

Завершающий модуль курса, посвященный юридической ответственности инженера ОПК, выполняет системообразующую функцию, интегрируя знания из всех предыдущих разделов в стройную систему правовых ограничений и запретов. Его изучение позволяет будущему специалисту осознать не абстрактную, а прямую и неизбежную связь между профессиональными действиями и конкретными видами юридической ответственности.

Центральное место здесь занимает уголовно-правовой блок, где детально анализируются не только общие составы преступлений в сфере экономической деятельности, но и специальные нормы, непосредственно связанные с оборонно-промышленной сферой.

Речь идет о таких преступлениях, как нарушение правил изготовления и обращения с оружием, государственная измена в форме шпионажа, разглашение государственной тайны и утрата документов, содержащих государственную тайну, где инженер может выступать не только косвенным, но и прямым субъектом преступления.

При этом ключевой акцент делается на судебной практике, на реальных случаях привлечения к ответственности технических специалистов, что позволяет перевести правовые нормы из области теоретических конструкций в плоскость личных профессиональных рисков.

Административно-правовая ответственность рассматривается через призму нарушений в области экспортного контроля, таможенного регулирования и правил обращения с документами, содержащими сведения ограниченного доступа.

Особое внимание уделяется дисциплинарной ответственности как наиболее вероятному виду правового воздействия, наступающему за нарушение внутренних регламентов предприятия, правил работы с секретной документацией и должностных инструкций.

Важнейшей воспитательной задачей модуля является формирование у студента устойчивой правовой позиции, при которой любое профессиональное решение — от подписи на чертеже до участия в международном семинаре — оценивается через призму потенциальных правовых последствий, что в конечном итоге формирует не только грамотного инженера, но и ответственного субъекта правовых отношений, чья деятельность напрямую связана с обеспечением национальной безопасности.

3. Инновационные методические подходы к преподаванию.

Трансформация содержания дисциплины «Правоведение» для инженеров ОПК требует адекватного обновления методического инструментария, поскольку традиционная лекционная форма подачи материала оказывается недостаточно эффективной для формирования практических компетенций в сложной правовой сфере.

Ключевым направлением совершенствования учебного процесса становится внедрение активных и интерактивных методов обучения, направленных на моделирование профессиональных ситуаций, в которых оказывается специалист оборонно-промышленного комплекса.

На первый план выходит метод кейсов, предполагающий детальный разбор реальных, предварительно анонимизированных кейсов из судебной и административной практики, связанных с нарушениями в области экспортного контроля, разглашения государственной тайны или неисполнения условий государственного контракта. Такой подход позволяет студентам не просто пассивно усваивать правовые нормы, а учиться применять их к конкретным обстоятельствам, анализировать причины правовых нарушений и оценивать возможные последствия.

Дополнением к кейс-методу служит технология деловых игр, в рамках которой моделируются процедуры получения экспортной лицензии, оформления допуска к государственной тайне или проведения внутренней проверки по факту утечки информации, что формирует у будущих инженеров алгоритмы действий в строго регламентированных административных процессах.

Особую значимость приобретает проектная деятельность, когда студенты совместно разрабатывают фрагменты технических заданий с обязательным учетом правовых требований или составляют правовой паспорт нового образца военной техники, определяя его потенциальный статус с точки зрения законодательства о государственной тайне и экспортном контроле.

Не менее важным элементом является привлечение к учебному процессу практикующих специалистов — юристов предприятий ОПК, сотрудников ФСТЭК России и представителей государственного заказчика, чьи лекции и мастер-классы позволяют дополнить теоретические знания актуальной информацией о

применяемых на практике правовых механизмах и типичных проблемных ситуациях. Комплексное использование этих подходов способствует созданию устойчивых связей между теоретическим правовым знанием и инженерной практикой, формируя у будущих специалистов ОПК правовое мышление, основанное на принципах упреждающей идентификации рисков и неукоснительного соблюдения правовых норм как неотъемлемого элемента профессиональной культуры.

Заключение.

Проведенный анализ содержательного и методического аспектов преподавания дисциплины «Правоведение» для инженеров оборонно-промышленного комплекса позволяет сделать вывод о необходимости системной трансформации данного курса. Традиционный подход, ориентированный на формирование общекультурных правовых компетенций, не отвечает современным вызовам, с которыми сталкиваются специалисты, участвующие в создании вооружения и военной техники. Специфика правовой подготовки инженеров ОПК заключается в формировании специализированных профессиональных компетенций, позволяющих действовать в условиях жёсткого правового регулирования и повышенных рисков.

Разработанная модульная структура курса, сочетающая классические правовые дисциплины с отраслевыми модулями, обеспечивает целостное восприятие правового поля, в котором функционирует оборонно-промышленный комплекс. Акцент на изучении публично-правовых основ ГОЗ, правового режима информации, регулирования ВТС и экспортного контроля, гражданско-правовых аспектов создания ВВТ и юридической ответственности позволяет сформировать у будущих инженеров системное понимание правовых последствий их профессиональной деятельности.

Предложенные инновационные методические подходы, включая метод кейсов, деловые игры, проектную деятельность и привлечение практикующих специалистов, создают условия для перехода от пассивного усвоения норм к активному формированию правового мышления. Это обеспечивает не только приобретение знаний, но и выработку практических навыков правовой оценки технических решений и идентификации рисков.

Таким образом, реализация предложенной концепции преподавания «Правоведения» будет способствовать подготовке высококвалифицированных инженерных кадров для ОПК, обладающих не только технической, но и правовой культурой, что является важным фактором обеспечения национальной безопасности и технологического суверенитета Российской Федерации. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных учебно-методических комплексов и интеграцию правовых тренингов в производственную практику на предприятиях ОПК.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воронина, К. С. Развитие кадрового потенциала оборонно-промышленного комплекса на основе института наставничества / К. С. Воронина, О. В. Писаренко // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 2. – С. 31-44. – DOI 10.54861/27131211_2025_2_31. – EDN JMFPIE.
2. Федеральный закон "О государственном оборонном заказе" от 29.12.2012 N 275-ФЗ (последняя редакция) // «Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: consultant.ru (дата обращения: 06.10.2025)
3. Закон РФ "О государственной тайне" от 21.07.1993 N 5485-1 (последняя редакция) // «Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: consultant.ru (дата обращения: 06.10.2025)
4. Федеральный закон от 18.07.1999 №183-ФЗ «Об экспортном контроле» (редакция от 26.03.2022) // «Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: consultant.ru (дата обращения: 06.10.2025)

5. Ревенко Лилия Сергеевна, Ревенко Николай Сергеевич Политические и экономические аспекты участия России в Вассенаарских договоренностях // Вестник МГИМО. 2016. №1 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-i-ekonomicheskie-aspekty-uchastiya-rossii-v-vassenaarskih-dogovorennostyah> (дата обращения: 06.10.2025).
6. Постановление Правительства РФ от 16.04.2001 N 296 (ред. от 03.02.2023) "Об утверждении Положения об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении оборудования, материалов и технологий, которые могут быть использованы при создании ракетного оружия" // «Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: consultant.ru (дата обращения: 06.10.2025)

ОБ АВТОРЕ:

Пронина Ирина Валерьевна,
старший преподаватель с в/о кафедры
иностранных языков №3,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова» (ФГБОУ
ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»), Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Pronina Irina V.,
senior lecturer at the department of foreign
languages № 3,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education "Plekhanov Russian University of
Economics" (Plekhanov Russian University of
Economics), Moscow, Russia

УДК 378

Пронина И.В.

Модель формирования новой исследовательской культуры студентов

В условиях цифровизации и информационной перегруженности образовательной среды актуализируется необходимость формирования новой исследовательской культуры студентов, которая, в отличие от традиционной научно-исследовательской культуры, интегрирует цифровой компонент, навыки работы с большими объемами данных, цифровую грамотность и развитые компетенции в области академической честности. Представленная модель включает методологический, содержательный, деятельностный, диагностический и результативный блоки и опирается на деятельностный, полисубъектный и экологический педагогические подходы. Она также предусматривает реализацию четырех основных педагогических условий: создание безопасной и комфортной

образовательной среды; интеграция цифровых технологий и обеспечение доступа к образовательным ресурсам; мотивационная поддержка студентов; организация сетевого взаимодействия. Разработанная модель направлена на формирование у студентов мотивации к исследовательской деятельности, развитие самоорганизации, ответственности, академической честности и цифровой грамотности, что позволит им эффективно решать сложные задачи в условиях современного информационного общества.

Ключевые слова: новая исследовательская культура, цифровизация образования, информационная перегруженность, педагогические условия, цифровая грамотность, академическая честность, модель формирования.

Для цитирования: Пронина И.В. Модель формирования новой исследовательской культуры студентов // Социально-гуманитарные технологии. 2025. №4 (36). С. 172-180.

THE MODEL OF FORMATION OF A NEW RESEARCH CULTURE OF STUDENTS

Пронина I.V.

In the context of digitalization and information overload of the educational environment, the need for the formation of a new research culture of students is being actualized, which, unlike the traditional research culture, integrates a digital component, skills of working with large amounts of data, digital literacy and developed competencies in the field of academic integrity. The presented model includes methodological, substantive, activity-based, diagnostic and effective blocks and is based on activity-based, multi-subject and environmental pedagogical approaches. It also provides for the implementation of four main pedagogical conditions: the creation of a safe and comfortable educational environment; the integration of digital technologies and access to educational resources; motivational support for students; the organization of networking. The developed model is aimed at forming students' motivation for research activities, developing self-organization, responsibility, academic integrity and digital literacy, which will allow them to effectively solve complex problems in the modern information society.

Keywords: new research culture, digitalization of education, information overload, pedagogical conditions, digital literacy, academic integrity, model of education.

For citation: Pronina I.V. The model of formation of a new research culture of students. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2025; 4 (36): 172-180. (In Russ.)

Введение

Современная образовательная среда претерпевает радикальные изменения, связанные с цифровизацией и экспоненциальным ростом объемов информации. Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145, одной из приоритетных задач является подготовка специалистов, способных к самостоятельной исследовательской работе в условиях современных вызовов [1]. Однако традиционные подходы к формированию исследовательской культуры, рассчитанные на относительно стабильную информационную среду, оказываются недостаточными для эффективной работы студентов в условиях информационной перегруженности.

Проблема информационной перегрузки в образовательной среде студентов подтверждена многочисленными отечественными и зарубежными исследованиями. Она проявляется на индивидуальном, организационном и технологическом уровнях, оказывая влияние на эффективность обучения, психологическое состояние и качество исследовательской деятельности. Ежегодный рост объема информации, многообразие каналов коммуникации, недостаток навыков фильтрации и критической оценки информации, а также психологические барьеры, связанные со стрессом и конкуренцией, требуют разработки новых подходов к формированию исследовательской культуры [10].

Необходимость переосмысления традиционных подходов обусловлена структурными трансформациями в современной научной системе. Наблюдается экспоненциальный рост объема данных, усложнение инструментального и методологического аппарата, интенсификация междисциплинарных задач, усиление публикационного давления и возрастание общественного запроса на прозрачность и подотчетность научных исследований. Указанные факторы выявляют функциональные ограничения традиционной исследовательской культуры и объясняют необходимость её концептуальной модернизации.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных и зарубежных ученых в области педагогики: Агаевой Р.Р., Ломковой Е.Н., Амбаровской П.А., Шабровой Н.В., Кеммета Е.В., Михайловой, Ардашевой Н.В., Вачкова И.В., Белолуцкой А.К., Воронцова А.Б., Высоцкой Е.В., Ивановой М.М., Малетина С.В., Рындовской Е.В., Коменского Я., Моисеевой Л.В., Харламова И.Ф. и других.

Практическая значимость работы заключается в разработке модели формирования новой исследовательской культуры студентов, которая может быть интегрирована в современные образовательные программы для повышения мотивации к научной деятельности, развития самоорганизации, ответственности, академической честности и цифровой грамотности. Реализация полученных результатов позволит повысить эффективность подготовки специалистов, способных решать сложные задачи современного общества и научного сообщества.

Основная часть

Формирование новой исследовательской культуры студентов является приоритетной задачей современного высшего образования, отличающейся от традиционной научно-исследовательской культуры интеграцией цифрового компонента и адаптацией к современным вызовам. Традиционное понимание научно-исследовательской культуры, сложившееся в XX веке, основывалось на передаче

студентам устоявшихся научных методов, развитию базовых исследовательских навыков и формировании ценностного отношения к науке [4; 11].

Новую исследовательскую культуру студентов целесообразно рассматривать в русле эволюции «новой педагогики», ориентированной на личностное развитие, диалог и активные методы обучения. В отличие от классической трактовки, она интегрирует цифровизацию, работу с большими объемами данных, использование инструментов искусственного интеллекта и инновационные подходы к решению научных задач [8].

Новую исследовательскую культуру студентов целесообразно определить как комплексное, глубокое внутреннее качество личности, формирующее ее отношение к науке и исследованиям, которое проявляется в овладении методами научной работы и в способности ставить инновационные вопросы, проводить исследования с использованием современных технологий, анализировать большие объемы данных, оценивать собственную работу, а также в развитии творческих способностей, критического мышления и стремления к постоянному самосовершенствованию [10].

В контексте высшего образования новая исследовательская культура понимается как системно сформированный комплекс ценностей, норм, установок и компетенций студента, включающий в себя:

- мотивацию к научному поиску и стремление к инновационным решениям;
- самоорганизацию (планирование, исполнение, рефлексия);
- критическую оценку и верификацию источников в условиях информационного изобилия;
- цифровую и дата-грамотность, в том числе навыки работы с аналитическими инструментами и базами данных;
- соблюдение принципов академической честности как в офлайн-, так и в онлайн-среде;
- сетевое взаимодействие (peer-review, коллаборации, участие в профессиональных сообществах);
- ориентацию на воспроизводимость и прозрачность исследовательских процедур.

Новая исследовательская культура обеспечивает самостоятельное, этическое и воспроизводимое производство знания и концептуально сопрягается с «новой педагогикой», эволюционировавшей от ученикоцентричных и деятельностных подходов к цифроинтегрированным образовательным практикам.

В свою очередь, информационная перегруженность представляет собой состояние, при котором объем информации, поступающей к человеку, превышает его способность эффективно ее воспринимать, осмысливать и использовать. В современном контексте она характеризуется следующими факторами:

1. Экспоненциальный рост объема информации (ежегодное удвоение объема научных публикаций и данных, что затрудняет освоение релевантного материала)
2. Многообразие каналов коммуникации (одновременное использование электронной почты, мессенджеров, социальных сетей, образовательных платформ приводит к фрагментации внимания);
3. Недостаток навыков критической оценки (трудности в определении достоверности и релевантности источников);
4. Информационный шум (преобладание нерелевантной, противоречивой и недостоверной информации);

5. Интенсификация цифровизации образования (внедрение онлайн- и смешанных форм обучения, множественные цифровые сервисы);

6. Психологические барьеры (стресс, тревожность, синдром упущенных возможностей) [2].

Информационная перегруженность выступает главным фактором, определяющим необходимость перехода к принципиально новому качеству исследовательской культуры студентов.

В условиях информационной перегруженности цифровая грамотность становится не факультативным, а обязательным компонентом исследовательской культуры и включает в себя:

- цифровые навыки (владение различными программными продуктами для анализа данных, создания визуализаций, проведения исследований, использования онлайн-библиотек и баз данных);

- информационную грамотность в цифровой среде (способность критически оценивать и выбирать достоверную информацию из цифровых источников);

- работу с большими данными (навыки фильтрации, структурирования и синтеза информации из множественных источников);

- использование инструментов искусственного интеллекта (понимание возможностей и ограничений AI-инструментов при проведении исследований).

Академическая честность приобретает новые аспекты в условиях доступности множества источников и цифровых инструментов. Основные компоненты включают в себя:

- этичное использование источников, которое предполагает надлежащее цитирование, избегание плагиата, в том числе самоплагиата;

- соблюдение авторского права, что выражается в ответственном использовании текстов, изображений, данных;

- прозрачность методологии, то есть документирование всех этапов исследования, в том числе использование цифровых инструментов и AI;

- предотвращение манипуляций данными, а именно критическое отношение к результатам анализа, избегание фальсификации;

- противодействие информационным искажениям, что предполагает осознание возможности алгоритмических предубеждений и дезинформации.

Соответственно, студенты должны понимать, что цифровая этика является не ограничением, а условием научной надежности и доверия к результатам исследования [3].

Разработанная авторская модель формирования новой исследовательской культуры студентов в условиях информационной перегруженности представляет собой системный подход к интеграции основных компонентов, необходимых для успешного формирования исследовательских навыков. В условиях информационной перегруженности актуализируется необходимость разработки и внедрения педагогических подходов, которые обеспечивают развитие у студентов критического мышления, самостоятельности и способности к эффективному взаимодействию с образовательной средой. В данном контексте особое внимание уделяется деятельностному, полисубъектному и экологическому педагогическим подходам, которые служат теоретической основой для формирования новой исследовательской культуры.

Деятельностный подход предусматривает активное вовлечение студентов в разнообразные формы практической деятельности (исследовательские проекты,

лабораторные работы, разработка кейсов), которые способствуют развитию аналитических и исследовательских навыков. В эпоху цифровизации он предполагает развитие у студентов навыков работы с информацией, фильтрации, анализа и систематизации данных [6].

Экологический подход ориентирует образовательный процесс как на гармонизацию взаимодействия между участниками (студенты, преподаватели, сообщество), так и на экологичное применение цифровых решений. Он обеспечивает целостность образовательной системы, поддерживая баланс между технологическими возможностями и человеческой креативностью [9].

Полисубъектный подход акцентирует взаимодействие различных субъектов образовательного процесса, где каждый участник (студент, преподаватель, эксперт) является активным субъектом с собственными целями и мотивацией. Он способствует формированию новой исследовательской культуры через развитие навыков коллективной работы и критического осмысления информации [5].

Выбор указанных подходов обусловлен их значимостью и соответствием целям формирования новой исследовательской культуры студентов в условиях информационной перегруженности образовательной среды. Данные подходы взаимодополняют друг друга и предоставляют теоретическую основу для разработки и реализации педагогических стратегий, направленных на оптимизацию образовательного процесса и развитие исследовательских навыков у студентов.

Результатом проведенного исследования является разработка модели формирования новой исследовательской культуры, которая состоит из пяти взаимосвязанных блоков (таблица 1).

Таблица 1. Структура модели формирования новой исследовательской культуры студентов в условиях информационной перегруженности образовательной среды

1. Методологический блок (определяет теоретические и концептуальные основания процесса)	Цель: формирование у студентов новой исследовательской культуры, основанной на мотивации к исследовательской деятельности, развитии самоорганизации, ответственности, академической честности и цифровой грамотности. Основные задачи: - формирование ценностно-мотивационного компонента; - развитие когнитивно-технологического компонента; - формирование рефлексивного компонента; - развитие цифрового компонента; - создание педагогических условий.
2. Содержательный блок (определяет основные педагогические условия)	Условие 1. Создание безопасной и комфортной образовательной среды предполагает обеспечение психологической безопасности, где студенты могут свободно выражать свои мысли и идеи без страха осуждения, а также формирует среду, способствующую повышению мотивации к обучению, улучшению концентрации и продуктивности. Условие 2. Интеграция цифровых технологий и обеспечение доступа к образовательным ресурсам предполагает внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс, использование онлайн-библиотек, баз данных и образовательных платформ. Оно решает проблему недостаточного доступа к актуальным, проверенным ресурсам. Условие 3. Мотивационная поддержка студентов основана на построении партнерских отношений между студентами и

	преподавателями, вовлечении экспертов и наставников. Оно включает в себя системы признания достижений и создание возможностей для карьерного роста. Условие 4. Сетевое взаимодействие предполагает организацию партнерской работы, обмена опытом и коллективных исследований, способствует развитию самоорганизации и укреплению академической честности через коллективную оценку.
3. Деятельностный блок (реализуется через три основных этапа)	Диагностический этап – оценка исходного уровня знакомства студентов с принципами научного исследования и их исследовательского потенциала. Проблемно-ориентированный этап – активное формирование исследовательских навыков через постепенно усложняющиеся задания и самостоятельное выбранные направления исследования. Корректировочный этап – анализ достигнутых результатов, оценка уровня сформированности новой исследовательской культуры и адаптация подходов к индивидуальным потребностям.
4. Диагностический блок (предусматривает оценку сформированности новой исследовательской культуры по четырем компонентам)	1. Ценностно-мотивационный компонент (наличие мотивации к научному поиску, ценностное отношение к исследованиям). 2. Когнитивно-технологический компонент (знания методологии и навыки работы с информацией). 3. Рефлексивный компонент (способность к анализу собственной деятельности и самоконтролю). 4. Цифровой компонент (уровень цифровой грамотности, навыки работы с инструментами анализа данных и соблюдения цифровой этики).
5. Результативный блок (определяет ожидаемые результаты реализации модели)	- Повышение уровня исследовательской культуры студентов по всем компонентам. - Формирование навыков академического письма и работы с источниками. - Развитие цифровой грамотности и критического мышления. - Успешное выполнение научно-исследовательских проектов. - Умение работать как в коллективе, так и самостоятельно. - Адаптация к условиям информационной перегруженности.

Источник: составлено автором

Анализ теоретических и эмпирических исследований позволяет выделить четыре взаимосвязанных компонента новой исследовательской культуры студентов, каждый из которых имеет специфические характеристики и показатели сформированности:

1. Ценностно-мотивационный компонент характеризует систему ценностных ориентаций студентов в отношении научной деятельности и степень мотивации к исследовательской работе. Этот компонент включает в себя наличие положительного отношения к науке, стремление к познанию новых знаний, готовность к преодолению трудностей в процессе исследования, а также осознание значимости исследовательской деятельности для профессионального развития. В условиях информационной перегруженности формирование позитивной мотивации становится особенно важным, так как позволяет студентам преодолевать психологические барьеры и поддерживать интерес к научной работе несмотря на избыток информации.

2. Когнитивно-технологический компонент отражает наличие у студентов необходимых знаний методологии научного исследования и практических навыков работы с информацией. Данный компонент включает владение методами сбора и обработки данных, умение структурировать информацию, проводить анализ и синтез информационного материала, а также способность применять различные исследовательские инструменты. Особенность этого компонента в контексте новой исследовательской культуры заключается в необходимости работы с цифровыми инструментами, базами данных, облачными сервисами и инструментами для обработки больших объемов информации.

3. Рефлексивный компонент определяет способность студентов к критическому анализу собственной деятельности, оценке своих возможностей и недостатков в исследовательской работе. Рефлексия позволяет студентам осознавать процесс своего обучения, выявлять области для самосовершенствования и корректировать свои стратегии исследовательской деятельности. В условиях информационной перегруженности рефлексивный компонент помогает студентам избежать информационного шума и критически оценивать качество найденных источников.

4. Цифровой компонент характеризует уровень цифровой грамотности студентов, включая навыки работы с цифровыми технологиями, инструментами анализа данных, онлайн-библиотеками, а также понимание вопросов цифровой этики и соблюдение принципов академической честности в цифровой среде. Этот компонент является принципиально новым по сравнению с традиционной исследовательской культурой и отражает трансформации в современной науке и образовании.

Оценка сформированности новой исследовательской культуры студентов требует четкого определения критериев и уровней оценивания:

— наличие внутренней мотивации, активность в участии в научных проектах, готовность к преодолению сложностей, ориентация на успех в исследовательской работе;

— знание методов научного исследования, умение выбирать и применять подходящие методы, владение инструментарием научной деятельности, способность к проведению качественного анализа;

— умение критически оценивать источники информации, способность к фильтрации и синтезу информации, использование проверенных и надежных источников, избежание информационного шума;

— владение цифровыми инструментами, умение работать с онлайн-ресурсами, соблюдение принципов цифровой этики, понимание рисков и возможностей использования AI в исследованиях;

— правильное оформление цитирования, отсутствие плагиата, прозрачность методологии, добросовестность в представлении результатов.

По каждому критерию можно выделить три уровня сформированности новой исследовательской культуры:

1. Низкий уровень (инициативный) характеризуется поверхностным знакомством с компонентами исследовательской культуры, недостаточной мотивацией, фрагментарным применением методов и инструментов, затруднениями в критической оценке информации и соблюдении принципов академической честности.

2. Средний уровень (репродуктивный) предполагает достаточное знание основных методов и инструментов исследовательской деятельности, наличие

стабильной мотивации, способность к применению методов под руководством преподавателя, умение анализировать информацию, хотя и требующее проверки. На этом уровне студенты начинают самостоятельно использовать цифровые инструменты и придерживаются правил академической честности.

3. Высокий уровень (творческий) характеризуется глубоким пониманием методологии исследования, высокой внутренней мотивацией, самостоятельным выбором и применением методов и инструментов, критическим анализом источников, уверенным использованием цифровых технологий, строгим соблюдением принципов академической честности и проявлением творческого подхода к решению исследовательских задач.

Подводя итог, следует отметить, что разработанная модель направлена на разрешение следующих противоречий, характерных для современного высшего образования:

1. Противоречие между необходимостью самостоятельной исследовательской деятельности студентов и недостаточной сформированностью навыков самоорганизации и ответственности. Это решается через создание педагогических условий, которые развивают самоорганизацию студентов через постепенное усложнение задач и предоставление возможности для самостоятельного выбора направлений исследования.

2. Противоречие между требованиями цифровизации образования и низким уровнем цифровой грамотности у части студентов. Решение заключается в интеграции цифровых технологий как учебного средства и обеспечении систематического развития цифровых компетенций через практическое использование инструментов анализа данных и онлайн-ресурсов.

3. Противоречие между потребностью в академической честности и распространенностью недобросовестных практик (плагиат, списывание) в условиях доступности информации и цифровых инструментов. Модель решает эту проблему через создание безопасной образовательной среды, где студенты понимают ценность честности, получают поддержку преподавателей в соблюдении этических норм и развивают критическое мышление.

4. Противоречие между желанием студентов участвовать в исследовательских проектах и отсутствием мотивации, поддержки и доступа к качественным цифровым ресурсам. Модель устраняет данное противоречие через мотивационную поддержку, организацию сетевого взаимодействия с экспертами и обеспечение доступа к проверенным образовательным ресурсам.

5. Противоречие между информационным изобилием и неготовностью студентов к эффективной работе в условиях информационной перегруженности. Решение достигается через развитие навыков критической оценки информации, использование экологичного подхода к выбору источников и обучение фильтрации информационного потока.

Заключение

Разработанная модель формирования новой исследовательской культуры студентов в условиях информационной перегруженности представляет собой комплексный подход, адаптированный к реалиям современной образовательной среды. Она интегрирует традиционные компоненты научно-исследовательской культуры с цифровым компонентом, навыками работы с информационными

потоками и компетенциями в области академической честности. Основной вклад предложенной модели заключается в том, что она:

1. Учитывает специфические вызовы информационной перегруженности образовательной среды.

2. Интегрирует цифровую грамотность как неотъемлемый компонент, а не дополнение к исследовательской культуре.

3. Делает приоритет академической честности в условиях доступности множества источников и цифровых инструментов.

4. Реализует системный подход через пять взаимосвязанных блоков, обеспечивающих целостность формирования.

5. Создает педагогические условия, специально разработанные для поддержки студентов в условиях информационной перегруженности.

Реализация данной модели в образовательных программах высшего образования позволит подготовить специалистов, готовых к эффективной научной и профессиональной деятельности в условиях современного информационного общества, способных адаптироваться к постоянно изменяющимся требованиям научного сообщества и рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 10, 04.03.2024, ст.1373.
2. Агаева, Р.Р., Ломкова, Е.Н. Информационная перегрузка // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2020. – С. 18-25.
3. Амбарова, П.А., Шаброва, Н.В., Кеммет, Е.В., Михайлова, А.Н. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России. – 2023. – № 7. – С. 96-116.
4. Ардашева, Н.В. Формирование исследовательской культуры студентов в учебно-познавательной деятельности : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Ардашева Надежда Владимировна. – Кемерово, 2011. – 229 с.
5. Вачков, И. В. Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде / И. В. Вачков // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 36-50.
6. Деятельностный подход в образовании : монография / А. К. Белолуцкая, А. Б. Воронцов, Е. В. Высоцкая [и др.] ; Составитель В.А. Львовский. Том Книга 4. – Москва : Некоммерческое партнерство "Авторский Клуб", 2021. – 440 с.
7. Иванова, М.М., Малетин, С.В., Рындовская, Е.В. Формирование культуры научно-исследовательской деятельности обучающихся в системе высшего образования // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-3. – С. 109-111.
8. Коменский, Я. Избранные педагогические сочинения : Пер. с лат. и нем. / Предисл. и примеч. А.А. Красновского. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 440 с.
9. Моисеева, Л. В. Экологический подход в психолого-педагогическом образовании как основа достижения устойчивого развития // Педагогическое образование в России. – 2012. – №2. – С. 18-26.
10. Пронина И.В., Бадмаева С.В. Проблемы и перспективы формирования новой исследовательской культуры студентов на современном этапе развития российского общества. Педагогические исследования. 2024. № 4. С. 160-186.
11. Харламов, И.Ф. Педагогика. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Гардарики, 2003. – 519 с.